

**Министерство образования и науки РФ
Федеральное агентство по образованию**

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

**Новосибирский государственный
университет**

Гуманитарный факультет
кафедра востоковедения

«Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)»
Учебно-методический комплекс

Документ подготовлен в рамках реализации Программы развития
государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Новосибирский государственный
университет» на 2009–2018 гг.

«Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)».
Учебно-методический комплекс / Сост.: д-р ист. наук, доц. Е. Э. Войтишек.
Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2011.– 108 с.

Учебно-методический комплекс содержит рабочую программу курса, рекомендации по организации самостоятельной работы студентов, выполнению практических заданий, банк обучающих и контролирующих материалов. Пособие предназначено для студентов 3-го курса отделения востоковедения гуманитарного факультета.

Рекомендовано учебно-методическим советом гуманитарного факультета.

Рецензент: канд. ист. наук, проф. С. А. Комиссаров

© Е.Э. Войтишек, 2011
© Новосибирский государственный университет, 2011

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ПО КУРСУ «ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИЗУЧАЕМОГО РЕГИОНА (ЯПОНИЯ)»

Программа курса (дисциплины) «Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)» составлена в соответствии с требованиями к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки бакалавра по циклу «общепрофессиональных дисциплин» по направлению «Востоковедение и африканистика», а также задачами, стоящими перед Новосибирским государственным университетом по реализации Программы развития НГУ.

Автор: Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук, доцент

Факультет гуманитарный
Кафедра востоковедения

1. Цели освоения дисциплины (курса)

Сегодняшняя историческая наука в Японии представляет собой мощный союз специалистов самых разных направлений, совокупные усилия которых поддерживаются неослабевающим вниманием широкой общественности, выражающимся в многочисленных образовательных теле- и радиопрограммах, в переводах на современный язык древних и средневековых памятников, в широком освещении последних открытий историков средствами массовой информации. Данные мероприятия являются чрезвычайно актуальными на фоне популярной в настоящее время среди историков идеи о включении истории Японии в общеисторический контекст Дальневосточного региона (в первую очередь, Китая и стран Корейского полуострова), в результате чего был в значительной степени преодолен свойственный прежде для работы японских историков изоляционизм и партикуляризм.

Рассмотрение характерной проблематики исследований и соответствующей ей концепции исторического развития Японии в средние века и в настоящее время, определение теоретико-методологических и философских принципов национальной исторической науки оказываются практически невозможными без фундаментального понятия «исторический источник». Потенциал источников, количество и качество заключенной в них информации подразумевают выявление и использование новых срезов исторической действительности, обнаружение и извлечение ранее неисчерпанных познавательно-исторических ресурсов.

Предметом данного курса является изучение корпуса источников японской истории, его типологии и периодизации. Основные понятия

источниковедения – исторический источник, классификация исторических источников, источниковедческий анализ и синтез рассматриваются как в историческом, так и в логическом плане и раскрываются в соотношении с основными общенаучными концепциями исторического знания.

Цель курса – дать системное знание об основных понятиях, категориях и методах источниковедческой и историографической науки и научить применению этих категорий и методов к различным видам источников, имеющих как общие характеристики, так и особенности, связанные с формированием конкретных исторических условий развития японской цивилизации.

Основные задачи дисциплины состоят в следующем:

1. представить основные типы исторических источников по средневековой и современной истории Японии;
2. уточнить своеобразие каждого типа анализируемых источников;
3. показать степень взаимодействия японского исторического источниковедения с другими науками, в частности, с историографией;
4. выяснить способы циркуляции текстов в обществе и дать характеристику аудитории, к которой они обращались;
5. выявить приоритетность определенных типов источников в конкретный историко-культурный период;
6. рассмотреть сдвиги в изучении средневековой Японии, которые произошли на современном этапе, а также раскрыть социально-политическую основу новых течений и школ, дать характеристику новых методов исследований.

Методологической основой данного курса послужили современные комплексные историко-текстологические подходы, а также достижения классической историографии – как японской, так и зарубежной, в том числе отечественной.

К окончанию данного курса студенты обязаны разбираться в основных типах источников по истории древней, средневековой и современной Японии; ориентироваться в историческом материале и уметь проводить сопоставительный анализ пройденного материала по хронологическому и событийному признакам.

2. Место дисциплины в структуре образовательной программы

Дисциплина «Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)» относится к базовой части профессионального цикла дисциплин и является обязательной для всех профилей обучения по направлению подготовки 032100 «Востоковедение и африканистика». Настоящий курс входит в комплекс историко-культурных программ, читаемых кафедрой востоковедения ГФ НГУ, и предназначен для студентов третьего курса (2-й семестр) отделения востоковедения ГФ НГУ. Он является необходимым звеном в цепочке дисциплин, охватывающих изучение историографии и

источниковедения Дальнего Востока: в 1-м семестре студенты третьего курса слушают курс по историографии и источниковедению Китая, а в 1-м семестре 4-го курса проходят дисциплину по историографии и источниковедению Кореи.

Данная образовательная программа в соответствии с Программой развития НИУ НГУ призвана обозначить конкретные направления межэтнического взаимодействия и рассчитана на опережающую подготовку высококвалифицированных кадров для фундаментальной и прикладной науки, системы ВПО в интересах национальной и региональной безопасности и развития геополитической роли Сибирского региона в глобальном мире, а также выработке сценария взаимодействия региона со странами Центральной и Южной Азии и АТР.

Данная программа способствует интеграции и координации усилий учебного, научного и инновационно-внедренческого потенциала гуманитарного факультета и ИАиЭТ СОРАН для совместных действий в образовательной и научной областях, включая международную деятельность и популяризацию научных знаний.

Программа курса предусматривает совершенствование методик преподавания востоковедных дисциплин путем стимулирования творческой самостоятельной работы студентов в решении задач фундаментального востоковедения, в том числе за счет расширения источниковой базы по истории и культуре Востока.

Развитием источниковедения и историографии как важнейших исторических наук, формированием их междисциплинарных связей и дифференциацией читаемых курсов обусловлен подход кафедры востоковедения ГФ НГУ к структуре и содержанию данной дисциплины. В данном курсе преодолевается существовавшее ранее ограничение кругом источников, возникших в системе социально-экономических и политических отношений. В научно-педагогическую практику вводятся источники, возникшие в сфере духовной жизни личности и общества. В результате подход к обзору корпуса вещественных и письменных источников японской истории приобретает более универсальный характер.

С одной стороны, письменные источники рассматриваются во взаимосвязи с другими типами исторических источников (мифологическими, археологическими, эпиграфическими, изобразительными). С другой стороны, в подходе к корпусу японских исторических источников более значительная роль отводится принципам сравнительного изучения источников стран дальневосточного региона, а также источников, относящихся к иным регионам и цивилизациям.

При этом обзор источников японской истории имеет не только прикладное, но и методологическое значение. Системно и целостно разработанная типология и периодизация эволюции корпуса японских исторических источников дает основу для типологического рассмотрения и сравнительного изучения корпуса исторических источников других стран.

Программа отвечает потребности творческой самостоятельной работы студентов и альтернативности выбора источников для конкретного освоения основ историографии и источниковедения.

3. Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины

В результате освоения дисциплины «Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)» студент должен овладеть следующими компетенциями:

а) общекультурными (ОК)

- способность научно анализировать социально значимые проблемы и процессы, умение использовать на практике методы гуманитарных, социальных, экономических, исторических, филологических наук в различных видах профессиональной и социальной деятельности, связанной с изучением Востока (ОК-1);
- способность использовать в познавательной и профессиональной деятельности базовые и профессионально профилированные знания основ филологии, истории, экономики, социологии и культурологии; владение культурой мышления, знание его общих законов, способность в письменной и устной речи правильно (логически) оформить его результаты на родном, западном и восточном языках (ОК-2);
- способность приобретать новые знания, используя современные образовательные и информационные технологии (ОК-3);
- способность собирать, обрабатывать и интерпретировать с использованием современных информационных технологий данные, необходимые для формирования суждений по соответствующим профессиональным, социальным, научным и этическим проблемам (ОК-4);
- решения профессиональных задач (ОК-8);
- способность и готовность к практическому анализу логики различного вида рассуждений, владение навыками публичной речи, аргументации, ведения дискуссии и полемики (ОК-9);
- способность понимать культуру социальных отношений, критически переосмысливать свой социальный опыт, готовность уважительно относиться к историческому наследию и культурным традициям (ОК-16).

б) профессиональными (ПК)

в научно-исследовательской деятельности:

- продемонстрировать владение теоретическими основами организации и планирования научно-исследовательской работы (ПК-1);
- способность применять знание цивилизационных особенностей регионов, составляющих афро-азиатский мир (ПК-2);

- способность понимать, излагать и критически анализировать информацию о Востоке, свободно общаться на основном восточном языке, устно и письменно переводить с восточного языка и на восточный язык тексты культурного, научного, политико-экономического и религиозно-философского характера (ПК-3);
- владение понятийным аппаратом востоковедных исследований (ПК-4);

в учебно-образовательной деятельности:

- владение одним из языков народов Азии и Африки (помимо освоения различных аспектов современного языка предполагается достаточное знакомство с классическим (древним) вариантом данного языка, что необходимо для понимания неадаптированных текстов, истории языка и соответствующей культурной традиции) (ПК-5);
- способность применять знание основных географических, демографических, экономических и социально-политических характеристик изучаемой страны (региона) (ПК-6);
- умение создавать базы данных по основным группам востоковедных исследований (ПК-7);
- умение обрабатывать массивы статистическо-экономических данных и использовать полученные результаты в практической работе (ПК-8);

в экспертно-аналитической деятельности:

- способность понимать и анализировать принципы составления проектов в профессиональной сфере на основе системного подхода, умение строить и использовать модели для описания и прогнозирования различных явлений, осуществлять их качественный и количественный анализ (ПК-9);
- способность использовать знание принципов составления научно-аналитических отчетов, обзоров, информационных справок и пояснительных записок (ПК-10);
- умение излагать и критически анализировать массив данных на восточном языке и представлять результаты исследований (ПК-11);
- способность использовать понимание роли традиционных и современных правовых систем народов Азии и Африки в формировании политической культуры и менталитета народов афро-азиатского мира (ПК-12);

в практической и организационной деятельности:

- способность применять на практике знание теоретических основ управления в сфере контактов со странами афро-азиатского мира (ПК-13);

- владение информацией об основных особенностях материальной и духовной культуры изучаемой страны (региона), понимание роли религиозных и религиозно-этических учений в становлении и функционировании общественных институтов, умение учитывать в практической и исследовательской деятельности специфику, характерную для носителей соответствующих культур (ПК-14);
- способность использовать знание этнографических, этнолингвистических и этнопсихологических особенностей народов Азии и Африки и их влияния на формирование деловой культуры и этикета поведения (ПК-15);
- способность пользоваться навыками критического анализа и практического применения знаний по актуальным проблемам развития афро-азиатского мира, решение которых способствует укреплению дипломатических позиций, повышению экономической безопасности и конкурентоспособности Российской Федерации (ПК-16).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

обладать суммой знаний об основных теоретических аспектах историографии и источниковедения, а также исследовательской практики применительно к японским историческим реалиям;

владеть навыками самостоятельной работы с различными китайскими, японскими и корейскими источниками (для осуществления лучшего понимания специфики дальневосточного историко-культурного ареала); навыками творческого применения методологии исторической науки (на материалах китайских, японских и корейских источников); владеть навыками источниковедческого анализа.

Студент должен уметь профессионально представлять в виде интеллектуального продукта свой исследовательский результат изучения исторических реалий Японии, которые оказывали непосредственное влияние на дальневосточную культуру.

К окончанию данного курса студент обязан:

знать основные типы источников по истории Японии; ориентироваться в историографическом материале;

уметь проводить сопоставительный анализ пройденного материала по хронологическому и событийному принципам; выявлять видовые особенности изучаемого корпуса источников и источниковедческой аналитики; уметь анализировать источниковедческие и историографические понятия в системе различных общенаучных парадигм.

4. Структура и содержание дисциплины Общая трудоемкость дисциплины составляет 3 зачетные единицы, 108 часов.

№ п/ п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов и трудоемкость (в часах)				Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра) Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
				лек ции	к/ра бот ы	пра кти ч. зан	сам . раб. сту ден та	
		2	1- 16					
	Календарный модуль 2.		16	32	16		54	
	<i>Дисциплинарный модуль 1.</i>		<i>1-3</i>	<i>6</i>	<i>0,5</i>	<i>1,5</i>	<i>10</i>	
	Тема 1. Понятие исторического источника. Классификация источников. Типы и виды источников.		1	1			2	
	Тема 2. Квалификация источников. Проблема достоверности исторических источников. Проблема взаимодействия различных видов источников.		1-2	3		1,5	4	Самостоятельная работа № 1 «Особенности археологических источников»
	Тема 3. Условия природно-географической среды как необходимая предпосылка для		3	2				Блиц-опрос

	изучения общественного развития.							
			3		0,5			<i>Контрольная работа № 1 «Основные источники по древней и средневековой истории Японии»</i>
	<i>Дисциплинарный модуль 2.</i>		<i>4-7</i>	<i>8</i>	<i>1</i>	<i>3</i>	<i>12</i>	
	Тема 4. Доисторическая Япония. Миграция древнего человека. Проблемы палеолита.		4	2			4	
	Тема 5. Эпоха Дзёмон и основные исторические источники.		5	2		1,5	4	Самостоятельная работа № 2 «Особенности изобразительных источников»
	Тема 6. Эпоха Яёй и основные исторические источники.		6	2			2	
	Тема 7. Эпоха Кофун и основные исторические источники.		7	2		1,5	2	
			7		1			<i>Контрольная работа № 2 «Древняя история Японского Архипелага, основные источники»</i>

	Дисциплинарный модуль 3.		8-11	8	1	3	10	
	Тема 8. Письменные источники по ранней истории. Эпиграфика.		8	2			4	Самостоятельная работа 3 «Актовые материалы как исторический источник»
	Тема 9. Исторические источники эпохи Нара. «Шесть национальных хроник» («Риккокуси»)		9	2		1,5	2	
	Тема 10. Законодательные своды.		10	2		1,5	2	Самостоятельная работа 4 «"Законы о монахах и монахинях" как исторический источник»
	Тема 11. Письменные источники эпохи Нара.		11	2			2	
					1			Контрольная работа № 3 «Основные исторические источники по ранней истории Японии»
	Дисциплинарный модуль 4.		12-14	6	1	3	12	
	Тема 12. Письменные памятники эпохи Хэйан. Исторические повествования <i>рэкуси-моногатари</i> .		12	2		1,5	4	Блиц-опрос
	Тема 13.		13	2			4	

	Письменные памятники эпохи Камакура							
	Тема 14. Самурайский эпос <i>гунки-моногатари</i>		14	2		1,5	4	Самостоятельная работа № 5 «“Хо:гэн-моногатари” - ценный источник самурайского периода в японской истории»
					1			Контрольная работа № 4 «Исторические источники эпохи Хэйан и Камакура»
	Дисциплинарный модуль 5.			3			10	
	Тема 15. Философские и историко-политические сочинения периодов Камакура и Муромати		15-16	3		1,5	6	Самостоятельная работа № 6 «Трактат Дзиэна «Гукансё» как первый памятник философии истории в Японии»
					0,5			Контрольная работа № 5 «Философские и историко-политические сочинения периодов Камакура и Муромати».
	Итоговый контроль	1	16	1				Выставление рейтинговой оценки по календарному

								<i>модулю. Возможность добора баллов.</i>
	<i>Итого</i>			32	5	11	60	108

5. Образовательные технологии

В соответствии с требованиями ФГОС ВПО по направлению подготовки реализация компетентностного подхода в преподавании дисциплины «Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)» предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой. В рамках учебного курса, предназначенного для студентов-востоковедов 3 курса, предусмотрены рабочие встречи, семинары и воркшопы с представителями российских и зарубежных университетов, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов. Методика занятий в значительной степени подразумевает практико-ориентированный подход, что способствует формированию особой коммуникативной культуры бакалавра-востоковеда, профессионально ориентированного в теоретических вопросах историографии и источниковедения.

Методологической основой курса послужили современные комплексные историко-текстологические подходы; классическая историография (китайская, японская, корейская, западная и отечественная); достижения культурно-исторического, культурно-морфологического, культурно-географического и историко-социологического направлений.

Данная программа способствует интеграции и координации усилий учебного, научного и инновационно-внедренческого потенциала гуманитарного факультета и ИАиЭТ СОРАН для совместных действий в образовательной и научной областях, включая международную деятельность и популяризацию научных знаний.

6. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины и учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

Содержание курса

Дисциплинарный модуль 1

Тема 1. Понятие исторического источника. Классификация источников. Типы и виды источников.

Тема 2. Проблемы квалификации, достоверности и сохранности источников.

Тема 3. Условия природно-географической среды как необходимая предпосылка для изучения общественного развития.

Самостоятельная работа № 1 «Особенности археологических источников» (2-3 балла).

1. Сформулировать особенности расположения археологических источников.
2. Перечислить и охарактеризовать приемы обнаружения археологических памятников.
3. Охарактеризовать основные методы датирования археологических источников.
4. Охарактеризовать классификации видов датировки.

Контрольная работа 1 по теме «Основные источники по древней и средневековой истории Японии» (3-4 балла).

1. Дать определение исторического источника.
2. Дать краткую характеристику проблем классификации, квалификации, достоверности и сохранности источников.
3. Кратко охарактеризовать особенности японской историографии.

Рекомендуемая учебная литература к этому разделу

Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.

Введение в востоковедение / Отв. ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевич. СПб., 2011.

История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.

История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.

Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1958.

Воробьев М. В. Япония в III-VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1980.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., Наука, 1986.

Историография стран Востока. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

История Японии / Отв. ред. А.Е.Жуков. В 2-х т. – М.: ИВ РАН, 1999.

Источниковедение истории Древнего Востока. – М.: Высшая школа, 1984.

Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. СПб., 2002.

Дисциплинарный модуль 2

Тема 4. Доисторическая Япония. Миграция древнего человека.
Проблемы палеолита.

Тема 5. Эпоха Дзёмон и основные исторические источники.

Тема 6. Эпоха Яёй и основные исторические источники.

Тема 7. Эпоха Кофун и основные исторические источники.

Самостоятельная работа № 2 «Особенности изобразительных источников» (2-3 балла).

1. Охарактеризовать методы работы с изобразительными источниками.
2. Проанализировать *эмаки-моно*, *укиё*.
3. Дать характеристику архитектурным ансамблям, скульптуре, мелкой пластике.
4. Описать особенности таких источников, как храмовые росписи и фрески.
5. Охарактеризовать специфику источников: живописные полотна, предеты культа.
6. Указать основные собрания изобразительных источников и музейных коллекций.

Контрольная работа 2 по теме «Древняя история Японского Архипелага» (3-4 балла).

1. Перечислить основные этапы развития цивилизации на Японских островах.
2. Сформулировать проблемы изучения палеолита.
3. Перечислить в хронологическом порядке основные периоды японской истории.
4. Сформулировать основные характеристики периода Дзёмон, дать иероглифическое написание периода, указать варианты названий, указать хронологические рамки, соответствие конкретному историческому периоду в мировой классификации и ареал распространения культуры Дзёмон.
5. Перечислить основные археологические источники периода Дзёмон, дать их иероглифическое написание и краткую характеристику.
6. Сформулировать основные характеристики периода Яёй, дать иероглифическое написание периода, указать хронологические рамки, соответствие конкретному историческому периоду в мировой классификации, ареал и центры распространения культуры Яёй.

7. Перечислить основные археологические источники периода Яёй, дать их иероглифическое написание и краткую характеристику.
8. Сформулировать основные характеристики периода Кофун, дать иероглифическое написание периода, указать хронологические рамки, соответствие конкретному историческому периоду в мировой классификации, ареал и центры распространения культуры Кофун.
9. Перечислить основные археологические источники периода Кофун, дать их иероглифическое написание и краткую характеристику.

Рекомендуемая учебная литература к этому разделу

Деревянко А. П. Древние культуры Японии // Археология зарубежной Азии. М.; Высш. шк., 1986. С. 335–352.

Деревянко А. П. Культура яёй и ее связи с материковыми культурами // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-ние, 1975. С. 138–149.

Деревянко А. П. Палеолит Японии. Новосибирск, 1984.

Кодзики. Записки о деяниях древности. Т. 1–2. СПб., 1994.

Конрад Н. И. Древняя история Японии // Избранные труды. История. М., 1974.

Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. М., 1991.

Конрад Н. И. Очерк истории культуры средневековой Японии, VII–XVI века. М., 1980.

Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. СПб., 2002.

Сэнсом Дж. Б. Япония. Краткая история культуры. СПб, 2002.

Дисциплинарный модуль 3

Тема 8 Письменные источники по ранней истории. Эпиграфика. Деревянные таблички *моккан*. Тексты на лакированной бумаге *урусигами-бунсё*. Мифолого-летописные своды «Кодзики» и «Нихон сёки».

Тема 9. Эпоха Нара и основные исторические источники.

«Шесть национальных хроник» («Риккокуси»).

Тема 10. Законодательные своды.

Тема 11. Письменные памятники эпохи Нара. Актовый материал. Фудоки. Генеалогические списки родов. Нихон рёики. Манъёсю.

Самостоятельная работа 3 по теме «Актовые материалы как исторический источник» (2-3 балла).

1. Сформулировать особенности методики работы с актовыми источниками.
2. Перечислить виды и классификации актовых документов.
3. Сформулировать специфику японских актовых материалов.
4. Проанализировать образцы актовых материалов, использовавшихся в японской истории.

Самостоятельная работа 4 по теме «“Законы о монахах и монахинях” как исторический источник» (2-3 балла).

1. Сформулировать принципы формирования структуры законодательства в Японии.
2. Проанализировать принципиальные отличия японского законодательства эпохи Нара от китайского эпохи Тан.
3. Выявить специфику раздела «Со:нирё:» в японском законодательстве как источника по истории эпохи Нара.

Контрольная работа 3 по теме «Основные исторические источники по ранней истории Японии» (3-4 балла).

1. Указать иероглифическое название и хронологические рамки эпохи Нара, дать ее основные характеристики.
2. Перечислить виды источников, дать краткую характеристику каждому виду.
3. Сформулировать значение каждого вида исторических источников.

Рекомендуемая учебная литература к этому разделу

Манъёсю. Т. 1–3, М., 1971–1972.

Мещеряков А. Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М., 1987.

Мещеряков А. Н. Древняя Япония: культура и текст. М., 1991.

Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. СПб., 2002.

Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Т. 1–2 / Пер. с древнеяп. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. СПб., 2001.

Нихон рёики. Японские легенды о чудесах. СПб., 1995.

Нихон Сёки. Анналы Японии. Т. 1–2. СПб., 1997.

Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии / Пер. с яп., вступ. ст., коммент. М., 1984.

Симонова-Гудзенко Е. К. История древней и средневековой Японии: Учебн. пособие. М., 1989.

Симонова-Гудзенко Е. К. Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М., Восток-Запад, 2005.

Сэнсом Дж. Б. Япония. Краткая история культуры. СПб., 2002.

Дисциплинарный модуль 4

Тема 12. Письменные памятники эпохи Хэйан
Исторические повествования *рэкиси-моногатари*.

Тема 13. Письменные памятники эпохи Камакура.

Тема 14. Самурайский эпос *гунки-моногатари*.

Самостоятельная работа № 5 по теме «“Хо:гэн-моногатари” - ценный источник самурайского периода в японской истории» (2-3 балла).

1. Сформулировать исторические предпосылки формирования жанра *гунки-моногатари*.
2. Охарактеризовать специфику циклизации средневековых ритмизованных повествований.
3. Проанализировать влияние конфуцианских, буддийских и фольклорных элементов в структуре памятника.
4. Сформулировать значение памятника как исторического источника.

Контрольная работа 4 по теме «Письменные источники эпохи Хэйан и Камакура» (3-4 балла).

1. Указать иероглифическое название эпох Хэйан и Камакура, дать краткую характеристику соответствующим историческим периодам.
2. Указать ведущий историко-литературный жанр эпох, дать его краткую характеристику.
3. Охарактеризовать основные письменные исторические источники данных периодов, время их создания, охарактеризовать их особенности и главную идею.
4. Дать краткую характеристику повествований как исторического источника, сформулировать особенности памятников.

Рекомендуемая учебная литература к этому разделу

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск, 2011.

Войтишек Е. Э., Половникова Е. В. Поэтический алфавит ироха и его место в культуре Японии // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 4. Вып. 3: Востоковедение. С. 82–86.

Гришелева Л. Д. Формирование японской национальной культуры: Конец XVI – начало XX века. М., 1986.

Древние фудоки / Пер., предисл., коммент. К. А. Попова. М., 1969.

Елисеев В., Елисеев Д. Японская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

Оокагами. Великое зеркало / Пер. со старояп. яз, исследов. и коммент. Е.М. Дьяконовой. СПб, 2000.

Пасков С. С. Япония в раннее средневековье. VII–XII века. М., 1987.

Повесть о доме Тайра. М., 1982.

Синто. Путь японских богов: В 2 т. СПб., 2002.

Сэй-сёнагон. Записки у изголовья. М., 1975.

Сэнсом Дж. Б. Япония. Краткая история культуры. СПб, 2002.

Тайхэйки (Повесть о великом мире). СПб., 2002.

Уцухо моногатари (Повесть о дупле). Т. 1–2, СПб, 2004.

Хо:гэн моногатари. СПб., 1999.

Толстогузов А. А. Очерки истории Японии VII–XIV веков: Становление феодализма. М., 1995.

Толстогузов А. А. Японская историческая наука. Очерки истории. М., 2005.

Дисциплинарный модуль 5

Тема 15. Философские и историко-политические сочинения периодов Камакура и Муромати.

Самостоятельная работа № 6 по теме «Трактат Дзиэна «Гукансё» как первый памятник философии истории в Японии» (2-3 балла).

1. Охарактеризовать опыт осмысления исторического процесса в произведении Дзиэна.
2. Проанализировать структуру памятника, его основные идеи и функции.
3. Указать основные концепции, нашедшие место в произведении (теория «ста монархов», буддийская концепция трех этапов существования Закона, буддийская теория четырех кальп и др.).
4. Охарактеризовать сущность авторского принципа *дори*, особенности его функционирования во времени.
5. Дать характеристику значения трактата как исторического источника для изучения истории политической борьбы и развития философской мысли в средневековой Японии.

Контрольная работа 5 по теме «Философские и историко-политические сочинения периодов Камакура и Муромати» (3-4 балла).

Рекомендуемая учебная литература к этому разделу

Арутюнов С. А., Г. Е. Светлов. Старые и новые боги Японии. М., 1968.

Горегляд В. Н. Классическая культура Японии. Очерки духовной жизни. СПб, 2006.

Горегляд В. Н. Японская литература VIII–XVI вв. Начало и развитие традиций. СПб., 1997.

- Кирквуд К. П.* Ренессанс в Японии: Культурный обзор семнадцатого столетия. М., 1988.
- Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М., 1987.
- Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: культура и текст. М., 1991.
- Толстогузов А. А.* Очерки истории Японии VII-XIV веков: Становление феодализма. М., 1995.
- Толстогузов А. А.* Японская историческая наука. Очерки истории. М., 2005.

Список вопросов к экзамену

«Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)»

1. Особенности японской традиционной историографии. Методы исторического исследования на примере древней истории Японии (соотношение письменных, эпиграфических, вещественных и мифологических типов источников).
2. Географические условия и особенности историко-культурного процесса Японии.
3. Общее состояние японской археологии. Место археологии в общественном сознании японцев. Современные археологические исследования.
4. Важнейшие источники эпох Дзёмон, Яёй, Кофун.
5. Письменные и эпиграфические источники по ранней истории Японии. Таблички *моккан* и тексты на лакированной бумаге *урусигами-бунсё*.
6. Дописьменный этап в японской литературе. Нарративные источники по древней истории Японии. Мифологическо-летописные своды «Кодзики» и «Нихон сёки».
7. Письменные источники по истории и культуре периода Нара. Формирование жанра «хроник». «Шесть национальных историй» – «Риккокуси». Историко-географические описания «Фудоки».
8. Появление японской письменности и литературные источники. Первые алфавиты. Сборник буддийских преданий «Нихон рё:ики». Поэтическая антология «Манъё:сю:».
9. Генеалогический свод «Синсэн сё:дзироку» и его историческое значение. Подворные реестры *косэки*, налоговые списки *кэйтё*. Документы Сё:со:ин.
10. Делопроизводственные источники по ранней истории Японии. Законодательные своды «Тайхо: рицурё:», «Ё:ро: рицурё:», комментарии и дополнения к законам.
11. Жанр исторических повествований *рэкиси моногатари* – литература или история. «О:кагами» и формирование жанра «исторических зеркал». Исторические источники периода Хэйан.

12. Исторические источники периодов Камакура и Муромати. Военные повести *гунки-моногатари*. Самурайский эпос – «Хо:гэн-моногатари», «Хэйдзи-моногатари», «Хэйкэ-моногатари».
13. Исторические сочинения «Тайхэйки», «Мидзу-кагами», «Масу-кагами» и их значение как источников.
14. Историко-философское сочинение «Гу:кансё:» Дзиэна и первая попытка создания оригинальной концепции исторического развития Японии.
15. Историко-политический трактат «Дзинно: сё:токи» и его историческое значение. Оформление концепции «императорского пути».

**ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ СПИСОК
ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ ПО КУРСУ
«Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)»**

	第三紀	
古生代 中生代	新生代	更新生
	第四紀	
		完新生
更新生 岩宿時代	先土器時代	
氷期	先縄文時代	
	上旧石器時代 (アシュურიアン)	
	旧石器時代	
	中旧石器時代 (ムステリアン)	
新石器時代	縄文時代	
貝塚 石棒 石皿 土偶		
青銅・鉄器時代	弥生時代	
銅鐸 銅劍 水稻耕作		
鉄器時代	古墳時代	
墳丘墓 前方後円墳	竪穴石室 横穴石室 殯 殯の宮	
曲玉 刀 鏡 埴輪		
木簡 漆紙文書 鉄劍 (埼玉稻荷山古墳)		
古事記 日本書紀	大和 日本	
飛鳥時代		
奈良時代	律令国家	
	日本書紀	

六国史 続日本紀
日本後紀
続日本後紀
日本文徳天皇実録
日本三代実録

大宝律令 養老律令 僧尼令 令義解 令集解
格 式 類從三代格 延喜式
戸籍 正倉院文書目録 風土記
新撰 姓氏録 皇別 神別 諸蕃
日本靈異記 仏教説話文学
万葉集 万葉仮名 短歌 旋頭歌 長歌 懷風藻 漢詩
片仮名 平仮名
伊呂波歌 伊呂波順 五十音順

平安時代 平安京
歴史物語 藤原道長 栄華物語 大鏡 今鏡

鎌倉時代

鎌倉幕府 蝦夷 平氏 源氏 源平合戦 武士
軍記 琵琶法師 保元物語 平治物語 平家物語 源平盛衰記
太平記 太平記拔書き 仮名混じり文
水鏡 増鏡

南北朝時代 宮方 武家方
慈円 愚管抄 百王 正法 像法 末法
道理 漢字混じり片仮名書き
神皇正統記 北畠親房 正理

室町時代 封建時代

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

Список обязательной литературы и источников

Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.

Арутюнов С. А. Современный быт японцев. М., 1968.

- Арутюнов С. А., Г. Е. Светлов.* Старые и новые боги Японии. М., 1968.
- Введение в востоковедение / Отв. ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевич.* СПб., 2011.
- Войтишек Е. Э.* Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск, 2011.
- Войтишек Е. Э., Половникова Е. В.* Поэтический алфавит ироха и его место в культуре Японии // *Вестн. НГУ. Серия: История, филология.* 2008. Т. 4. Вып. 3: Востоковедение. С. 82–86.
- Воробьев М. В.* Древняя Япония. М., 1958.
- Воробьев М. В.* Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1980.
- Горегляд В. Н.* Классическая культура Японии. Очерки духовной жизни. СПб., 2006.
- Горегляд В. Н.* Японская литература VIII–XVI вв. Начало и развитие традиций. СПб., 1997.
- Гришелева Л. Д.* Формирование японской национальной культуры: Конец XVI – начало XX века. М., 1986.
- Деревянко А. П.* Древние культуры Японии // *Археология зарубежной Азии.* М.; Высш. шк., 1986. С. 335–352.
- Деревянко А. П.* Культура яёй и ее связи с материковыми культурами // *Археология Северной и Центральной Азии.* Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-ние, 1975. С. 138–149.
- Деревянко А. П.* Палеолит Японии. Новосибирск, 1984.
- Древние фудоки / Пер., предисл., коммент. К. А. Попова.* М., 1969.
- Елисеев В., Елисеев Д.* Японская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
- История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней.* М., Наука, 1986.
- Историография стран Востока.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- История отечественного востоковедения до середины XIX века.* М., 1990.
- История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.* М., 1997.
- История Японии / Отв. ред. А.Е.Жуков.* В 2-х т. – М.: ИВ РАН, 1999.
- Источниковедение истории Древнего Востока.* – М.: Высшая школа, 1984.
- Кодзики.* Записки о деяниях древности. Т. 1–2. СПб., 1994.
- Конрад Н. И.* Древняя история Японии // *Избранные труды.* История. М., 1974.
- Конрад Н. И.* Японская литература в образцах и очерках. М., 1991.
- Конрад Н. И.* Очерк истории культуры средневековой Японии, VII–XVI века. М., 1980.
- Кирквуд К. П.* Ренессанс в Японии: Культурный обзор семнадцатого столетия. М., 1988.
- Манъёсю.* Т. 1–3, М., 1971–1972.

- Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М., 1987.
- Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: культура и текст. М., 1991.
- Мещеряков А. Н., Грачев М. В.* История древней Японии. СПб., 2002.
- Мурасаки Сикибу.* Повесть о Гэндзи. Т. 1–2 / Пер. с древнеяп. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. СПб., 2001.
- Нихон рёики.* Японские легенды о чудесах. СПб., 1995.
- Нихон Сёки.* Анналы Японии. Т. 1–2. СПб., 1997.
- Оокагами.* Великое зеркало / Пер. со старояп. яз, исследов. и коммент. Е.М. Дьяконовой. СПб, 2000.
- Пасков С. С.* Япония в раннее средневековье. VII–XII века. М., 1987.
- Повесть о доме Тайра.* М., 1982.
- Попов К. А.* Законодательные акты средневековой Японии / Пер. с яп., вступ. ст., коммент. М., 1984.
- Симонова-Гудзенко Е. К.* История древней и средневековой Японии: Учебн. пособие. М., 1989.
- Симонова-Гудзенко Е. К.* Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М., Восток-Запад, 2005.
- Синто.* Путь японских богов: В 2 т. СПб., 2002.
- Сэй-сёнагон.* Записки у изголовья. М., 1975.
- Сэнсом Дж. Б.* Япония. Краткая история культуры. СПб, 2002.
- Тайхэйки* (Повесть о великом мире). СПб., 2002.
- Толстогузов А. А.* Очерки истории Японии VII–XIV веков: Становление феодализма. М., 1995.
- Толстогузов А. А.* Японская историческая наука. Очерки истории. М., 2005.
- Уцухо моногатари* (Повесть о дупле). Т. 1–2, СПб, 2004.
- Хогэн моногатари.* СПб., 1999.

Список рекомендованной литературы

- Актуальные проблемы политики и экономики современной Японии.* Сборник статей. М., 1991.
- Арутюнов С. А.* Дзимму-тэнно. Мифический вымысел и историческая реконструкция // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Арутюнов С. А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXIII. М.–Л., 1961.
- Бродский В. Е.* Японское классическое искусство. Очерки. М., 1960.
- Войтишек Е. Э.* «Пир у изогнутой воды» как элемент культуры «винных приказов» в Китае, Корее и Японии // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 4: Востоковедение. С. 119–129.
- Войтишек Е. Э.* Японская культура и игры по роману о принце Гэндзи // Восточная коллекция. 2008. № 4 (35), С. 57–69.
- Войтишек Е. Э.* Японское искусство составления благовоний // Восточная коллекция. 2008. № 1 (32). С. 129–137.

- Войтишек Е. Э., Никитина Я. А.* Искусство кодо («путь аромата») в традиционной и современной культуре досуга Японии // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 4: Востоковедение. С. 130–138.
- Воробьев М. В.* Путеводитель по исторической библиографии Японии // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1990. Вып. XII.
- Воробьев М. В.* Японский кодекс “Тайхо Ёро рё” (VIII в.) и право раннего средневековья. М., 1990.
- Воробьев М. В., Соколова Г. А.* Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. М., 1976.
- Главева Д. Г.* Традиционная японская культура. Специфика восприятия. М., 2003.
- Горегляд В. Н.* Дневники и эссе в японской литературе IX-XIII вв., М., 1975.
- Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И.* Становление японской культуры нового времени. Эпоха Мэйдзи. М., 1998.
- Иванов А. Ю.* Роль Кореи как «культурного моста» в процессе передачи материковой цивилизации на Японские острова // Вестн. центра корееведческих исследований Дальневосточ. гос. ун-та: Мат-лы III Междунар. корееведческой конф. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. гос. ун-та, 2005. С. 75–83.
- Игнатович А.* Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере чайного действия). М.: Рус. феноменологич. об-во, 1997.
- Игнатович А. Н.* Чайное действие. М.: Стилсервис, 2011.
- Ито Нобуро.* История японского искусства. М., 1965.
- Иофан Н. А.* Культура Древней Японии. М., 1974.
- История и культура Японии.* – М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2001.
- Иэнага Сабуро.* История японской культуры. М., 1972.
- Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл.* М., 1989.
- Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год.* М., 1985.
- Кирквуд К.* Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия. М.: Наука, 1988.
- Китаеведение в Японии. Этапы развития. Организация. Реферативный сборник.* Сост. Т. В. Виноградова. М., 1979.
- Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М.* История Японии. М., 1988.
- Левин М. Г.* Этническая антропология Японии. М., 1971.
- Маркарьян С. Б., Молодякова Э. В.* Праздники в Японии. М.: Наука, 1990.
- Мещеряков А. Н.* Внешний фактор в истории культуры Японии // Азия – диалог цивилизаций. СПб., 1996.
- Мещеряков А. Н.* Книга японских символов. М., 2003.
- Мещеряков А. Н.* Ранняя история Японского архипелага как социально-естественный и информационный процесс // Восток. 1995, № 5.

Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. В 2 т., М., 1975.

Накамура Синтаро. Японцы и русские: из истории контактов. М., 1983.

Народы Восточной Азии. Сер. Народы мира. М., 1965.

Пасков С. С. Современная японская буржуазная историография (Проблемы политики Японии в Китае в конце XIX – первой четверти XX в.) М., 1982.

Пинус Е. М. У истоков японской письменности (по памятникам “норито”, “фудоки”, “Нихонги”, “Кодзики” VII – начала VIII в.) // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока, Тезисы докладов 5-й научной конференции. М., 1972.

Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984.

Попов К. М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964.

Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. М., 1983.

Россия и Япония на заре XX столетия: Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. М., 1994.

Свод законов “Тайхо рицурё” 702–718 гг. Рицу (Уголовный кодекс). Пер. с древнеяпонского, комментарий и словарь К. А. Попова. М., 1989.

Сисаури В. И. Церемониальная музыка Китая и Японии. СПб, 2008.

Сырицын И. М. Современная японская историография о формировании и социальной структуре древнего государства // Вестник МГУ. Сер. XIV. 1973, № 2.

Тихвинский С. Л. Китаеведение в современной Японии // Советское Китаеведение. Москва, 1958, вып. 1. С. 223–229.

Хмельное и иное. Напитки народов мира / Отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М.: Наука, 2008.

Эйдус Х. Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. Краткий очерк. М., 1968.

Япония и современный мировой порядок. – М.: Вост. литература РАН, 2002.

Япония наших дней / Отв. ред. И. И. Коваленко. М., Наука, 1983.

Япония от А до Я. Популярная иллюстрированная энциклопедия. М., 2000.

Япония: экономика и политика (Новые тенденции) / Сб. статей. М., 1984.

На английском языке

Barnes, G. L. Protohistoric Yamato: Archaeology of the First Japanese State. Ann Arbor: University of Michigan, 1988. XX, 473 p.

The Cambridge history of Japan. Ancient Japan. / Ed. By Brown D.M. Vol.1. Cambridge, 1993.

The Cambridge history of Japan. Heian Japan. /Ed. By McCulloch W. A. Vol.2. Cambridge, 1999.

Keally, Ch. T. Kofun Culture // Личный сайт проф. Ч. Т. Килли [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.t-net.ne.jp/~keally/kofun.html> (дата обращения: 01.02.2010).

Kozintsev A. Ainu, Japanese, Their Ancestors and Neighbours: Cranioscopic Data. // Journal of the Anthropological Society of Nippon. Vol.98, № 3, 1990.

Rawson J. Transformed into Jade: Changes in Material in the Warring States, Qin and Han Period // 东亚玉器: East Asian Jades: Symbol of Excellence. Н. К.: The Chinese University of Hong Kong, 1998. Vol. II. P. 125–136.

На японском языке

Аидзава Тадахиро, Сэкия Акира. Палеолит Акагияма-Санроку (Ямафумото) – Токио: Коданся, 1988.

Дзукай нихон-но дзинруй исэки [Атлас стоянок человека в Японии] / Под ред. Оно Акира, Харунари Хидэдзи, Ода Сидзуо. Токио: Токё дайгаку сюппанкай, 1992. 242 с.

Изучение проблем раннего и среднего палеолита / Под ред. Япон. археол. общества. – Японское археологическое общество, 2003.

Кондо Ёсиро. Дзэнпо коэнфун-но дзидай [Эпоха курганов в виде замочной скважины]. Токио: Иванами сётэн, 1983. 406 с.

Куроода Ацуси. О третьем сезоне раскопок стоянки Канатори в г. Мияморимура префектуры Иватэ. /Материалы симпозиума по изучению культуры палеолита северо-восточной Японии, 18, 2004.

Нихон кокогаку-о манабу хито-но тамэ-ни [Для изучающих археологию Японии] / Под ред. Идзумори Ко. Киото: Сэкай сисося, 2004. 294 с.

Одзава Масахито, Тани Тоёнобу, Нисиэ Киётака. Археология Китая. Серия «Всемирная археология», вып. 7 («Тю:гоку но ко:когаку»). Токио, Досэйся, 1999.

Онуки Сидзуо. Археология Северо-Восточной Азии. Серия «Всемирная археология», вып. 8 («То:хоку адзия но ко:когаку»). Токио, Досэйся,

Онуки Сидзуо. Харада Ёсито и археология Востока («Харада Ёсито то то:ё: ко:когаку») // Святость научных экспедиций: прошлое, настоящее и будущее науки. («Сэйсин-но экусупэдисён: гакумон но како:, гэндзай, мирай»). Труды Университета Токио - http://www.um.u-tokyo.ac.jp/publish_db/1997Expedition/ (сайт Музея Университета Токио).

Основные стоянки предысторического периода в Японии / Под ред. Сугихара Сосукэ. – Токио: Археология Японии, № 1, 1965.

Сато Хироюки. Существует ли ранний и средний палеолит на Японском архипелаге? – Наука, 71, 2001.

Синъи Фусао. Проблемы культурного слоя раннего палеолита. Слои, содержащие орудия, и суглинки северного Канто. – Исследования четвертичного периода, 1971. – С. 317–329.

Симпозиум по культуре камня. Доклады по изучению стоянки Дзадзараги, III, 1983.

Сугихара Сосукэ. Палеолитическая культура стоянки Ивадзюку в префектуре Гумма / Доклады по исследованию отделения литературы университета Мэйдзи. – Токио: Археология, № 1, 1967.

Сэридзава Тёсукэ. Исследования раннего палеолита в местечке Содзудай в префектуре Оита / Труды Института культуры Японии, университет Тохоку. Сэндай, № 1, 1965.

Сэридзава Тёсукэ. Палеолит Японии (специальные теории). Проблемы раннего палеолита. – Археологический журнал, 1976, № 6.

Сэридзава Тёсукэ. Палеолитическая культура Японии. – Иванами сётэн, Иванами синсё 209. Палеолит Японии, 1982. – С. 121–124.

Сэридзава Тёсукэ. Стоянка Хосино / Комитет по изданию трудов по истории префектуры Тотиги. – Ред. материалов по истории префектуры Тотиги, Археология, 2, 1979. – С. 97–105.

Сэридзава Тёсукэ и др. Стоянка Фукуи-ивакагэ в префектуре Нагасаки / Публикации трудов 26-го собрания японского археологического общества, 1960.

Татибана Масанобу. Средний палеолит Кюсю и орудийный комплекс позднего этапа формирования культуры палеолита / Доклады по исследованиям музея университета Бэппу, 20, 2003.

Яматэ Сэйдзи. Палеолитические орудия со стоянки Цудзита / Доклады по изучению наследия погребальной культуры отдела образования и культуры Китакусю, 8, 1994.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Источники по истории Японии

1. Понятие исторического источника. Классификация источников. Типы (вещественные, мифологические, эпиграфические, письменные, изобразительные, фонические и др.), роды (повествовательные, делопроизводственные и др.) и виды (генеалогические, биографические, анналы, сводные исторические труды и др.) исторических источников.
2. Квалификация источников. Субъективное начало в источнике и проблема достоверности исторических источников. Автономность исторических источников. Проблема взаимопроникновения и взаимодействия различных видов источников.
3. Условия природно-географической среды как необходимая предпосылка для изучения общественного развития. Историческая география и исторические ландшафты.

4. Использование естественнонаучных методов для получения исторических датировок и реконструкций.
5. Антропологические источники.
6. Вещественные (материальные источники) и их изучение.
7. Археологические памятники. Изучение японской археологии за пределами Японии. Историко-архитектурные исследования памятников средневекового зодчества на территории Японии.
8. Частные и музейные коллекции предметов старины. Формирование научного музееведения. Крупнейшие собрания вещественных материалов по японской истории и их значение. Накопление документальных источников и их хранение в Японии. Издание сборников документов. Современные архивы Японии. Публикации архивных материалов. Возможности поиска документальных материалов за пределами Японии.
9. Эпиграфические памятники. Сфрагистика, фалеристика и нумизматика. Печати, награды и монеты как носители эпиграфического материала и как самостоятельные виды источников. Бронзовые и железные мечи с надписями. Деревянные таблички *моккан*. Тексты на лакированной бумаге – *урусигами бунсё*.
10. Лингвистические источники. Краткая история становления японской письменности, основные типы почерков. Роль китайской письменности в формировании японского языка и в развитии новых литературных жанров. Лингвистические реконструкции и их исторические интерпретации.
11. Лексикография. Основные виды японских словарей. Лучшие современные словари, справочники, энциклопедии и их источниковое использование.
12. Фольклорные источники. Методы реконструкции и интерпретации мифологии и эпоса. Другие виды народного творчества.
13. Традиция мемуарной и биографической литературы в Японии. Географические сочинения; энциклопедии. Библиографические списки. Первые японские хроники как исторические источники. *Рэкиси-моногатари* – литература или история. «Оокагами» и формирование жанра «исторических зеркал». Военные повести *гунки-моногатари* как исторический источник.
14. Проблема взаимной критики источников. Соотношение между письменными источниками и памятниками исторической мысли. Проблема сохранности источников средневековой истории Японии.

Историография Японии

1. Особенности японской традиционной историографии. Специфика организации японского культурного пространства.

2. Формирование жанра хроник как развитие традиций мифологическо-летописных сводов «Кодзики» и «Нихон сёки». «Шесть национальных историй» – «Риккокуси». Историко-географические описания «Фудоки». Соотношение японских и иностранных (китайских и корейских) повествовательных источников по средневековой истории Японии.
3. Генеалогический свод «Синсэн сё:дзироку» и его историческое значение. Формирование жанра генеалогий *кэйдзу*. Делопроизводственные источники и законодательные своды, их специфика.
4. Историко-философское сочинение «Гу:кансё:» Дзиэна и первая попытка создания оригинальной концепции исторического развития Японии. Историко-политический трактат «Дзинно: сё:токи» Китабатакэ Тикафуса и его историческое значение. Оформление концепции «императорского пути».
5. Становление японской историографии нового времени. Движение реформаторов и их исторические взгляды. Подъем исторической науки. Научные дискуссии.
6. Российская и советская историография истории Японии (общий обзор и этапы развития). Становление отечественного японоведения. Основная проблематика советского японоведения в 30 - 50 гг. Потери в годы сталинских репрессий и Отечественной войны. Персоналии: творческие портреты основоположников российского востоковедения (Н. И. Конрад, Е. Д. Поливанов, С. Г. Елисеев и др.).
7. Ситуация в отечественном японоведении после распада СССР. Обзор исследований в России и некоторых странах СНГ. Ведущая роль столичных центров. Ежегодные конференции Развитие зарубежных центров по изучению истории Японии (общий обзор).
8. Современный этап в изучении истории Японии. Преобладающее внимание к новейшей истории. Японская культура в контексте глобализации. Япония и современный мировой порядок.

Содержание дисциплины

Календарный модуль 2

Дисциплинарный модуль 1.

Тема 1. Источниковедение и научная реконструкция японской истории: теоретические и методологические проблемы. Понятие исторического источника. Классификация источников. Классификационные системы и сложность определения границ при типологии источников. Автономность исторических источников. Взаимодействие источниковедения и

историографии. Типы и виды источников. Особенности японской традиционной историографии. Методы исторического исследования на примере древней истории Японии (соотношение письменных, эпиграфических, вещественных и мифологических типов источников).

Тема 2. Проблемы квалификации источников. Субъективное начало в источнике и проблема достоверности и сохранности источников. Проблема адекватности перевода источника. Иностранные источники по истории Японии. Проблема соотношения японских и иностранных (китайских и корейских) повествовательных источников по ранней истории Японии.

Тема 3. Условия природно-географической среды как необходимая предпосылка для изучения общественного развития.

Дисциплинарный модуль 2.

Тема 4. Общее состояние японской археологии. Современные археологические исследования. Разведка археологических памятников. Условия расположения археологических источников и приемы их обнаружения (полевая работа, аэрофоторазведка, геофизические методы). Виды датировки (по письменным источникам, по монетам, по аналогиям, дендрохронология, датировка по остаточной намагниченности, метод люминесценции, радиоизотопные методы, радиоуглеродный метод). Абсолютная и относительная даты. Место археологии в общественном сознании японцев. Современные археологические исследования. Доисторическая Япония. Геологические эпохи. Стратификация отложений и геохронология. Миграция древнего человека. Проблемы выделения палеолита на Японском архипелаге.

Тема 5. Характеристика эпохи Дзёмон. Основные исторические источники эпохи Дзёмон. Классификация и типология. Основные ареалы распространения культуры Дзёмон.

Тема 6. Характеристика эпохи Яёй. Основные исторические источники эпохи Яёй. Особенности типологии керамики. Основные ареалы и центры распространения культуры Яёй. Миграционные потоки с материка. Культура рисосеяния.

Тема 7. Характеристика эпохи Кофун. Основные исторические источники эпохи Кофун, их специфика по сравнению с предыдущим этапом. Основные ареалы и центры распространения культуры Кофун.

Важнейшие источники эпох Дзёмон, Яёй, Кофун.

Дисциплинарный модуль 3.

Тема 8. Дописьменный этап в японской культуре. Эпиграфические источники по ранней истории Японии. Бронзовые и железные мечи с надписями. Бронзовые зеркала. Деревянные таблички *моккан* и тексты на лакированной бумаге *урусигами-бунсё*.

Тема 9. Нарративные источники по древней истории Японии. Мифологическо-летописные своды «Кодзики» и «Нихон сёки». Формирование жанра «хроник». «Шесть национальных историй» – «Риккокуси».

Тема 10. Делопроизводственные источники по ранней истории Японии. Законодательные своды «Тайхо: рицурё:», «Ё:ро: рицурё:». Собрание официальных («Рё-но гигэ») и расширенных («Рё-но сюгэ») комментариев к общегосударственным сводам законов и дополнения к законам. Справочники по действующему законодательству, сборники нормативных установлений – «кяку» и внутриведомственных инструкций «сики» («Руйдзю сандай кяку», «Энгисики»). Общие назначения высших чиновников.

Тема 11. Письменные источники по истории и культуре периода Нара. Появление японской письменности и литературные источники. Первые алфавиты. Влияние буддизма. Документы Сё:со:ин. Историко-географические описания «Фудоки». Сборник буддийских преданий «Нихон рё:ики». Поэтическая антология «Манъё:сю:» как исторический источник. Генеалогический свод «Синсэн сё:дзироку» и его историческое значение. Подворные реестры *косэки* и налоговые списки *кэйтё*. Особенности методики работы с актовыми материалами. Основы качественного и количественного анализа. Образцы канцелярской корреспонденции между столичными ведомствами и провинциальными управами. Официальные донесения и столичная межведомственная корреспонденция. Проблема искажения реальности в «эго-документах».

Дисциплинарный модуль 4.

Тема 12. Исторические источники периода Хэйан. Жанр исторических повествований *рэкиси моногатари* – литература или история. «О:кагами» («Великое Зерцало») и формирование жанра «исторических зеркал»: «Има-кагами» («Нынешнее Зерцало»); «Мидзу-кагами» («Водное Зерцало»); «Масу-кагами» («Обширное/Ясное Зерцало»). Объект описания и историческая достоверность.

Тема 13. Исторические источники периода Камакура. Политические интриги. Формирование исторической литературы на злободневные темы. Становление Камакурского сёгуната *бакуфу*. Исторические сочинения и их значение как источников.

Тема 14. Военные повести *гунки-моногатари*. Самурайский эпос – «Хо:гэн-моногатари», «Хэйдзи-моногатари», «Хэйкэ-моногатари». Фольклорные элементы. Соотношение вымысла и исторического факта.

Дисциплинарный модуль 5.

Тема 15. Историко-философское сочинение «Гу:кансё:» Дзиэна и первая попытка создания оригинальной концепции исторического развития Японии.

Тема 16. Историко-политический трактат «Дзинно: сё:токи» и его историческое значение. Разработка механизма укрепления императорской власти. Многоплановость трактата: признаки синтоистского сочинения, исторического сочинения, памятника по истории просвещения, политического сочинения, памятника по философии истории политики. Структура памятника. Влияние китайской историографической традиции. Создание новой правовой концепции легитимизма власти. Оформление концепции «императорского пути».

7. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Для обеспечения дисциплины необходим соответствующий аудиторный фонд, аудио-, видеоаппаратура, мультимедийный проектор, компьютерный класс для проведения всех видов практической дисциплинарной подготовки и итогового контроля.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Освоение дисциплины «Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)» предполагает модульно-рейтинговое обучение, то есть учебный процесс строится по модульному принципу, и успеваемость студентов оценивается по рейтинговой системе.

Модульная учебная рабочая программа «Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)» четко регламентирует как аудиторную, так и самостоятельную части освоения материала. Данная программа структурируется по календарным и дисциплинарным модулям, указываются наименования тем, входящих в каждый дисциплинарный модуль, и общий объем часов по видам учебных занятий и самостоятельной работы. Из общего объема часов, предусмотренных в рабочем учебном плане на проведение практических занятий, выделяется время в конце каждого дисциплинарного модуля для проведения промежуточного контроля знаний, а также время для проведения итогового контроля – подведения итогов текущей работы и промежуточных контролей по дисциплинарным модулям.

Каждая из пяти контрольных работ по курсу оценивается в 3-4 балла, тогда как за выполнение каждой из шести самостоятельных работ можно получить по 2-3 балла.

Рейтинговая система оценки качества учебной работы студентов

Рейтинговая система оценки успеваемости студентов обеспечивает объективный и комплексный подход при оценивании знаний, позволяет усилить мотивацию учебной деятельности путем более четкой

дифференциации оценки результатов учебной работы каждого студента, что способствует повышению качества обучения.

Студент своевременно информируется преподавателем об изменении своего рейтинга, что является одним из основных факторов активизации его самостоятельной работы.

Результаты всех видов учебной деятельности студентов оцениваются рейтинговыми баллами. Максимальное количество их равно **100**. Для получения положительной оценки необходимо набрать не менее **60** баллов.

При изучении студентом учебной дисциплины рейтинговые баллы распределяются по дисциплинарным модулям в зависимости от их значимости и трудоемкости. *Рейтинговая оценка по дисциплинарному модулю* складывается из количества баллов, набранных за текущую работу и полученных при промежуточном контроле.

По результатам *текущей работы* по дисциплине в течение всех дисциплинарных модулей студент должен набрать **от 40 до 60 баллов**, по промежуточным контролям – **от 20 до 40 баллов**. Сумма минимальных границ диапазонов всех дисциплинарных модулей должна составлять **60** баллов, а максимальных - **100** баллов.

В рабочей программе по дисциплине определяются виды текущей работы и формы проведения промежуточных контролей, диапазоны рейтинговых баллов дисциплинарных модулей, с выделением баллов за текущую работу по видам и промежуточные контроли. При распределении баллов по видам текущей работы учитывается количество практических занятий, степень сложности учебного материала.

В течение дисциплинарного модуля преподаватель проставляет баллы за все виды текущей работы в журнале оценки знаний студентов. После окончания дисциплинарного модуля в журнале оценки знаний студентов преподаватель выставляет суммарные баллы за текущую работу и промежуточный контроль. Дисциплинарный модуль считается изученным, если студент набрал количество баллов согласно установленному диапазону.

За активность на занятиях студенту может быть добавлено до 3 баллов в каждом дисциплинарном модуле.

За нарушение сроков выполнения текущей работы по видам, за отказ отвечать на практических занятиях и т.д. студент получает «штрафы» в виде уменьшения набранных баллов. Размер штрафов устанавливается в пределах баллов, начисляемых за соответствующий вид текущей работы. Неявка на практические занятия и на промежуточный контроль (отказ от него) оценивается нулевым баллом. При проведении промежуточного контроля преподаватель имеет право добавить вопросы по пропущенным студентом темам занятий дополнительно к общему для всех варианту заданий.

Студент, не изучивший дисциплинарный модуль, допускается к изучению следующего дисциплинарного модуля. Если студент не изучил дисциплинарный модуль по уважительной причине, то ему предоставляется возможность добора баллов. Если студент не изучил дисциплинарный модуль без уважительной причины, то ему предоставляется возможность добора баллов

только с разрешения преподавателя. Студент обязан отчитаться по задолженностям за дисциплинарные модули (по отдельным темам дисциплины) во время текущих консультаций или дополнительных занятий по добору баллов до итогового контроля.

Изучение учебной дисциплины заканчивается практическим занятием. На последнем практическом занятии проводится итоговый контроль. Во время итогового контроля преподаватель подводит итоги текущей работы и промежуточных контролей по дисциплинарным модулям, объявляет студентам общее количество набранных баллов.

Если студент желает повысить рейтинговую оценку по дисциплине, то он обязан заявить об этом преподавателю на итоговом контроле. Дополнительная проверка знаний осуществляется преподавателем в течение недели после итогового контроля, при этом преподаватель должен ориентироваться на те темы дисциплины, по которым студент набрал наименьшее количество баллов. Полученные баллы учитываются при определении рейтинговой оценки. Если студент во время дополнительной проверки знаний не смог повысить рейтинговую оценку, то ему сохраняется количество баллов, набранных ранее в течение календарного модуля.

Для получения зачета по дисциплине сумма баллов студента по дисциплине за весь срок обучения должна быть 60 и более баллов при условии изучения всех дисциплинарных модулей.

Для получения экзаменационной оценки (или дифференцированного зачета) сумма баллов за дисциплинарные модули должна составлять от 60 до 72 баллов для оценки «удовлетворительно», 73–86 баллов для оценки «хорошо», 87–100 баллов для оценки «отлично».

Студенту, не набравшему минимального количества рейтинговых баллов в календарном модуле (60) до итогового контроля, т.е. получившему «неудовлетворительно», предоставляется возможность добора баллов по дисциплинарным модулям в течение двух недель после окончания изучения дисциплины.

Рейтинговая оценка по дисциплине – это оценка знаний студентов, которая складывается из количества баллов, набранных за *текущую работу* и полученных при *промежуточных контролях* по совокупности дисциплинарных модулей. Максимальный рейтинг по дисциплине – 100 баллов, соответствует 100% освоения студентом всех видов работ на высоком качественном уровне.

Текущая работа – постоянно накапливаемая оценка результатов обучения студента непосредственно в процессе освоения дисциплины, формируемая из оценок таких элементов, как: а) посещаемость занятий (отношение посещенных занятий к их общему количеству); б) успеваемость на занятиях, оцениваемую через: активное участие в ходе занятия; результаты подготовки домашнего задания; высокое качество выполнения поставленных задач; способность самостоятельно и в отведенный срок решать новые задачи;

Максимальное число баллов за текущую работу варьируется в пределах от 40 до 60 баллов и не должно превышать 60% общего рейтинга.

Промежуточный рейтинг определяется в процессе *промежуточного контроля* (самостоятельные, контрольные работы, коллоквиумы) по итогам освоения каждого модуля. Основная цель каждого промежуточного контроля – мониторинг успеваемости, принятие корректирующих воздействий по улучшению качества образования.

Максимальное число баллов, присваиваемых за все формы промежуточного контроля в процессе обучения, – от 20 до 40 баллов и не должно превышать 40% общего рейтинга.

Система штрафов и бонусов

Для дополнительной мотивации студентов возможно использование системы штрафов за непосещение занятий и пассивное участие в образовательном процессе, несвоевременную сдачу выполненных заданий, и бонусов за повышенную активность, а также другие особые достижения в процессе обучения.

За пропуски занятий – минус N баллов, где N – количество пропущенных академических часов.

За несвоевременную сдачу выполненных заданий – минус 3 балла максимум (в дисциплинарном модуле)

За повышенную активность, а также другие особые достижения в процессе обучения до 3 баллов максимум (в дисциплинарном модуле)

При этом максимально возможная сумма штрафных/бонусных баллов, уменьшающих/увеличивающих текущий рейтинг студента, не должна превышать 10% общего рейтинга.

В течение всего семестра ведется отдельный учет успеваемости по видам работ (самостоятельная, аудиторная). При этом успеваемость может фиксироваться в классических оценках, а текущий рейтинг успеваемости – в баллах – определяется как среднее арифметическое оценок, полученных на проведенных ранее занятиях. Минимальное количество оценок, обязательное к получению каждым студентом в каждом конкретном модуле по видам работ, определяется учебным планом. При невыполнении студентом нормы по количеству набранных оценок, недостающие оценки заменяются цифрой 2.

При использовании модульно-рейтинговой системы оценки успешно освоившим дисциплину считается студент, набравший более 60% максимально возможного рейтинга.

Если студент по результатам обучения в семестре набрал менее 60% максимального рейтинга, то он считается задолжником по данной дисциплине.

ПРИМЕРНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЙТИНГОВЫХ БАЛЛОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ

«Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)»

Дисциплинарный модуль	Текущая работа	Промежуточный контроль	всего
Календарный модуль № 2	40-60	20-40	60-100
Дисциплинарный модуль № 1	7-9	4-8	11-17
Самостоятельная работа 1		2-3	
Контрольная работа 1		3-4	
Дисциплинарный модуль № 2	9-13	4-8	13-21
Самостоятельная работа 2		2-3	
Контрольная работа 2		3-4	
Дисциплинарный модуль № 3	8-12	4-8	12-20
Самостоятельная работа 3		2-3	
Самостоятельная работа 4		2-3	
Контрольная работа 3		3-4	
Дисциплинарный модуль № 4	10-16	4-8	14-24
Самостоятельная работа 5		2-3	
Контрольная работа 4		3-4	
Дисциплинарный модуль № 5	6-10	4-8	10-18
Самостоятельная работа 6		2-3	
Контрольная работа 5		3-4	

СООТВЕТСТВИЕ РЕЙТИНГОВЫХ БАЛЛОВ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

<i>Общее количество набранных баллов</i>	<i>Академическая оценка</i>
Менее 60	2 (неудовлетворительно)
60-72	3 (удовлетворительно)
73-86	4 (хорошо)
87-100	5 (отлично)

БАНК ОБУЧАЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

К Дисциплинарному модулю 1

К теме 1

Эпиграфические источники

- Надписи на металле и камне 金石文 *кинсэкибун*
 1. надписи на железных мечях и бронзовых зеркалах;
 2. надписи на буддийских статуях;
 3. надписи, вырезанные на камне (надгробные эпитафии 墓誌 *боси* и надписи на памятниках 碑銘 *химэй*);
 4. граффити (надписи, выцарапанные на стенах зданий, сосудах и различных изделиях)
- Надписи на деревянных табличках 木簡 *моккан*
- Тексты на лакированной бумаге 漆紙文書 *урусигами бунсё*

Письменные источники

- **Нарративные (повествовательные)**

- 1) собственно японские

- мифолого-исторические своды (古事記 «Кодзики»; 先代旧事本紀 «Сэндай кудзи хонги»)

- анналы (日本書紀 «Нихон сёки»; 続日本紀 «Сёку нихонги»; 日本後紀 «Нихон ко:ки»)

- биографии аристократов 家伝 *кадэн*

- генеалогические своды (新撰姓氏録 «Синсэн сё:дзироку») и генеалогии 系図 *кэйдзу*

- историко-географические описания (風土記 «Фу:доки»; 倭名類聚抄 «Вамё: руйдзю: сё:»)

- предания отдельных родов (高橋氏文 «Такахаси удзи буми»; 古語拾遺 «Кого сю:и»)

- сводные исторические труды (愚管抄 «Гукансё:»; 神皇正統記 «Дзинно сё:то:ки»)

- энциклопедии (政事要略 «Сэйдзи ё:ряку»; 拾芥抄 «Сю:гайсё:»)

- храмовые истории (元興寺縁起 «Ганго:дзи энги»)

- библиографии (正倉院文書目録 «Сё:со:ин бунсё мокуроку»)

- сочинения отдельных авторов

- агиографическая литература (日本靈異記 «Нихон рё:ики»)

- книги по естествознанию (医心方 «Исинхо:»)

- произведения художественной литературы (懷風藻 «Кайфу:со:»; 萬葉集 «Манъё:сю:»)

- 2) иностранные (китайские и корейские)

-исторические хроники (漢書 «Хань шу»; 後漢書 «Хоу хань шу»; 魏志 «Вэй чжи»; 北史 «Бэй ши»; 隋書 «Суй шу»; «Самгук саги»; «Самгук юса»)

-китайская классическая литература (四書 «Четверокнижие/Сы шу»; 五經 «Пятикнижие/ У цзин»)

-буддийские и даосские сочинения

-произведения китайской изящной словесности (文選 «Вэнь сюань»; 一文類聚 «Ивэнь лэйцзюй»)

• **Документальные (делопроизводственные)**

-кодексы законов (大宝律令 «Тайхо: рицурё:»; 養老律令 «Ёро: рицурё:»)

-собрания комментариев к общегосударственным сводам законов (令の儀解 «Рё:-но гигэ»; 令の集解 «Рё:-но сю:гэ»)

-справочники по действующему законодательству

-сборники нормативных установлений格 *кяку* (類聚三代格 «Руйдзю: сандай кяку»)

-сборники внутриведомственных инструкций 式 *сики* (延喜式 «Энгисики»)

-подворные реестры и налоговые списки 戶籍 *косэки*

-образцы канцелярской корреспонденции между столичными ведомствами и провинциальными управами

-образцы официальных донесений и столичной межведомственной корреспонденции

-верительные таблички

-общие своды назначений высших чиновников

Дисциплинарный модуль 2.

К теме 4

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЯПОНИЯ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭПОХИ 地質年代 *ТИСИЦУ НЭНДАЙ*

(ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ ПО СТРАТИФИКАЦИИ ОТЛОЖЕНИЙ ГОРНЫХ ПОРОД И ГЕОХРОНОЛОГИИ)

ПАЛЕОЗОЙ (540 МЛН. ЛЕТ – 250 МЛН. ЛЕТ) 古生代 *КОСЭЙДАЙ*

Кембрий	трилобиты, археоциаты
Ордовик	папоротники, хвощи, плауны
Силур	морские беспозвоночные
Девон	беспозвоночные животные выбрались на сушу
Карбон	наземные пресмыкающиеся
Пермь	появление хвойных, хвощовых, папоротниковых видов
растений	

МЕЗОЗОЙ (250 МЛН. ЛЕТ – 65 МЛН. ЛЕТ) 中生代 *ТЮ:СЭЙДАЙ*

Триас	развитие лесов из хвойных, хвощовых, папоротниковых
Юра	гигантские рептилии, ящеры
Мел	мелкие млекопитающие, первые птицы, моллюски

КАЙНОЗОЙ (продолжительность 65 МЛН. ЛЕТ) 新生代 *СИНСЭЙДАЙ*

Третичный период (с 65 млн. лет до с 1, 8 млн. лет) 第三期 *ДАЙСАНКИ*

Млекопитающие, двусеменные растения

Образование Альп, Гималаев, горные системы Центральной Азии, активная вулканическая деятельность.

Оформление японского архипелага

Четвертичный период (с 1, 8 млн. лет по наст. время) 第四期 *ДАЙЁНКИ*

Плейстоцен (1,8 млн. лет – 10 тыс. лет) 更新性 *КО:СИНСЭЙ*

Чередование ледниковых 氷期 *хё:ки* и межледниковых периодов 間氷期 *кампё:ки*

Появление человечества

Голоцен (с 10 тыс. лет) 完新世 *КАНСИНСЭЙ*

Чередование ледниковых и межледниковых периодов

Продолжение межледникового периода по наст. вр. с сохранением того же климата, что и 10 тыс. лет назад

Развитие человечества

К теме 4

ПАЛЕОЛИТ 旧石器時代 *КЮ:СЭККИ ДЗИДАЙ* (600-13 ТЫС. ЛЕТ НАЗАД)

ДОКЕРАМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД 先土器時代 *СЭНДОКИ ДЗИДАЙ*

БЕЗКЕРАМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД 無土器時代 *МУДОКИ ДЗИДАЙ*

ПРЕДДЗЁМОНСКИЙ ПЕРИОД 先縄文時代 *СЭНДЗЁ:МОН ДЗИДАЙ*

ПЕРИОД ИВАДЗЮКУ 岩宿時代 *ИВАДЗЮКУ ДЗИДАЙ*

НИЖНИЙ (РАННИЙ) ПАЛЕОЛИТ=АШЕЛЬ (1,500 000-100 000 ЛЕТ НАЗАД)

上旧石器時代 *ДЗЁ: КЮ:СЭККИ ДЗИДАЙ (АШЮЭРИАН)*

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ=МУСТЬЕ (300-40 ТЫС. ЛЕТ НАЗАД)

中旧石器時代 *ТЮ: КЮ:СЭККИ ДЗИДАЙ (МУСТЕРИАН)*

К теме 4

**ДОКЛАДЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ СТОЯНКИ ХЁТАН-АНА, окт. 1999.
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ ПАЛЕОЛИТА ТОХОКУ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМИТЕТ УНИВЕРСИТЕТА ТОХОКУ-ФУКУСИ**

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Что касается стоянки Хётан-ана (букв. Пещера тыквы-горлянки), то еще в 1961, 1962 годах госп. Эсака Тэруя (в то время – университет Кэйо), а в 1966 г. госп. Кикүти Кёити (в то время – высшая школа Иваидзуми), проведя там раскопки, установили, что обнаруженные артефакты безусловно относятся к периоду, предшествовавшему периоду Дзёмон. Госп. Кикүти Кёити в своих изысканиях, целью которых было обнаружение бесспорных палеолитических остатков, так и не дошел до соответствующего слоя, препятствовавшего образованию известковых окаменелостей.

В апреле 1978 г. госп. Камада, сопровождавший госп. Фудзимура на стоянку Хётан-ана, проанализировал природные условия и состав отложений. В результате, придя к выводу о высокой вероятности принадлежности пещеры к эпохе палеолита, он утвердился в мысли о том, что на следующий год необходимо продолжить исследования. Однако только спустя долгих 15 лет, а именно в апреле 1994 г. Камада, Фудзимура вместе с группой других исследователей – Кадзивара, Ёкояма, Сакума Мицухира, Фудзии Сэйдзи и Сампо Тиаки посетили это место и решили в ближайшие годы провести там изыскания. На следующий год, в марте 1995 г. в сопровождении госп. Куматани Цунэмаса из отдела культуры префектуры Иватэ (в то время) исследователи посетили Комитет образования города Иваидзуми-тё и договорились о всемерной поддержке намеченным работам. В том же году, 1 мая начались первые масштабные раскопки.

В ходе археологических работ ученые широко опирались на опыт исследований таких известных стоянок, как Дзадзараги, Бабадан, Такамори.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ СТОЯНКИ

Район расположения стоянки Хётан-ана, а именно местность в окрестностях городка Ивадзуми-тё округа Симоэ-гун префектуры Иватэ, пожалуй, является в Японии самым огромным по площади местом залегания известняков, сформировавшихся примерно 100-200 миллионов лет назад. Здесь находится более 100 различных по размеру пещер и гротов, 20 из которых представляют собой стоянки, имеющие отношение к человеку.

Стоянка Хётан-ана расположена на высоте 178 м; разница относительных высот по отношению к уровню современной реки составляет около 50 м; ширина и глубина составляют примерно по 20 м, высота пещеры около 10 м. Террасы наверху были подвержены эрозии, и, думается, пещера могла образоваться около 300 тысяч лет назад.

Окрестности пещеры Хётан-ана расположены на склонах и откосах. Сверху вниз можно выделить следующие виды вулканического пепла: Вакэ, Юкиура, Сибутами, а также район тефры широкого распространения Асо-4 и вулканический пепел Тоя.

ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕЖНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Что касается раскопок, то за пять сезонов были исследованы наклонная предвходовая часть пещеры – участок С; примыкающий к нему с запада участок Е; центральная часть пещеры –участок D; смещенный к югу участок В. Двумя исследователями - Эсака и Кикүти - были изучены дальние части пещеры –участок А, а также небольшой отсек в самой глубокой части – участок F. Если говорить о стратиграфии, то она на разных участках разная. Части пещеры различаются между собой по своим отложениям. Кроме того, их отделяет между собой большое количество карстовых отложений. Поскольку связь между районами пещеры еще пока недостаточно выявлена, то на схеме стратиграфические колонки даны по отдельности, а не в единой системе.

1-й сезон раскопок

Время раскопок: 1-7 мая 1995 г.

Ход исследований:

За время первого сезона раскопок были исследованы участки А, В и С.

На участке А на глубине ниже 1 м из 10-го слоя были извлечены обожженные зубы, конечности (кости) оленя, а на глубине, превышающей 1.5 м, в 18-го слое было найдено одно орудие из липарита с зубчатым краем.

На участке С из разрушившейся галечной трещины в 6-м слое с участка 2 м x 1 м были извлечены два сланцевых асимметричных угловых скребла и 3 скребка из сланца, то есть всего 5 артефактов, а также один медвежий зуб.

Нужно отметить, что во время этого сезона раскопок впервые на японском архипелаге были получены неоспоримые свидетельства следов жизнедеятельности человека палеолитической эпохи. Однако, если исходить из особенностей стратиграфии и самих орудий, то, думается, эти свидетельства могли относиться к среднему палеолиту (50-100 тысяч лет). Сейчас же предполагается, что это древнейшие пещерные стоянки Японии, где сохранились остатки жизнедеятельности человека. Как выше было сказано, до обнаружения человеческих окаменелостей палеолитической эпохи дело так и не дошло, тем не менее значение раскопок того сезона было велико. Тот факт, что орудия и кости животных нашли вместе, конкретно подтверждает наличие следов жизнедеятельности в ту эпоху.

2-й сезон раскопок

Время раскопок: 27 апреля -6 мая 1996 г.

Ход исследований.

Были продолжены раскопочные работы на участке А и начаты изыскания на участке D.

Результаты исследований.

На участке А из 11-го слоя были извлечены: один сланцевый скребок, одно сланцевое орудие, прошедшее вторичную обработку, один сланцевый отщеп, две кости оленя (трудно определить, какие именно); в 14-ом слое были найдены: два сланцевых скребка, одно асимметричное угловое скребло из сланца, одно сланцевое орудие, прошедшее вторичную обработку. Далее отдельно, но в том же слое была найдена одна раковина моллюска, а в 12-ом слое было обнаружено одно липаритовое асимметричное угловое скребло.

На участке D в 3-ем слое был обнаружен частично отшлифованный каменный топор из мелкозернистого туфита зеленого цвета, несколько костяных пластин неясного вида; в 4-м слое были найдены медвежий зуб и пластина из кости оленя.

3-й сезон раскопок

Время раскопок: 25 апреля-5 мая 1997 г.

Ход исследований.

Кроме того, что были продолжены работы на участке A, начатые еще с первого сезона, были проведены раскопки на участке E, примыкающем с запада к участку C.

Результаты исследований.

Из 18-го слоя на участке A были извлечены один сланцевый скребок с двойным лезвием и одно небольшое сланцевое остроконечное орудие, обработанное с двух сторон. В 6-м слое участка E были найдены одно сланцевое асимметричное угловое скребло, одно боковое скребло из сланца, две пластины из сланца, прошедшие вторичную обработку, и одна обычная сланцевая пластина.

4-й сезон раскопок

Время раскопок: 24 апреля-5 мая 1998 г.

Ход исследований.

Приступили к изучению впервые выделенного между участками A, C и E района F. Объектом исследований стал грот Синьити-ивакагэ, который находится ниже пещеры Хэтан-ана на 22 м.

Результаты исследований.

Из 18-го слоя участка A были извлечены следующие предметы: два разных сланцевых асимметричных угловых скребла, пять остроконечных орудий, обработанных с обеих сторон, один скребок, одно каменное орудие со следами полусной обработки.

На участке F была выкопана одна земляная яма размерами 80 см (с востока на запад) x 60 см (с севера на юг) x 45 см (в глубину), содержащая 6 уровней. Пройдя два уровня (ниже нескольких десятков сантиметров), исследователи обнаружили рассредоточенные по всей площади ямы плоские кусочки известняка размером 10-30 см. Выбрав следующие три слоя земли, ученые добрались до самого дна ямы. Что касается находок, то в самом верхнем слое были найдены одно сланцевое асимметричное угловое скребло, одно липаритовое остроконечное орудие типа дежетэ. Прямо из-под разбросанных кусочков известняка была извлечена одна костяная пластина оленя, а на дне ямы обнаружили один сланцевый скребок.

Грот Синьити-ивакагэ.

Из разрушенных слоев всего грота Синьити-ивакагэ было извлечено небольшое количество керамических пластин эпохи Дзёмон, свыше 200 керамических пластин эпохи Яёи и одно каменное копьё (пики) с маленьким черенком.

В слое, содержащем палеолитические остатки, были найдены одно сланцевое остроконечное орудие с острием в виде копья (пики), одно боковое скребло, одна пластина с еле заметными следами обработки и одна пластина из кости оленя.

5-й сезон раскопок

Время раскопок: 30 апреля-10 мая 1999 г.

Ход исследований.

Объектами изысканий были участки F, A, D, B. Сосредоточившись в особенности на палеолитических находках, открытых со времени 1-го сезона раскопок, в целях повышения эффективности поиска артефактов, предшествующих раннему периоду Дзёмон, ученые проводили свои исследования вокруг участка A, где когда-то работали археологи Эсака и Кикути. И в этот раз на участках B и D, где сохранился слой, содержащий культурные остатки Дзёмон, было найдено большое количество находок интересующего ученых периода.

На участке A был исследована зона 2 м x 1 м с северной стороны участка, где проводились изыскания в 1998 г. Там было обнаружено несколько костяных пластин.

На участке B, в восточной его части был найден смешанный слой земли черного и серого цвета, в котором обнаружили керамику раннего периода Дзёмон с листовым орнаментом, неорнаментированную керамику раннего этапа Хётан-ана, а также неорнаментированную керамику неясного типа и возраста, предшествующего раннему периоду. Кроме этого, было найдено большое количество каменных наконечников, орудий зубчатой формы, скребков и проч. Костяных орудий было найдено тоже достаточно много (игл и др.). К редким находкам можно отнести плоскую бусину, сделанную из раковины. Кроме всего этого, из данного слоя была извлечена керамика позднего периода Дзёмон и керамика Яёи.

Что касается участка D, то когда удалили камни с верхней части поверхности, связанной с участком A, то в результате исследований нижней части оказалось, что наряду с расслоившимися фрагментами внутренней и внешней сторон керамики конца ранней Дзёмон, там сконцентрированы кости диких животных. То же самое и в северной части участка D: кроме костей животных были найдены раковины моллюсков, раковинки от речного жемчуга, рыбы кости и прочие многочисленные свидетельства жизнедеятельности человека раннего периода Дзёмон.

Если говорить об участке F, то можно выделить два момента.

1. Из 5-го слоя, чей возраст составляет около 100 тысяч лет (что соответствует поверхности 18-го слоя на участке A), с узкого квадратного участка со стороной в 40 см извлекли 9 каменных орудий. Что касается типа этих орудий, то одно представляло собой сланцевое угловое асимметричное скребло; три другие являлись липаритовыми и сланцевыми скребками; еще два орудия имели клиновидную форму и были сделаны из сланца; один сланцевый отщеп со следами вторичной обработки; два обычных сланцевых отщепа. Большинство этих орудий имели явные следы использования. Примерно в полутора метрах от орудий располагались кости животных – либо оленя, либо серно-козы, либо медведя.
2. Кроме того, в южной части участка F в 3-м слое (что соответствует поверхности 10-го слоя участка A) были найдены один яшмовый скребок, один сланцевый отщеп со следами вторичной обработки, и вместе с ним четыре пластины из кости животных, ниже которых находилось целое скопление больших бедренных костей млекопитающих средних размеров.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЯТИ СЕЗОНОВ РАСКОПОК И ЗАДАЧИ НА ПЕРСПЕКТИВУ

1. Надо заметить, что почва всего японского архипелага отличается высокой кислотностью. Среди палеолитических памятников почти не бывает таких, где бы одновременно встречались орудия и окаменевшие кости животных. То, что при исследовании этой стоянки были обнаружены остатки пищи вместе с утварью и инструментами, свидетельствует о древнейшем характере этого памятника на территории Японии. Кроме того, анализ этих находок может поспособствовать восстановлению картины природной

среды, климатических условий, при которых жили обитатели пещеры. Обнаружение каменных изделий, орудий из костей рыб также поможет ученым взглянуть с разных точек зрения на производственную деятельность человека того времени.

2. Проанализировав участки А и D, а именно нижнюю часть 3-го слоя участка D и слои 10, 11, 12а, 12с, 18 участка А, исследователи пришли к выводу, что здесь несомненно наличествуют признаки палеолитического хозяйствования, и что эта пещера использовалась непрерывно на протяжении долгого времени. Следовательно, можно предположить, что на дне пещеры может существовать еще один слой накоплений, где могут сохраниться свидетельства еще более раннего этапа жизнедеятельности человека.
3. В самой глубокой части пещеры, на участке F была обнаружена земляная яма, чьи накопления соответствуют слою 10 на участке А, возраст которого составляет 40-50 тысяч лет. Значит, есть основания предполагать, что возраст ямы такой же. Что касается структуры самой камеры в яме, то она очень напоминает погребения неандертальца того же времени, обнаруженные в Европе и других местах. Однако костных останков человека, самых важных свидетельств, там совершенно нет. На сегодняшний день это пока загадка. Поэтому изучение характера этой ямы является важной темой предстоящих исследований.

В любом случае, открытие этой ямы, так похожей на погребальную, наводит на мысль о том, что здесь должны были сохраниться человеческие останки. Нужны более конкретные исследования.

4. В данном случае физико-химических методов определения возраста было явно недостаточно. При помощи палеомагнитного метода были сопоставлены событие Ина-I из 10-го слоя с возрастом 40-50 тысяч лет и событие из 19-го слоя с возрастом 120-130 тысяч лет (данные предоставлены госп. Хироока Кофу). В дальнейшем необходимо четче определиться с методом установления возраста, чтобы предоставить более точную дату.
5. Из отличительных особенностей выше упомянутых находок и их возраста можно предположить, что, к примеру, частично отшлифованный топор, найденный в нижней части 3-го слоя участка D, относится к начальной стадии завершающего периода палеолита. Что касается артефактов, обнаруженных в слоях 12а, 12с, 18 участка А, в слое 6 участка С, в слое 6 участка Е и на участке F, то поскольку были найдены орудия с асимметричной площадкой, имеющие отношение к технике обработки отщепов из дисковидных нуклеусов (а именно – скребки и угловые асимметричные скребла), то можно предположить, что они относятся к среднему палеолиту.
6. Тот факт, что в этой пещере были обнаружены не только кости животных, но и обломки раковин, является чрезвычайно обнадеживающим событием. Думается, что здесь в конце концов обнаружат и окаменевшие останки человека. Несомненно, что обнаружение таких останков является главной целью изыскательских работ в этом месте.
7. Продвигаясь из глубины пещеры к ее предвходовой части, и затем перемещаясь на другие участки, была установлена стратиграфическая ситуация, определено взаиморасположение различных слоев.
8. После того как в гроте Синъити-ивакагэ, впервые исследованном во время 4-го сезона раскопок, были обнаружены артефакты, относящиеся к завершающему этапу позднего палеолита, можно высказать предположение, что многочисленные пещеры и гроты, расположенные в районе пещеры Хётан-ана, тоже относятся к эпохе палеолита.
9. Как было заявлено руководителями раскопочных работ, для проведения широкомасштабных исследований необходимо участие представителей различных областей – антропологов, палеонтологов, географов, специалистов по определению возраста, палеоклимата, по составлению рельефа и проч. Чтобы давать заключение по определению характера пещерных стоянок, данных одной археологии недостаточно. Такие вопросы нужно решать совместными усилиями представителей различных областей знания.

К теме 4

РАННИЙ И СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ В ЯПОНИИ (по материалам трудов члена археологического общества Японии Сэкия Акира)

Начало исследованиям палеолита в Японии положило открытие стоянки Ивадзюку в 1949 г. (Сугихара 1967 г.; Аидзава, Сэкия 1988 г.). До открытия стоянки Ивадзюку в японских археологических кругах господствовала точка зрения о том, что в Японии палеолит не существовал вообще. Это ошибочное мнение сформировалось в умах японцев во многом благодаря специфике географического положения и геологической ситуации в Японии.

Действительно, из-за того что Япония представляет собой значительно удаленный от материка архипелаг, кажется невозможным вообразить, что при мореплавательной технике времен палеолита человек мог добраться с материка до Японии. Если посмотреть с геологической точки зрения, то Япония – это целый архипелаг вулканов, и в толще десятков метров вулканического пепла плейстоценовых отложений тоже казалось невозможным обнаружение человеческих останков. Кроме того, надо учесть особое историческое воспитание японцев, которым в течение 2600 лет вплоть до 1945 г. внушалась мысль о божественном происхождении Японии, тогда как о палеолитической истории почти не сообщалось.

В настоящее время, утвердившись во мнении, что стоянка Ивадзюку действительно является палеолитическим памятником, археологи наконец-то обратились к исследованию палеолита. В результате за 20 лет, прошедших со времени открытия стоянки Ивадзюку, число открытых на всей территории Японии палеолитических памятников достигло 359 (Сугихара, 1965). Сейчас, когда после открытия стоянки Ивадзюку прошло уже 56 лет, количество палеолитических памятников в Японии возросло до нескольких тысяч.

Пользуясь случаем быть приглашенным на симпозиум, проводимый Сибирским Отделением Российской Академии Наук, и посвященный теме «», представляю данное сообщение об истории исследования раннего и среднего палеолита в Японии.

История исследования раннего и среднего палеолита в Японии

(1) Первый этап

Первый этап, согласно концепции активизации реформ на японском архипелаге, представляет собой период со времени открытия Ивадзюку в 1949 г. до начала широкомасштабных исследований в 1975 г.

Аидзава Тадахиро, которому принадлежит честь открытия стоянки Ивадзюку, в 1948 году (в том же году, когда им была фактически открыта Ивадзюку) в городе Исэсаки открыл стоянку Гонгэнъяма, а в 1949 г. в префектуре Гумма обнаружил стоянку Фудзияма и целый ряд других памятников. По ряду причин сообщения об этих стоянках были опубликованы со значительным опозданием (J. Maringer, 1956; Аидзава, Сэкия 1988).

Изыскания, в результате которых была выявлена нижняя граница палеолитической культуры Японии, проводились под руководством Сэридзава Тёсукэ. Так, в 1960 г. в префектуре Нагасаки была открыта

стоянка Фукуи (Сэридзава и др., 1960), в префектуре Оита стоянка Содзудай (Сэридзава, 1965); начиная с 1965 г. было проведено еще 5 сезонов, в результате чего в префектуре Тотиги были обнаружены стоянка Хосино (Сэридзава, 1979) и ряд других памятников.

Сугихара Сосукэ в отношении раннего и позднего палеолита, изученного Сэридзава Тёсукэ, отстаивал свою позицию, согласно которой палеолит древнее 30 тысячи лет на территории Японии существовать не мог (Сугихара, 1967). Таким образом, это была «война мнений» по вопросу, существует ранний палеолит или нет.

Сэридзава, проведя в 1970 г. археологические раскопки на севере района Канто, а именно на местонахождении Ивадзюку-Д (Сэридзава, 1982) и в других местах, на основании анализа природной гальки и каменных орудий, а также с учетом следов использования орудий пришел к выводу, что это ранний палеолит.

Что касается мнения геологов, то в отношении материала, из которого были сделаны раннепалеолитические орудия из кремнистых пород, найденные в напластованиях на севере Канто в Хосино, Ивадзюку-Д и в других местах, они высказали противоположную точку зрения (Араи, 1971). На основании вывода о том, что суглинок, где был найден материал, представляет собой слой вторичных отложений или же остроконечных обломков горной породы, находки были признаны ими фрагментами природной гальки.

(2) Второй этап

Второй этап, согласно концепции активизации реформ на японском архипелаге, составляет период со времени широкомасштабных исследований 1975 г. вплоть до 2000 г. В это время в Японии повсюду проводились комплексные изыскания и разведочные раскопочные работы. На эти раскопки были выделены большие средства, поэтому они проводились с большим размахом, что в результате повлекло за собой распространение информации о палеолите и во многом способствовало развитию палеолитических исследований.

Что касается открытий и исследований раннего и среднего палеолита в этот период, то они активно проводились в восточной части Японии, в основном в префектуре Мияги, – начиная с Дзадзараги (Симпозиум по культуре камня, 1983), затем Камитакамори (Японское Археологическое общество, 2003). В этой связи нельзя не упомянуть инцидент ноября 2000 г., когда обнаружился подлог находок. К большому сожалению, в этот период большая часть стоянок раннего и среднего палеолита была фальсифицирована. После того как в Японии лопнула экономика «мыльного пузыря», канули в лету и многие фантастические домыслы в отношении раннего и среднего палеолита.

Однако несмотря на это, исследования и открытия продолжались. В этой связи можно назвать ряд новых стоянок: Канатори в префектуре Иватэ (Кикути и др., 1986), Камисида в префектуре Оита (Татибана, 2000), Цудзита

в городе Китакюсю (Яматэ, 1994), Усиромута в префектуре Миядзаки (Сато, 2001) и др.

3) Третий этап

Это период с ноября 2000 г. по настоящее время. Поначалу в этот период во избежание всяческих рецидивов все силы были устремлены на проверку и изучение фальсифицированных стоянок. В результате повторных раскопок спорных стоянок и проверки обнаруженных на них находок было решено закрыть все, к чему имел отношение г.Фудзимура (Японское Археологическое общество, 2003). Можно сказать, что дальнейшим исследованиям раннего и среднего палеолита сейчас дан новый старт.

В настоящий момент производятся раскопки раннего и среднего палеолита в префектуре Нагано – на стоянке Такэса-накахара (Асахи симбунся, 2002) и на стоянке Ирикути (газетные публикации от 13 октября 2004 г.) и пр.

Заключение

Что касается факта фальсификации стоянок раннего и среднего палеолита, о чем долгое время никто не догадывался, то можно назвать много причин, но главной следует признать недостаточность проверок. Принцип «стратиграфическое местоположение найденных орудий формально главное всего», безусловно, очень важен, но, как оказалось, нельзя не учитывать при этом и человеческий фактор. Дальнейшие исследования следует проводить на основе самокритических позиций, в обстановке широкой гласности, с привлечением третьих лиц в качестве наблюдателей.

В настоящее время среди материала среднего палеолита много находок, собранных как с поверхности, так и в разрезах. Думается, в этих условиях необходимы повторные раскопки и новые исследования. Это касается и стоянки Канатори, включая находки с нее, – возможно, при повторных раскопках ожидаемых результатов (2004 г.) не будет достигнуто. В любом случае необходимы новые проверки всех без исключения материалов.

Как реакция на перегибы в отношении важности стратиграфии в прошлых исследованиях в настоящее время появилась группа ученых, которые игнорируя стратиграфическое местоположение находок раннего и среднего палеолита, выступают против принципа «формальной важности стратиграфии». Поэтому представляется очень важным проводить в дальнейшем такие исследования, которые бы учитывали оба эти археологические фактора по стратиграфическому и формальному признакам.

Самокритично оглядываясь на печальные события прошлого, когда весь археологический мир Японии был обескуражен, необходимо по примеру г. Сэридзава сосредоточить усилия по активному проведению повторных исследований орудий из кремнистых пород (газетные публикации, октябрь 2004 г.), а также по изучению и раскопкам новых стоянок.

Что касается ситуации в археологии в этом году, то в отношении научных связей и совместных исследований все благополучно. Желательно создать такой режим исследований, когда удастся устранить все возможные противоречия и разногласия между университетами, институтами и научными учреждениями.

К теме 4

Резюме статьи Хирано Юкихару, Такидзава Ясуко

«СКАНДАЛ ВЕКА. ФАЛЬСИФИЦИРОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

«РАЗОБЛАЧЕНИЕ РУКИ БОЖЬЕЙ»

ЖУРНАЛ «САНДЭЙ МАЙНИТИ», НОЯБРЬ 2000 г., ТОКИО

(перевод Е. Э. Войтишек)

«Все это похоже на нелепую шутку!» – смеются многие, не веря. Однако это произошло.

Стоя на коленях, выкладывая в ряд каменные орудия, присыпать их землей, а потом втоптывать, утрамбовывая поверхность, - что же это такое?! Казалось бы, в 50 лет люди должны понимать такие вещи... Неужели это все из-за жажды славы и известности?!

«То, что я сделал на стоянке Камитакамори, наверняка войдет в учебники!» - горделиво заявил Фудзимура Синьити своим коллегам-археологам. Еще в мае 2000 г. в г. Цукидате состоялся съезд Всеяпонского археологического общества, на котором присутствовал помощник директора Института культуры палеолита Тохоку госп. Фудзимура Синьити. Там газетой «Майнити симбун» в качестве исторической сенсации было заявлено о разоблачении факта фальсификации палеолитических орудий. Как сказал один исследователь-любитель, «по наивности этим словам тогда не придали значения». Не тогда ли уже г. Фудзимура задумал неслыханное по дерзости деяние?!

Однако, по его же собственным словам, «бог с небес все видел». Так или иначе, то, что теперь из учебников исчезнет упоминание о «достижениях» г. Фудзимура, теперь уже в общем ясно. Во всяком случае, те разделы в старых учебниках по истории, в книгах издательства Ямакава, посвященные стоянке Камитакамори (расположенной близ городка Цукидате в префектуре Мияги), будут теперь пересмотрены.

Как признался сам г. Фудзимура, 65 из 69 каменных орудий, выкопанных на стоянке Камитакамори, были найдены в сентябре на Хоккайдо, на стоянке Сосин-фудосака близ города Тоцукава. По заявлению Всеяпонского комитета по образованию, Департамент культуры будет способствовать перепроверке данных по стоянкам всей Японии, к которым имели отношение г. Фудзимура и Институт культуры палеолита Тохоку.

После окончания высшей школы в г. Сэндай Фудзимура одновременно со службой изучал археологию в частной школе, а потом стал ездить по стоянкам Японии – сначала в качестве археолога-любителя, а потом как

лицо, добившееся высокого положения. Жаль, что его тогда никто не остановил!

«Если администрация сама ведет раскопки и при этом не получает результатов, это конец! Мы всегда должны быть в центре внимания. Если этого не происходит, на поддержку и помощь нечего и рассчитывать.»

На пресс-конференции, которую проводил директор Института культуры палеолита Тохоку г. Камада Тосиаки, вместе с г. Фудзимура и другими коллегами участвовавший в раскопках, был особо подчеркнут демократический характер руководства в команде. И, возможно, именно это подтолкнуло г. Фудзимура к подтасовке фактов.

Надо сказать при этом, что финансовые и прочие проблемы во время разведки и исследования новых районов всегда были в компетенции самих исследователей. Что касается г. Фудзимура и его коллег, то они постоянно сталкивались с финансовыми проблемами. Вроде бы были какие-то пожертвования от археологов-любителей, какие-то гонорары за статьи, но все это выглядело не очень убедительно. В демократичной исследовательской команде широко известного Института культуры палеолита Тохоку в финансовых вопросах явно что-то не ладилось. Как свидетельствует профессор Харунари Сюдзи из Государственного Музея истории народов, «за последние год-два просьбы о пожертвованиях резко возросли. Возможно, средства были нужны для оформления отчетов по раскопкам».

Г. Фудзимура, долгое время прослуживший на фирме, в ноябре прошлого года ушел в отставку. Появившись на новой должности, он так и не смог держать себя адекватно – все ему не давала покоя мысль о «народных» средствах и о том, как их быстро потратить. Все же остается до конца непонятным, почему же этот факт никого не беспокоил?

«Доверяли ему...», - в один голос говорят его коллеги, которые долгие годы работали рядом с ним и сейчас чувствуют себя обманутыми. По словам г. Ода Сидзуо из отдела культуры Департамента образования, уже 14 лет как опубликована статья «Палеолитические орудия префектуры Мияги», изданная в

1986 г. в сборнике работ по раннему палеолиту и написанная целым авторским коллективом. Что касается описаний палеолитических орудий стоянок Бабадан-А, Дзадзараги и др., расположенных в этой префектуре, где раскопки вел г. Фудзимура с коллегами, то со всех сторон стали раздаваться голоса о том, что все опубликованные данные об орудиях с этих стоянок, признанных палеолитическими, а ранее считавшихся принадлежностью культуры Дзёмон, теперь следует тщательно перепроверить. Кроме того, сейчас поговаривают о том, что на самом деле пока не существует подлинных доказательств существования предметов труда человека до рубежа в 30 тысяч лет. Таким образом, все «замечательные достижения» г. Фудзимура и его коллег оказались напрасными.

Тот же г. Ода говорит: «Безусловно, действия г. Фудзимура совершенно непростительны, но зато из этой ситуации можно извлечь кое-какую пользу».

Что же он имеет в виду? Возвращаясь все к тому же раннему палеолиту, надо отметить, что с того времени, как в 1964 г. почетный профессор университета Тохоку г. Сэридзава Тёсукэ в городке Хидэ префектуры Оита обнаружил стоянку Хаямидай, не прекращаются споры между различными группами ученых, являются ли найденные предметы орудиями, или же они представляют собой природные образования. Может быть, «открытие» г. Фудзимура как раз и позволит окончательно решить этот вопрос.

Раздаются мнения и о том, что многие последователи профессора Сэридзава, например, г. Окамура Митио, сотрудник аппарата управления в Департаменте культуры, положительно оценивают деятельность г. Фудзимура, отмечая его авторитет, а ответственность за происшедшее предлагают разделить между всеми коллегами. Что касается самого профессора Сэридзава, то он говорит следующее: «Я знаю г. Фудзимура в течение 20 лет, и знаю с хорошей стороны. Его поведение не вызывало никаких подозрений. Не является ли вся эта история надуманной и раздутой средствами массовой информации?!»

И все же...Г. Такэока Тосики, видевший палеолитические орудия Камитакамори, и имевший возможность досконально изучить артефакты эпохи Дзёмон, пришел все же к отрицательному выводу, опубликовав в профессиональном журнале свое мнение: «Этого не может быть! Не верится!». В продолжение изложения своей позиции, он написал далее:

«Во Франции, к примеру, при прорисовке контуров орудия линии делятся на 21 равную часть, каждая из которой тщательно фиксируется, нумеруется, анализируется. При этом в Японии исследователь основывается на своих предположениях, видит то, что хочет увидеть».

Во всяком случае, разоблачение г. Фудзимура показало, что случилось то, что когда-то должно было произойти.

К теме 5

Эпоха Дзё:мон (неолит)

縄文時代 *дзё:мон дзидай*

(新石器時代 *синсэки дзидай*)

12 тыс. лет назад – 4 в. до н.э.

草創期	<i>со:со:ки</i>	начальный период
早期	<i>со:ки</i>	ранний период
前期	<i>дзэнки</i>	древний период
中期	<i>тю:ки</i>	средний период
後期	<i>ко:ки</i>	поздний период
晩期	<i>банки</i>	завершающая стадия
過渡期	<i>като:ки</i>	переходный период

石棒	<i>сэкибо:</i>	каменные жезлы
石皿	<i>исидзара</i>	каменные ступки
土偶	<i>догу:</i>	глиняные статуэтки

Корэкава – комплексный памятник эпохи позднего неолита Японии в р-не г. Цугару (префектура Аомори) на северо-востоке о. Хонсю. Сведения о первых находках относятся к 1622, когда при строительстве замка клана Цугару обнаружили керамические сосуды. Первые раскопки провел Токи Гэнго (известен также как Миномуси Сандзин) в 1879. С 1886 и на протяжении последующего столетия раскопки периодически проводились археологами Токийского университета; в 1944 комплекс К. получил статус национального исторического памятника. Поселение и могильник обнаружены в торфянике, толщина культурного слоя от 1,5 до 4 м. Первоначально выделялся в особую культура К., к которой в р-не Тохоку относили также памятник на торфянике Камэгаока, могильники в раковинных кучах Такасаго, Касикодокоро и др. В настоящее время более принято использовать термин «культура Камэгаока» для описания территориально-хронологического вариант в рамках культур финального *Дзёмона* (1000–300 лет до н. э.).

Небольшие жилища (наземные и полуземлянки); захоронения в раковинных кучах скорченные, на спине, в осн. головой на запад; появляются захоронения под земляными курганами, с каменными оградками. Черепа с удаленными передними зубами (свидетельство обряда инициации).

Каменные топоры, оббитые и шлифованные, наконечники стрел с черешком и вогнутым основанием, «кнопочные» ножи. Нефритовые топоры, сверлёные бусы, подвески в форме запятой (магатама). Костяные гарпуны, в т.ч. поворотные. Много деревянных изделий, часто с лаковым покрытием: лодка-долбленка, луки цельные и составные, мечи, лопаты, жезлы, чаши; плетёные корзинки из лозы. Лепная керамика: кувшины со сферическим туловом, чаши на коническом поддоне, «чайники» (возможно, для вина), курильницы; богато украшены лепным рельефным орнаментом, тонкими оттисками веревки, резными параллельными линиями, лощением, лакировкой. Керамические фигурки-догу, часто с маской типа солнцезащитных очков; есть полые догу с человеческими костями внутри; ритуальное захоронение догу в могиле с каменной оградкой в Такасаго.

Развитый сбор моллюсков, рыболовство (в т.ч. на проходную рыбу), промысел крупной рыбы (тунца), собирательство (каштаны, орехи), охота на оленей и др.; начало возделывания риса.

Для сосудов из К. установлены аналогии в янковской культуре Приморья; носители культуры Камэгаока участвуют в формировании культуры раннего металла *Яёй*.

К теме 5-6 Резюме лекции проф. Акосима Каору

«Рассвет японской культуры: от эпохи палеолита к эпохе Дзёмон»

Профессор Акосима Каору окончил Университет Тохоку по специальности археология, получил здесь степень магистра, затем в аспирантуре Университета Нью-Мексико в США получил степень доктора по антропологии. В Университете Тохоку работал ассистентом, преподавателем, доцентом. В настоящее время заведует археологическим отделением в Университете Тохоку, по совместительству работает директором хранилища и исследовательского центра при музее этого университета, является членом правления Комитета по культуре г. Сэндай и сохранению культурного наследия префектуры Мияги. С 2008 г. он занимается также подготовкой музейных сотрудников международного уровня, работающих с историческими материалами. Являясь специалистом по сравнительной археологии древних культур, профессор Акосима Каору занимается исследованиями стоянок Северо-Востока Японии, относящихся к палеолиту, а также периодам Дзёмон и Яёи. Кроме того, он неоднократно участвовал в раскопках на территории Великих равнин в северной Америке, раскопках палеолитических памятников во Франции. Данные, полученные во время этих исследований, он сопоставляет с результатами изучения палеолита на территории северо-восточной Японии. В последнее время профессор активно участвует в научном обмене с исследователями Республики Корея, Китая, Сибири, США, предметом изучения которых являются сопоставления культур доисторического периода (в том числе японского архипелага и материка), характеристика культур позднего палеолита на Северо-Востоке Азии, миграции из Азии на Североамериканский материк.

В эпоху позднего палеолита, с потеплением климата, на обширной территории Восточной Азии, включая Сибирь, более отчетливо начало проявляться своеобразие каждого региона. Отличительной чертой Японского архипелага более позднего времени стала керамика Дзёмон и своеобразная культура Дзёмон.

Говоря об этногенезе японцев и формировании японской культуры, необходимо учитывать процессы, происходящие в масштабах всей Азии, выявляя территориальные особенности Японского архипелага. Если в настоящее время наиболее значимым для экономики и культуры Японии является Тихоокеанское побережье, то в период палеолита, по мнению профессора Акосима Каору, подобную роль играло побережье Японского моря. Именно там проходили основные потоки миграций, устанавливались связи с материком.

Приводя примеры из историографии по японской археологии, иллюстрируя свои тезисы многочисленными иллюстрациями, лектор сфокусировал внимание на северных территориях Северо-Восточной Азии. Лектор указал основные стоянки, где археологами Университета Тохоку проводились масштабные раскопки: Марумори-1, Камино-А, Арай, Томидзава (поздний палеолит), Камэгаока, Нумадзу, Сатохама, Дайгигакои

(период Дзёмон), Тарэянаги (период Яёи). Аудитория узнала также и об основателях археологического направления в университете Тохоку: Кита Садакити (1871–1939 гг.), Яманоути Сугао (1902–1970 гг.), Ито Нобуо (1908–1987 гг.), Сэридзава Тёсукэ (1919–2006 гг.).

Во время раскопок стоянки Со:дзудай в префектуре Ойта, проведенных в 1964 и 2002 гг., были найдены многочисленные каменные орудия (рис. 1). Коснувшись проблемы распространения позднепалеолитической культуры, профессор Акосима Каору рассказал о технике и многообразии способов изготовления таких орудий, о сырье эпохи позднего палеолита, «каменной экономике», о кочевом образе жизни людей того периода на Японском архипелаге. Отдельно он остановился на результатах раскопок 1965–1978 гг., проведенных профессором Сэридзава Тёсукэ на стоянке Хосино (префектура Тотиги) в слоях вулканического пепла, на глубине до 14 м. Найденные на стоянке орудия, изготовленные из кремнистого сланца, представлены следующими разновидностями: скребки, орудия «в форме подставки», остря, вкладыши для ножей, сверла, резцы, чопперы, нуклеусы. Лектор обратил также внимание на каменные орудия позднего палеолита, найденные в 2009 г. на стоянках Марумори-1 и Камино-А (префектура Ямагата) в слоях галечника.

Профессор Акосима Каору уделил особое внимание особенностям техники культуры тонких каменных лезвий, специфике формы и функций резцов, областям применения каменных орудий и методам анализа следов при изготовлении и использовании каменных орудий, т. е. трасологии, позволяющей реконструировать конкретное назначение орудий и выявить специфику основных закономерностей в изготовлении каменного инвентаря. Так, с помощью этого метода было установлено, что резцы, найденные на стоянке Арая (префектура Ниигата), использовались для обработки шкур и костей животных. Было также установлено, что в исторически никак не связанных районах есть орудия с одинаковыми следами использования. Этот факт, по-видимому, говорит о функциональном сходстве орудий, с помощью которых независимо от времени и места выполняли одинаковые действия. В лекции был затронут и вопрос о раскопках в 1988–1989 гг. стоянки Арая (префектура Ниигата), когда были найдены остатки жилищ в форме глубоких ям, а также резцы типа Арая из сланца, распространенные в Северо-Восточной Азии – находки в пещере Фукуи (префектура Нагасаки), на стоянке Тадзава (префектура Ниигата).

Говоря о естественнонаучных направлениях исследований, лектор коснулся проблем палеофлоры. Так при раскопках стоянки Томидзава у г. Сэндай был обнаружен прекрасно сохранившийся окаменевший лес. Анализ остатков деревьев, костровищ и каменных орудий позволил успешно установить виды всех деревьев. Результаты этих изысканий представлены в экспозиции специально созданного в г. Сэндай музея «Растения ледникового периода». Рассказывая об изменениях климата в эпоху плейстоцена, он привел график изменений уровня моря, установленных на основе количества изотопа кислорода-18 в кернах из морского дна. Потепление на Земле он

рассматривает и в связи с деятельностью человека, жившего на Японском архипелаге. Основываясь на теории Л. Бинфорда, профессор Акосима Каору проводит и обширные антропологические изыскания. Сравнительные антропологические характеристики позволяют проследить, как с изменением окружающей среды при сходных условиях в одно и то же время изменялся характер человеческих сообществ. Это направление, начиная с 1980-х гг., стало одним из важнейших в университете Тохоку.

Далее в лекции была затронута тема реконструкции окружающей среды и облика человека в ледниковый период и в конце его, а также вопрос о времени появления керамики и самой культуры Дзёмон, о центрах ее местонахождения. Основываясь на этих материалах, лектор привел данные по хронологии керамики Дзёмон, рассказал о ее особенностях в зависимости от районов использования, рассмотрел варианты орнамента.

Определенного внимания требовали и находки из раковинной кучи Нумадзу (префектура Мияги), поскольку происходящие оттуда великолепные орудия из кости и рога, керамическая ваза, покрытая киноварью, в настоящее время имеют статус «государственного культурного наследия». Были представлены также керамические изделия культуры Корэкава и стоянки Камэгаока, знаменитые сосуды и фигурки «инопланетянина», ножи, найденные при раскопках стоянки Утиураи в г. Сэндай. Осуществлена интерпретация способа использования этих ножей, когда в отверстия продевался ремешок, и нож с ремешком закреплялся на пальцах руки, а затем использовался для срезания растений.

В конце своего археологического обзора профессор рассказал об исторических особенностях перехода к земледелию и производству риса на Японском архипелаге.

В завершение своего доклада особое внимание лектор уделил животрепещущей теме, с которой сталкиваются археологи всего мира, а именно правовым нормам, связанным с находками, сделанными при научных раскопках или в процессе строительных работ. В частности, в Японии государство тщательно регулирует проведение раскопок на всей территории и обеспечивает сохранение находок. В качестве примера были приведены конкретные японские законодательные акты, связанные с сохранением культурного наследия.

К теме 6

ЭПОХА ЯЁЙ (БРОНЗОВО-ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)

弥生時代 *яёй дзидай*

(青銅・鉄器時代 *сэйдо: тэkki дзидай*)

3 В. ДО Н.Э. – 3 В. Н.Э.

水稻耕作	<i>суйто: ко:саку</i>	заливное земледелие
銅劍	<i>до:кэн</i>	бронзовый меч

К теме 6

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЯПОНЦЕВ (ДЭНГАКУ)

На протяжении своего многовекового развития традиционная культура, ориентированная на ритуал, на канонические системы, создавала искусство ритуализированного типа (понятие Ю. М. Лотмана). Одним из наиболее ярких его проявлений представляется искусство театра, сформировавшееся в недрах древнего синкретического ритуала и унаследовавшее от него всё многообразие выразительных средств. Само понятие «ритуальный театр» уже давно стало тождественно традиционному театру Востока. Традиционное японское искусство *дэнгаку* синкретично онтологически в силу того, что его источником и формообразующим началом явился синтоистский рисоводческий ритуал. Таким образом, понимание сущности и характера феномена *дэнгаку* невозможно вне контекста рисоводческой обрядности как важнейшего фактора этнического своеобразия японской культуры.

К настоящему моменту в российской науке еще не проводились обобщающие исследования влияния рисоводческого обрядового комплекса синто на становление национальной художественной традиции японцев, в том числе отсутствуют труды, посвященные целостному рассмотрению феномена *дэнгаку*. Ряд работ классиков отечественного японоведения, затрагивающих некоторые аспекты интересующего нас предмета служат опорой для дальнейших изысканий.

Значительно более детальное и разностороннее освещение феномен рисоводческого ритуала получил в работах японских историков и этнографов, таких как Сода Осами, Орикути Синобу, Усио Митио, Утида Рурико, Янагита Кунио, а также многочисленных исследованиях, посвящённых непосредственно *дэнгаку* (Иида Митио, Курахаяси Сёдзи, Ясудзи Хонда и др.).

Японская рисоводческая обрядность — явление весьма сложное, многогранное и всеобъемлющее в силу своей тесной взаимосвязи со многими художественными формами национального искусства и высокой степенью региональной вариативности. Основные элементы рисоводческого ритуала оформились уже в рамках древней земледельческой общины. В его основе лежала троичная структура, в последствие ставшая традиционной для синтоистского ритуала (встреча, или «спуск», божества (*ками*), его почитание и проводы). По форме такие фольклорные обряды представляли собой коллективный труд на поле в музыкально-танцевальном либо чисто музыкальном (как правило, песенном) оформлении, направленный на обращение к божествам плодородия. Ключевым моментом таких действий становится ритуальная имитация посадки риса, либо всего процесса его возделывания.

Уточним, что понятие «рисоводческий ритуал» как таковое не используется в научной литературе, и в каждом конкретном случае учёными используются термины, отражающие суть определённого культурно-исторического этапа в классификации данного явления. В японских исследованиях, насколько нам известно, не фигурируют обобщающие названия явлений рисоводческой обрядности, и, как правило, используются только самоназвания локальных обрядов. Термин *мацури* употребляется носителями традиции достаточно разнородно, и зачастую заменяется словом *синдзи* («церемония»), *сайрэй* («религиозная церемония»), что, на наш взгляд, более адекватно отражает суть современного типа явления. Понятие «рисоводческий ритуал» предлагается нами для обозначения широкого круга феноменов, включающего всё многообразие явлений рисоводческого цикла, начиная от древнейших крестьянских обрядов, заканчивая современными храмовыми церемониями.

Н. И. Конрад употребляет по отношению к рисоводческому ритуалу, бытовавшему в Японии в первой половине XX века и ранее, термин «представление». А. Е. Глушкина использует понятие «обрядово-игровое действие», «земледельческое» либо «магическое представление». Так или иначе, авторитетные отечественные исследователи определяют данное явление как народное театральное искусство, подчёркивая его генетическую связь с профессиональным театром. В действительности, и в наше время многие подобные действия представляют собой не столько сакральное, сколько художественное осмысление сельскохозяйственных обрядов в танцевально-песенной форме (*Дэнгаку-мацури*). Иные по-прежнему сохраняют форму сельскохозяйственных работ, проходящих в поле (в настоящее время чаще всего в храмовом пространстве или вблизи храма) и сопровождаемых ритуальными действиями (*Тауэ-мацури*, *Тауэ-синдзи* и т. п.). По этой причине унифицировать все данные явления в некоем едином понятийном пространстве рисоводческого ритуала не представляется возможным. Отсюда проистекает необходимость рассмотрения названных явлений двояко: с одной стороны, обобщенно, в аспекте единого их истока, а с другой – персонально, в попытке выявления общих и особенных черт каждого из них.

Характерной особенностью японской культуры в аспекте развития театральных форм из ритуала является одновременное сосуществование в её пространстве явлений, возникших в различные исторические периоды. Так, на основе земледельческой обрядности в середине эпохи Хэйан сложилось профессиональное искусство *дэнгаку*, которое впоследствии оказало значительное влияние на формирование театра Но (*ногаку*). При этом, как это свойственно ретардационному типу японской культуры, каждое из возникавших явлений не вытесняло хронологически более раннее. Ибо культура Японии относится к типу не «замещения» а «приращения», демонстрируя «стойкость и долговременность форм при разнообразии новаций и заимствований». В силу этого *дэнгаку* до настоящего времени бытует в некоторых районах Японии наряду с *ногаку*.

Таким образом, рисоводческий ритуал (фольклорный, а затем храмовый), «перетекая» в иные художественные формы либо соприкасаясь с ними, при этом не утратил устойчивости своей структуры, которая сохраняется практически неизменной с древности вплоть до настоящего времени. В то же время в современной культуре наблюдается и обратная тенденция, когда отдельные компоненты традиционных видов искусства, долгое время развивавшихся независимо, сознательно включаются в пространство храмового рисоводческого ритуала как наиболее эффективного механизма сохранения и трансляции культурного наследия японцев. Рассмотрим механизм этих взаимовлияний на примере развития средневековых представлений *дэнгаку*.

Дэнгаку, что дословно переводится как «музыка рисового поля», – разновидность танцевально-драматического искусства, берущего начало от ритуалов, связанных с севом или уборкой урожая (конкретно, от *та-асоби* как ритуала испрашивания хорошего урожая). Существует также версия о заимствованном характере этого явления. Так, А. Е. Глушкина определяет *дэнгаку* в качестве буддистских представлений. Однако, в целом, как показывают японские и российские исследования, развитие *дэнгаку* происходило в рамках синтоистской обрядности. Искусство *дэнгаку*, возникшее в середине эпохи Хэйан, принято рассматривать в качестве предшественника театра Но.

В японской литературе *дэнгаку* фигурирует как традиционное земледельческое представление, включаемое в один ряд с церемониями *о-тауэ* («посадка риса»), *та-асоби* («полевые игры»), *о-тауэ-синдзи* («священнодействие посадки риса») и т.д. Иногда два представления – *о-тауэ* и *дэнгаку* – не разделяют и именуют как праздник *дэнгаку-тауэ-но мацури*. В данном контексте перечисленные явления понимаются скорее как вид искусства, представлявшегося на сцене профессиональными исполнителями, нежели в качестве фольклорных обрядов. В современной практике танцы *дэнгаку* отличаются от *о-тауэ-мацури* и составом инструментов, и манерой исполнения, и потому их можно считать отдельным направлением традиционного фольклорно-обрядового наследия Японии. Однако, на первоначальном этапе разные типы представлений, возможно, отличались довольно незначительно и воспринимались как единое направление.

Наряду с этим, необходимо учитывать имеющую место в японских исследованиях теоретическую неразработанность вопроса, когда употребляется один и тот же термин для обозначения разных составляющих этого синтетического явления. Этот факт также показывает существующую в японской науке проблему терминологической унификации данного материала.

Перечислим основные значения, в которых японские учёные употребляют термин *дэнгаку*:

1. Музыка *дэнгаку*, берущая начало от крестьянских рисоводческих обрядов, действие которых традиционно сопровождалось аккомпанементом традиционных инструментов;

2. Танцы *дэнгаку*, исполняемые профессиональными *дэнгаку-хоси* (*хоси* – монахи);

3. *Фурю-дэнгаку* («изысканное дэнгаку») – представления, которые проводились императором и аристократией, называемые также «танцы *дэнгаку*» (*дэнгаку-одори*).

Рассматривая историю *дэнгаку* как феномена средневекового искусства, отметим, что его расцвет пришёлся на XI-XIV века. Как известно, уже к концу эпохи Хэйан под покровительством храмов были организованы театральные цеха *дза*. Сформировался особый класс исполнителей танцев *дэнгаку*, которых называли *дэнгаку-хоси*. Благодаря мастерству исполнителей, *дэнгаку* было усовершенствовано и приобрело статус самостоятельного искусства. Причину его популярности можно объяснить достижением утончённого исполнения, при сохранявшейся сельской простоте.

Дэнгаку в основном было тесно связано с ритуальной практикой: такие представления как *тюдмонгото* (пьеса у ворот) и *такааси* (пьеса на ходулях) из репертуара *дэнгаку* были ещё более древними, чем сам этот жанр. В первом случае использовался инструмент *биндзасара*, во втором – флейта, малый и большой барабаны. Маски использовались от случая к случаю. Их применение было более ограниченным, чем в *ногаку*. Сцена, как, в будущем, и сцена Но, имела ведущий к ней мостоподобный проход *хасигакари*. Итак, подобная конструкция сцены была унаследована от древних земледельческих представлений.

В японских хрониках и дневниковой литературе существуют многочисленные свидетельства о небывалом пике популярности *дэнгаку* в эпоху Хэйан. Так, известно, что в 1096 году жители Киото, а также император и аристократия страстно увлеклись этим жанром представлений. В записках Оэ Масафуса «Ракуё дэнгакуки» это явление именуется *эйтё-но дай дэнгаку* – по названию периода Эйтё (1096-1097). «Энтайрёку» и дневник Тоин Кинката (1241-1366) содержат сведения о том, что в 1311 году *дэнгаку* наблюдал экс-император, и что в те годы повсеместное повальное увлечение этими представлениями достигло пугающих размеров. Существует описание представления на берегу реки Ромогава, которое наблюдало несколько тысяч зрителей. В связи с этим явлением появилось особое понятие – «болезнь *дэнгаку*» (*дэнгакубё*).

Исходя из описаний подобных действий, мы можем судить о *дэнгаку* как о феномене, выходящем за рамки сугубо театрального искусства. В этом плане данное действие сближается с *мацури*, понимаемом как массовое действие, определяющую роль в котором играет внешняя, «карнавальная» сторона. Об этом говорит не столько количество участников, сколько их поведение во время праздника. Оэ Масафуса указывает на неслыханные с точки зрения того времени нарушения правил и табу: ношение «одежды,

выкрашенной травами», либо простой набедренной повязки и «шляп, какие носят при посадке риса» не только простым народом, но придворными и чиновниками.

Интерес представляет содержание представлений в ходе «полевых игр». В играх принимали участие девушки, которые «сажают рис», и девушки, которые «толкуют рис», то есть *саотомэ*. В. И. Сисаури предполагает, что в подобных действиях так же, как и в рисоводческих обрядах, имела место имитация сельскохозяйственного процесса.

Для музыкального сопровождения «полевых игр» использовались преимущественно фольклорные инструменты: это «барабанчики, подвешенные к поясу», «барабаны-погремушки», «медные тарелки», «трещотки». Помимо танцев и представлений, в ходе праздника осуществлялись всевозможные игры и состязания. При всей пестроте и зрелищности данного действия, можно говорить о первостепенном значении его фольклорно-обрядовой основы.

В связи с многоликостью и разнообразием условий функционирования, в науке не существует общепринятой классификации *дэнгаку*. Это связано, в первую очередь с тем, что этот феномен достаточно сложно обособить от других представлений, имеющих своим истоком древнюю земледельческую обрядность. Так, например, ряд российских японистов (Л. М. Ермакова, А. Р. Садокова) высказывает теорию о первоначальном бытовании *дэнгаку* как разновидности *кагура* – *сато-кагура*. Как отмечает А. Р. Садокова, в *сато-кагура* нередко включались фольклорные образцы, и, чаще всего, календарно-обрядовые песни. Исследователь считает *сато-кагура* трансформацией известных форм представлений на локальной основе. По-видимому, здесь подразумевается локальная вариативность типичной структуры *кагура*. Как предполагает А. Р. Садокова, *сато-кагура* относились к «*дэнгаку* – первоначально крестьянским песням, которые лишь со временем стали частью песенно-танцевального представления».

Говоря о крупных направлениях *дэнгаку* эпохи Хэйан, японские исследователи выделяют такие разновидности как *дэнгаку-одори* (один из вариантов названия – *нати-дэнгаку*), *кёкугэй* (акробатические представления), *сисимай* («львиный танец»). Здесь необходимо также упомянуть тип *ямабуси-дэнгаку*. Исполняемый горными отшельниками (*ямабуси*), этот вид представлений бытовал, главным образом, на северо-востоке Японии. В южных районах страны это направление именовалось *хоин-дэнгаку*. Согласно данной традиции, представление строго регламентировано и включает фиксированное количество танцев.

Из выше изложенного следует вывод об отсутствии чётких критериев для подразделения направлений *дэнгаку*, а также имеющем место в национальной литературе обозначении этим термином явлений, имеющих часто опосредованное отношение к земледельческой обрядности.

Зачастую номера *дэнгаку* выступали не в качестве самостоятельных представлений, а включались в состав иных церемоний как отдельные номера. В качестве примера подобного совмещения приведём описание церемонии *уси-но ситамоти*, которая определяется носителями традиции как

та-асоби и бытует в одном из храмов Футамори (г. Оойгава, преф. Сидзуока) со времён средневековья.

В начале церемонии на сцене появляется человек в маске лешего *тэнгу*. Держа в руках росток «голубого бамбука», он кружится по сцене, исполняя танец под названием «очищение Тэнгу», затем танец с *нагината*, после чего исполняется цикл движений, включающих элементы львиного танца (*сисимай*), имитации рыхления мотыгой, отгона птиц (*ториой*), *тауэ*, танца *саотомэ*, *мико-май* (танец храмовых жриц *мико*). Затем исполнитель демонстрирует «промежуточный» *дэнгаку*, *сару-дэнгаку*, заканчивая представление имитацией покоса.

По мнению Иида Митио, церемония является продуктом взаимодействия двух явлений: *та-асоби* и *дэнгаку*. С нашей точки зрения, в ней условно можно выделить несколько слоёв. Основой церемонии является одна из древнейших форм рисоводческого обряда, демонстрирующего имитацию всего процесса возделывания риса (*та-асоби*), включая самостоятельный обряд отгона птиц *ториой*. В его ткань включены более поздние в стадильном отношении явления: танцы *дэнгаку*, элементы *саругаку* (который, вероятно, в силу сходства манеры исполнения, объединён здесь с танцем *дэнгаку* единым названием), а также «львиный танец» *сисимай* – продукт предположительно китайского происхождения, имеющий широкую сферу функционирования в японском традиционном искусстве.

Данная церемония демонстрирует нередкий для японской культуры случай сочетания нескольких традиций в одной обрядовой форме, что, на наш взгляд, является оптимальным механизмом сохранения традиционного культурного наследия. Привлекает внимание и тот факт, что в описанной церемонии все разновидности танцев исполняет один и тот же танцор, представленный в виде фольклорного персонажа – лешего Тэнгу. В ходе представления он попеременно исполняет роль крестьянина, храмовых жриц, *саотомэ* и даже льва. С одной стороны, это объяснимо характерным для ритуала символизмом, когда действие либо персонаж могут быть заменены их символами. С другой стороны, такой приём видится единственно приемлемым вариантом воспроизведения традиции на уровне провинции, где нет возможности привлечения больших групп профессиональных исполнителей.

В настоящее время *дэнгаку*, исходя из особенностей музыкального оформления, разделяют на два вида – танцевальное *дэнгаку* в сопровождении *биндзасара* и *дэнгаку*, в котором исполнители оркестра *хаяси* используют *сури сасара* («трущея» *сасара*). М. Ю. Дубровская приводит классификацию, в соответствии с которой *дэнгаку*, наряду с *фурю*, *саругаку* и *кагура* входят в *миндзоку гэйно* (искусство народных обычаев) – одну из трех подгрупп комплекса *миндзоку онгаку* (музыка народных обычаев): обобщающего понятия, служащего японским фольклористам для обозначения всей совокупности музыкально-поэтического фольклора Японских островов.

На наш взгляд, *дэнгаку* можно полагать одним из наиболее почвенных и синтетических по своему генезису явлений средневековой, с одной стороны, фольклорно-обрядовой, а с другой – музыкально-театральной культуры Японии. Это представление отличается редким многообразием ситуативных и жанровых условий функционирования, в силу чего столь трудно ранжируется и обособливается от других традиционных действий японцев. В продолжение тезиса о синтетической природе *дэнгаку* укажем, что современное бытование этого явления позволяет сделать выводы об общих чертах с фольклорными рисоводческими обрядами, синтоистской мистерией кагура, и фарса *саругаку*, имевшего претворение в Но.

В целом, феномен *дэнгаку*, с нашей точки зрения, можно определить понятием «устная народная драма», присущим традиционным культурам Востока. К её характерным чертам, сформулированным отечественными театроведами и музыковедами относятся: формирование явления на основе календарно-земледельческих обрядов; ритуальность как неотъемлемая черта традиционного музыкально-сценического искусства, обусловленная многовековым господством культового мировоззрения; каноничность, нормативность искусства; синтетичность особого рода, свойственная традиционному искусству, выросшая из синкретизиса; изустность, как основа передачи звучащего ряда представления; импровизационность; условность; символичность, пронизывающая все уровни сценического искусства; эффектность, красочность действия. Все эти черты в разных соотношениях можно видеть и в современных представлениях *дэнгаку*, сохранивших ярко-самобытный облик в качестве явления национальной традиционной культуры.

Таким образом, рассматривая современную ситуацию бытования *дэнгаку*, мы можем определить его как древнее феноменальное явление национальной культуры, понимаемое в наши дни преимущественно в качестве традиционного вида искусства музыкально-драматического характера, которое, наряду с ритуальной составляющей включает и зрелищную сторону. Заметим, что, как и его древнейший прототип, *дэнгаку* и в представлениях современных японцев имеет своей целью способствование хорошему урожаю и изгнание злых демонов. Понятно, что корень подобного восприятия кроется в глубоко сакральном генезисе этого, как и многих других явлений традиционной культуры японцев, бытующих в современную эпоху.

К теме 7

ЭПОХА КОФУН (КУРГАННЫЙ ПЕРИОД)

III-VII вв. н. э.

古墳時代

墳丘墓

функю:бо сооружения курганного типа

前方後円墳	<i>дзэмпо: ко:эн фун</i>	«квадратно-круглый курган»
竪穴石室	<i>татэана-сэкисицу</i>	каменная камера с вертикальным отверстием
横穴石室	<i>ёкоана-сэкисицу</i>	каменная камера с боковым входом
埴輪	<i>ханива</i>	глиняные скульптуры
勾玉/曲玉	<i>магатама</i>	ритуальные пластины
濱	<i>могари</i>	временное захоронение
濱の宮	<i>могари-но мия</i>	временный погребальный дворец
魏志	<i>вэйчжи</i>	китайская хроника «Вэй-чжи»
倭人	<i>вадзин</i>	люди ва, японцы

ДРЕВНИЕ КУРГАНЫ ЯПОНИИ

Слово «курган» (но не сама реалья!) в значении «могильный холм», реже «крепость» было заимствовано в древнерусский язык из тюркских языков, а затем уже из русского — и в некоторые западноевропейские. Последнее связано, вероятно, с тем, что в XIX в. именно южнорусские курганы получили всемирную известность благодаря эффектным находкам скифского золота. Однако в целом эти сооружения известны в культурах различных народов Евразии, Африки, Америки, начиная с эпохи финального неолита; а связанные с ними обряды возникали независимо, как воплощение сходных представлений.

Семантика курганов носит выраженный амбивалентный характер, как и все представления, связанные со смертью. С одной стороны, усопшего надежно укрывали, запечатывали в земле, придавив могильным холмом; с другой — помогали душе подняться в верхний мир. В этом отношении курганы представлял собой «лестницу в небо» (отсюда, возможно, происходит и ступенчатая форма многих надмогильных сооружений), символизируя идею «мировой горы», которая, в свою очередь, является одним из вариантов более общей мифологемы мирового древа, оси мира (*axis mundi*), соединявшей различные сферы бытия. Такой подход помогает объяснить возведение наиболее крупных насыпей над могилами древних царей. Смерть правителя, который был социальным алломорфом мировой оси, означала крушение космического порядка, а возведение «мировой горы» помогало восстановить утраченную гармонию. Вероятное астрономическое использование курганов подтверждает их связь с космологическими представлениями.

Однако при всей своей универсальности в рамках отдельных регионов распространение курганов может иметь четкие территориально-хронологические рамки и за счет этого выступать в качестве одной из важных культурных характеристик, фиксирующей как внутренние закономерности развития, так и возможные внешние контакты. Так, на

территории Китая курганы спорадически используются еще в бронзовом веке, но широко распространяются как могилы аристократов и, в первую очередь, правителей в эпоху Чжаньго (V–III вв. до н. э.), возможно, под влиянием северных кочевых племен. По мнению Дж. Роусон, создание могил в горе или под горой (естественной или искусственной) связано со сведениями, которые получали жители на северных и западных границах Китая. Подтвердить это предположение столь же сложно, как и опровергнуть; однако оно вполне вписывается в массовую инфильтрацию культурных достижений ранних кочевников в пределы древнекитайских государств в указанный период, откуда они могли транслироваться и дальше на восток, в Корею и Японию.

Именно курганы как способ элитных захоронений стали основой для выделения культуры *кофун* (называемой также в отечественной литературе курганной культурой). Данная археологическая культура (или, скорее, культурная общность) и соответствующий ей исторический период выделен в рамках раннего Средневековья (III–VII вв.) на Японских островах. Ее памятники распространены от севера о. Хонсю (район г. Сэндай) до северо-востока о. Кюсю; главный центр расположен в долине Нара. Их изучение имеет особую актуальность для археологии и ранней истории региона, поскольку именно к этому периоду относится образование первых государственных образований на территории Японии и формирование древнеяпонского этноса. При этом полученные при раскопках материалы указывают на значительную роль в этих важнейших процессах взаимных контактов с материковыми культурами Восточной и Центральной Азии.

Самые первые описания конструкции и состава инвентаря «императорских» курганов содержатся уже в ранней японской летописи «Нихон сёки» (720 г.) Первые официальные раскопки кургана Самурайдзука (в современной префектуре Тотиги, к северу от Токио) провёл в 1692 г. Мито Мицукуни, внук основателя династии Токугава. Научные раскопки начинаются с первых десятилетий XX в. Из более чем 10 тыс. выявленных курганов на основании письменных источников выделяют 188 — как гробницы «императоров» или «императриц» и 522 — как погребения членов их семей. С конца XIX в. на раскопки этих могил наложен мораторий, из которого редко делали исключения по специальному разрешению императорского двора. Так, в 2008 г. проведено обследование кургана Госаси (в префектуре Нара), приписываемого «императрице» Дзингу (традиционные даты 201–269 гг.), и установлена его реальная датировка (около 400 г.).

Культуру *кофун*, как правило, подразделяется на три этапа: 1) ранний, генетически связанный с культурой *яёй* (конец III–IV вв.); 2) средний или развитый (конец IV–V вв.); 3) поздний (VI–VII вв.).

Курганы раннего этапа располагаются на возвышенностях, последующих этапов — на равнине. Возможно, прототипами больших курганов были небольшие могильные холмики, возводившиеся над яёйскими захоронениями в Кадзикарихама и других районах. Однако для окончательного оформления данного способа погребения, скорее всего,

потребовались внешние стимулы. Большинство насыпей культуры *кофун* имеют диаметр около 5 м, но гробницы правителей могут занимать площадь до 486 × 305 кв. м, при сохранившейся высоте 35 м (курган Дайсэньрё, приписываемый «императору» Нинтоку, традиционная дата 313–399 гг.) С начала V в. размеры курганов уменьшаются. Для «больших» курганов («императорских» и элиты) типична конусовидная насыпь с уплощенным трапециевидным выступом (курганы «в форме замочной скважины»), окруженная одним–тремя рвами с водой, иногда дополненных изгородью из камней. На позднем этапе появляются восьмиугольные курганы, а также круглые, на двухступенчатом квадратном каменном основании. На склонах насыпи устанавливались, в зависимости от статуса погребенного, от нескольких штук до нескольких тысяч глиняных погребальных фигур (*ханива*), изображавших людей, животных, строения, различные предметы. Первоначально могильные камеры часто устраивали в насыпи; во второй половине культуры *кофун* их уже возводили на поверхности земли, под насыпью; на позднем этапе появляется коридор, ведущий к камере. Стены камеры и коридора часто оформлялись каменными плитами или скреплённой известью кладкой; иногда поверх наносилась роспись красного цвета с мифологическими и бытовыми сюжетами, выполненными в китайско-корейском стиле. Гроб-колода изготавливался из японского кедра; в поздний период – из камня или керамики. Вокруг гроба мог дополнительно возводиться саркофаг из галечной обкладки или каменных плит, редко – в виде ящика из дерева.

В составе инвентаря, который помещался в гроб и камеру, входили: бронзовые позолоченные короны (корейского производства); бронзовые зеркала (китайские образцы и местные копии); набор железного, редко бронзового оружия (кинжалы, мечи, наконечники стрел, доспехи) и конское снаряжение; браслеты и бусы из жадеита, горного хрусталя, агата и др., подвески-*магатама* «в форме запятой»; орудия труда; керамика типа *суэ*, сделанная на гончарном круге по корейским образцам, высокотемпературного обжига, пепельно-серого цвета, с заглаженной поверхностью или ложнотекстильным декором. Рядом с наиболее богатыми гробницами для инвентаря сооружались иногда и отдельные курганы-кладовые.

С конца VI в. появляются трупосожжения, которые связывают с распространением буддизма. Могилы менее знатных людей (так называемые горизонтальные гробницы) устраивались в насыпи курганов; отдельно располагались «кладбища простолюдинов» (грунтовые могилы с небольшой насыпью и ограниченным набором инвентаря).

Культура *кофун* сложилась на местной основе, при значительном китайском и, особенно, корейском влиянии (в том числе за счет прямых миграций из Кореи). «Милитаризация» погребального инвентаря в конце IV – начале V вв. объясняется участием «континентального всаднического» компонента в формировании культуры и ее аристократической верхушки. Появление железных палашей с кольцевым навершием, пластинчатых

шлемов, седел с высокой лукой, круглых стремян объяснимо влиянием сяньбэйских племен через корейское (когурёское) посредничество. Как свидетельствуют письменные и эпиграфические источники, контакты носили двусторонний характер, что объясняет появление курганов «в форме замочной скважины» в начале VI в. на территории «царства» Кая на юге Корейского полуострова, с которым японские племена поддерживали тесную связь [Иванов, 2005]. Территориальные группы «Больших» курганов принято соотносить с протогосударственными образованиями, о которых сообщают японские и китайские летописи («Кодзики», «Нихон сёки», «Вэй чжи»). На их основе в III–IV вв. формируется государство Ямато, с правителями которого также связывают некоторые из «Больших» курганов культуры *кофун*. Использование курганов для погребения знати продолжалось и в рамках следующего этапа раннего Средневековья (период Асука, 592–710 гг.).

Одним из наиболее интригующих вопросов в изучении культуры *кофун* является происхождение *ханива*. В литературе уже высказывалось интересное предположение о возможной связи *ханива* в виде фигур воинов с терракотовыми солдатами захороненной армии Цинь Шихуанди. Не отрицая такой возможности, мы считаем, что такое воздействие осуществлялось не прямо, а опосредовано, через ханьскую погребальную пластику, что, кстати, лучше коррелирует с датами и охватывает все виды *ханива*, а не только воинов. Привлечение континентальных материалов для интерпретации находок в составе культуры *кофун* широко практиковалось такими выдающимися исследователями, как Хамада Косаку, Умэхара Суэдзи, Эгами Намио и др. Привлечение для сопоставительного анализа новых материалов из раскопок и обследований ханьских императорских мавзолеев и аристократических гробниц в Янлин, Маолин, Лэйтай и т. д. позволит продолжить эту традицию и дополнить, казалось бы, досконально изученный культурный комплекс новыми данными.

К теме 4

Изучение археологии Китая японскими учеными

Изучение китайской древности в Японии имеет многовековую историю, но подлинно научные исследования были начаты в конце XIX в., когда японские ученые вместе с европейскими и американскими коллегами начали изучение Китая при помощи современных научных методов.

Развитию археологических исследований предшествовал период изучения географии и этнографии, длившийся примерно с 1870 по 1900 гг. Так, например, необходимо отметить деятельность Отани Кодзуи, организовавшего три экспедиции в Тянь-Шань с 1902 по 1914 гг. Результатом этих экспедиций стали богатые научные данные по истории, биологии и этнографии региона.

С 1895 г. после японо-китайской войны начинают свою деятельность Тории Рюдзо и Хамада Косаку. Тории Рюдзо (1870–1953) в 1895 г. совершил

поездку в Северо-Восточный Китай, на Ляодунский полуостров, для проведения этнографических исследований, где им были открыты дольмены у г. Симучэн. Позднее Тории Рюдзо еще несколько раз возвращался в Китай в 1906–1908 гг., 1912–1913 гг. и в 1939 г. В это время им была издана монументальная работа «Исследование Южной Маньчжурии». В 1908 г. вблизи поселка Хуншаньхой исследователем был открыт первый памятник неолитической культуры Хуншань. Тории Рюдзо работал на Тайване, сравнивал традиционную культуру Тайваня с культурой народов *мяо* южного Китая. В заслугу Тории Рюдзо в Японии принято ставить использование последних технических достижений в этнографии: широко известен его фотоархив, а также фонографические полевые записи по лингвистике. Исследователь много работал над этнографией каменного века Корейского полуострова, находил археологические и лингвистические доказательства родства корейцев и японцев. Также он работал в Сибири, изучал культуру и внешние связи народов, населявших долину Амура. В позднейшей историографии негативно отмечается роль, сыгранная исследованиями ученого в оправдании японской колониальной политики в Корее и Китае, однако, известно, что сам исследователь не придерживался крайних милитаристских позиций. В целом этнографическое и археологическое наследие Тории Рюдзо чрезвычайно высоко оценивается в Японии и за рубежом.

Хамада Косаку (1881–1938) называют «отцом японской археологии». Он одним из первых начал применять современные принципы работы с источниками, много времени посвятил пропаганде значимости культурного наследия, разрабатывал и продвигал новые методы в археологии. Он вместе с Сиратори Куракити основал т. н. «Киотоскую школу» в японской археологии Китая. В отличие от школы Университета Токио, базировавшейся на традиционном изучении Китая (*кангаку*), в Университете Киото к археологии применялись принципы изучения истории, разработанные европейскими учеными. В 1911 г. Хамада Косаку впервые совершает поездку в Китай для изучения буддийских манускриптов, найденных в Дунхуане. Хамада К. остается в Китае до 1912 г., увлекшись раскопками захоронений эпохи Хань в Муянчэне, около Порт-Артура. Это было первое знакомство японских археологов с ханьскими гробницами, результаты исследований Хамада Косаку стали чрезвычайно популярны в японском научном сообществе, спровоцировав волну интереса к китайской археологии. Исследователь оставил много значимых работ по ранней истории Восточной Азии, особый интерес для него также представляли связи древнейшей японской культуры Дзёмон с материком. Также известны результаты его совместных с Мидзуно Сэйити работ по культуре Хуншань, значительно углубившие достижения Тории Рюдзо.

Мидзуно Сэйити (1905–1971) – археолог, специалист по истории и искусству буддизма. Опубликовал ряд значимых работ по захоронениям эпохи Хань, по пещерным храмам Китая, проводил раскопки во Внутренней Монголии, занимался проблемами бронзовых и нефритовых изделий

периодов Шан-Чжоу. В поздний период деятельности активно занимался археологией Ирана, Пакистана и Афганистана.

С 1906 по 1910 гг. Адати Кироку, учитель математики и физики, уехавший на заработки в Китай, проводит любительские исследования гробниц императоров династий Западная Хань и Тан в окрестностях г. Сиань, изучает городища эпох Хань и Тан в самом городе. Он делает множество фотографий, используя сухие стеклянные пластины – новейшие разработки компании «Кодак», позволявшие делать небывалые для того времени по качеству фотографии. Его фотографиями пользовались как источниками такие крупные исследователи истории Востока, как Кувабара Сицудзо и Наба Тосида. При их содействии в 1933 г. было опубликовано работа Адати К. «Изучение исторических памятников в г. Чанъань». Как отмечает Иидзима Такэцугу, в силу любительского уровня исследователя данное исследование трудно назвать истинно научным, однако как источник, содержащий утерянные на сегодняшний день сведения, оно чрезвычайно ценно. Это сочинение регулярно переиздается в Японии (последнее издание вышло в свет в 2006 г.), несмотря на весьма почтенный возраст фотографий.

С 1910 по 1920 гг. за исключением работ, посвященных пещерным храмам и истории архитектуры, основные археологические раскопки сосредоточились на территории Корейского полуострова. В 1916 г. были начаты раскопки ханьских погребений в китайском наместничестве Лолан (территория современного Пхеньяна). Тории Рюдзо, Хамада Косаку и Умэхара Суэдзи исследовали раковинные кучи Кимхэ, относящиеся к раннему железному веку. Крупный японский археолог Умэхара Суэдзи (1893–1983) исследовал ханьские захоронения в Лояне, рассматривал влияние китайской архитектуры на архитектуру Кореи и Японии, подробно описал и классифицировал бронзовые изделия периода сражающихся царств, лаковые изделия эпохи Хань, изучал историю производства зеркал в Китае (знаменитые зеркала династии Хань и предшествующая традиция). В поздние годы исследовал городище Аньян – столицу Китая династии Шан, посвятил отдельную монографию белой керамике Шан-Инь. Он также считается крупным специалистом по истории Кореи, изучал связи Японии и Кореи в периоды Дзёмон и Яёй, исследовал распространение ритуальных бронзовых колоколов в Восточной Азии.

Харада Ёсито (1885–1974) в 1925 г. начал масштабные раскопки гробниц правителей Лолана (впоследствии результаты этих раскопок изложены исследователем в монографии «Лолан»). Харада Ёсито также является известным специалистом по взаимосвязям культур Восточной Азии. Помимо этого исследователь в своих работах уделял внимание истории Шелкового пути, а также развитию контактов между ханьским Китаем и Парфией. Он весьма известен как исследователь одежды и украшений в Древнем Китае¹. Он интересовался также историей алкогольных напитков в Китае.

¹ Под Древним Китаем японские исследователи в подавляющем большинстве случаев понимают историю Китая до периодов Цинь-Хань включительно.

В июне 1926 г. археологи Токийского императорского университета и Киotosкого императорского университета вместе с Археологическим обществом Пекинского университета основали совместное Общество по изучению археологии Северо-Восточной Азии (*То:хоку ко:когаку кё:кай*). Общество планировало начать совместные раскопки в Аньянском городище, однако эти планы не были осуществлены в связи с осложнившейся внешнеполитической ситуацией. В марте 1927 г. в Японии было основано Археологическое Общество Восточной Азии (*То:а ко:ко гаккай*), основной целью которого являлось изучение археологии материкового Китая. Раскопки, исследования, публикации данного общества поддерживались Отделом культуры Министерства иностранных дел Японии. Первым объектом деятельности общества стали проведенные в 1927 г. раскопки стоянок около г. Бицзюу на западном берегу р. Билюхэ в провинции Люйшунь. Руководителем раскопок был Хамада Косаку, в изысканиях также принимали участие Харада Ёсито, Симада Тадахико и другие японские и китайские археологи. На этих стоянках были обнаружены погребения позднего неолита, где были найдены керамические изделия с полихромной росписью, шлифованные керамические изделия, отшлифованные каменные топоры и каменные ножи. На этой территории были найдены различные археологические памятники, датируемые от эпохи позднего неолита до сражающихся царств. Эти находки вызвали большой интерес в научном сообществе, так как давали возможности для проведения интересных параллелей с югом Корейского полуострова и с Японией.

После этого раскопки Восточноазиатского археологического Общества стали ежегодными. В 1928 г. проводятся раскопки ханьских захоронений в Муянчэне на Ляонинском полуострове. Помимо Хамада Косаку и Харада Ёсито в раскопках активное участие принимал Комаи Кадзутика. Исследователи Иидзима Такэцугу и Онуки Сидзуо указывают на недооцененность роли Комаи К. в выполненных им совместно с Харада Ё. работах. Этот исследователь изучал материальную культуру династии Хань (веера, зеркала, изображения небожителей); занимался историей и археологией государства Бохай, исследовал микролитические культуры Северного Китая, изучал культурные связи народов Восточной Азии, в частности, веревочной керамики культуры Дзёмон в Японии и аналогичной керамики материкового Китая, проблемой происхождения Охотской культуры. Он весьма много работал с музейными коллекциями, составлял описи каталогов предметов, вывозимых из Китая в Японию.

В 1929 г. Общество начинает раскопки в Наньшанли (захоронение эпохи Хань), в 1931 г. были найдены гробница династии Восточная Хань в Инчэнцзы (известна своими настенными изображениями), в 1932–1933 гг. была открыта пятая столица государства Бохай около города Нинъань. Активная деятельность Общества продолжается до 1942 г. (последними были раскопки ханьских захоронений в Ляояне). В связи с развернувшимися военными действиями раскопки были свернуты, однако часть археологов продолжала работу. Вплоть до мая 1944 г. на памятниках царства Лу

работала группа Комаи Кадзутика. Оставшаяся до последнего в Китае на месте военных действий группа Хаяси Токуо и Мидзута Кэйдзо, исследовавшая настенную живопись в гробницах эпохи Хань, закончила свою деятельность трагически.

Необходимо отметить, что, несмотря на высокий уровень проводимых Археологическим Обществом Восточной Азии исследований, в позднейшей историографии, особенно китайской и советской, они часто расцениваются весьма негативно. Проблема заключается в том, что исследования проводились параллельно с японской экспансией в Китай, что, с одной стороны, давало большие возможности для работы японских археологов, а с другой стороны, результаты их работ использовались в политических целях (оправдание захвата Китая «восстановлением исторической справедливости», опирающееся на данные об общности культур восточноазиатского региона).

После поражения Японии во Второй мировой войне и образования Китайской Народной Республики в 1949 г. и до подписания мирного договора между Китаем и Японией в 1972 г. у японских археологов не было возможности работать в поле. В первые послевоенные годы были распущены многие исследовательские организации, занимавшиеся проблемами синологии при поддержке милитаристского режима. Однако, как отмечает Т. В. Виноградова, это скорее пошло на пользу изучению японскими учеными археологии Китая: в условиях, затруднительных для изучения Китая современного, обращение к древности считалось будто бы более мирным и безопасным, а отсутствие мощной идеологической цензуры также сказалось благотворно на собственно научной ценности исследований. До конца 1970-х гг. изучение археологии Китая в Японии проводится по публикациям китайских археологов, по богатейшим музейным коллекциям, полных предметов, вывезенных из Китая во время оккупации, по сопоставительным данным с другими странами. С 1966 г. по 1976 г. в Китае продолжалась т. н. «культурная революция», результатом которой стала остановка деятельности китайских археологов. С 1966 г. по 1971 г. в Японию не поступали китайские публикации по археологии, и в этот период количество японских исследований тоже снизилось. С 1972 г. возобновляется поступление журналов «Каогу», «Каогу сюэбао» и др., со второй половины 70-х гг. начинаются единичные поездки японских ученых в Китай, знакомство их с китайскими музеями, поначалу существенно ограничиваемое. В 1976 г. создается Общество по изучению Юго-Восточной Азии (*То:нан адзиа ко:ко гаккай*), где значительная роль отводится исследованию археологии юга Китая и Тайваня. Общество проводит регулярные собрания, семинары, ежегодно выпускает собственный журнал (один из выпусков был специально посвящен проблемам археологии провинции Юньнань, соотношению в находках элементов культуры *дянь* и ханьской, китайской культуры). В сентябре 1980 г. начались стажировки студентов со специальностью «археология» из Японии в Пекинском университете. Иидзима Такэцугу указывает, что говорить о свободной работе японских археологов в Китае можно примерно с 1984 г.

В 60–70-е гг. начинают активную работу многие выдающиеся современные археологи. Хаяси Минао (1925–2006), профессор Университета Киото, крупнейший специалист по китайской бронзе в Японии, в своих работах заложил основные направления изучения китайской археологии современными японскими учеными. Он является автором многих основополагающих работ в данной области: по оружию в Китае эпох Шан-Чжоу, по ритуальным нефритовым изделиям, по мотивам на бронзовых сосудах, выражающим взгляды древних китайцев на мироустройство, по верованиям Древнего Китая в загробную жизнь, в магию и в демонов, по каменным барельефам династии Хань, по особенностям культуры Лянчжу. В своих многочисленных работах по материальной культуре Китая от начала династии Шан-Инь до конца династии Хань Хаяси Минао делает упор на те структурные элементы культуры, которые потом будут более подробно исследоваться другими учеными. Можно сказать, что он заложил основу выделения объектов дальнейших исследований японских археологов.

Ясуда Ёсинори (Университет Киото) является основателем археологии окружающей среды в Японии. Его исследования посвящены освоению человеком территории Восточной Азии и взаимосвязи между человеческой деятельностью и природной средой (история возникновения земледелия, рыбной ловли, географическая стратификация хозяйственной деятельности). Этот специалист также рассматривает в комплексе всю территорию восточноазиатского региона – Сибирь, Китай, Корею, Японию, изучает родство мифологических традиций региона. Также Ясуда Ёсинори весьма известен в Японии как популяризатор науки: им выпущено большое количество научно-популярных изданий, он является сотрудником Международного центра японской культуры и постоянным консультантом съемочной группы телевизионных документальных фильмов самого популярного в Японии телеканала NHK, принадлежащего общественной Японской вещательной корпорации. При его непосредственном участии и руководстве на экраны регулярно выпускаются фильмы о дописьменной истории Восточной Азии.

Окамура Хидэнори (Университет Киото) – один из самых активных из современных японских археологов. Он изучает археологические данные по истории жилища, градостроения, оружия и военного дела эпохи неолита в Китае. Среди самых известных его работ можно отметить труды, посвященные развитию сельского хозяйства, появлению ритуалов, связанных с жертвоприношениями животных, изучению роли жертвоприношений животных в культурах неолита и трансформация этого ритуала в бронзовом веке. Ученый последовательно изучал археологические данные по культуре династии Ся, древнему искусству периодов Инь-Чжоу и Цинь-Хань; проводил исследования по социальной организации государства Инь, возникновению гадательных традиций; изучал власть и ритуал в Древнем Китае, а также проблемы появления и трансформации буддизма в Китае.

Акияма Синго (ранее Университет Киото, в настоящем директор Института истории Университета Отэмаэ) изучает этническую историю

Северо-Восточной Азии. Область его научных интересов связана с культурой позднего палеолита, с изучением формирования в Китае сельского хозяйства и керамики, развитием керамики в неолите. Часть своих работ он посвятил изучению истории кочевых народов, контактов кочевников с протокитайскими оседлыми культурами, а также анализу особенностей материальной культуры, градостроительства и государственной власти в эпоху правления династии Хань.

В Университете Токио значительную роль в становлении школы археологии Китая сыграл Сэкино Такэси (1915–2003), почетный председатель Археологического Общества Японии. Исследователь занимался изучением появления черной и белой керамики в Китае, в частности, культуры Луншань, истории китайской бронзы, трансформации ее состава, внешнего вида и функциональных особенностей. Часть работ он посвятил изучению начала железного века в Китае, истории использования деревянных изделий, денежного обращения в Китае, изучал проблему поиска династии Ся. Исследователь весьма активно переводил с китайского языка, выпускал обзорные статьи по историографии ряда вопросов в работах китайских археологов, был главным редактором фундаментальной работы «Современной археологии Китая» при переводе ее на японский язык.

Онуки Сидзуо (Университет Токио) комплексно исследует археологию и этническую историю Восточной Азии. Интересы исследователя в основном сосредоточены на микролитических культурах Внутренней Монголии, переходе от палеолита к неолиту на территории Восточной Азии, истории пищевой культуры человека и развития животноводства. Наибольшую известность принесли Онуки Сидзуо работы, посвященные культурным контактам и взаимовлиянию народов восточноазиатского региона. Он посвятил ряд исследований типологии и генеалогии базовых форм керамических изделий Китая, Японии, Кореи и коренных народов Сибири. Онуки С. активно сотрудничает с российскими коллегами, вводит в научный оборот в Японии достижения отечественных исследователей.

Иидзима Такэцугу начинал свою деятельность в Университете Токио, позднее перешел работать в Университет Комадзава (г. Токио), в котором создал собственную археологическую школу. В научной деятельности этого крупного ученого и педагога можно выделить три направления. Во-первых, это историография археологии Китая (он автор большого количества обзорных работ); во-вторых, история керамики в Китае в эпоху неолита (культуры Хэмуду, Яншао, Луншань, Давэнькоу, развитие гончарного дела в периоды Шан-Инь, Чжоу и Цинь); в-третьих, исследователь считается крупным специалистом по истории бронзовых изделий периодов Ся и Шан-Чжоу.

Като Синдзи (Отдел по сохранению культурного наследия Департамента культуры Японии, ранее Университет Цукуба) является бесспорным авторитетом в исследовании эпохи палеолита в Китае. Исследователь известен своими работами, касающимися развития технологии производства каменных орудий труда, особенно географических различий в каменных

орудиях, найденных на территории Китая (автономный южный и северный субстрат), работами, посвященными микролитическим культурам Китая. Ученый изучал археологические данные о методах охоты и ведения военных действий в палеолите.

Сагава Масатоси (Университет Тохоку-Гакуин, г. Сэндай) является достаточно разносторонним специалистом. Наиболее известные его работы посвящены следующим вопросам: миграция человека из Китая в Сибирь в эпоху палеолита, войны в палеолитическом Китае между северными и южными народами, эволюция военного дела в Китае в позднем палеолите, технология производства клинков и лезвий в неолите, войны в Китае до эпохи Шан-Инь, ритуальное значение каменных топоров в культурах неолита и трансформация данного ритуала в бронзовых топорах Ся-Шан.

Крупный центр по изучению китайской археологии складывается в Университете Кюсю. Миямото Кадзуо интересуют такие проблемы, как соотношение культуры кочевых народов и земледельческой традиции в Древнем Китае, ранний этап мифологической традиции в Китае, использование мифов как исторических источников, городища, укрепления и фортификационные сооружения эпохи неолита, ритуал и государственная власть в Древнем Китае, локализация культуры династии Ся, социальная организация государств Чжоу, похоронный обряд Чжоу и Хань, связь японской культуры Дзёмон с материковым Китаем. Миямото Кадзуо известен также своими работами в области изучения китайской бронзы.

Окадзаки Кэй (1923–1990, Университет Кюсю) являлся автором большого количества переводов с китайского языка, обзорных работ по современной китайской археологии. Благодаря деятельности ученого японские археологи весьма оперативно узнавали о достижениях китайских коллег. Занимался изучением оружия в Древнем Китае, исследовал распространение рисосеяния через Шаньдунский полуостров и Корею на север о-ва Кюсю, изучал ханьские зеркала в захоронениях Яёй на о-ве Кюсю, исследовал древнейшие контакты Китая и Японии и проблему локализации государства Яматай. Окадзаки К. являлся руководителем крупнейшего проекта по изучению Шелкового пути, созданного при поддержке национального телеканала NHK.

Комото Масаюки (Университет Кумамото) в 2007 г. вышел на пенсию, прекратил активную научную деятельность. Однако в начале своей деятельности получил известность благодаря работам по похоронному обряду у народов Восточной Азии, по развитию традиции ритуальных глиняных фигурок в захоронениях, по дольменам в Корее и на западе о-ва Кюсю в Японии. Позднее он посвятил значительное количество работ истории сельского хозяйства в Восточной Азии. В частности, исследователь изучал появление и развитие каменных сельскохозяйственных орудий труда, влияние последствий ледникового периода на развитие сельского хозяйства в разных частях региона, сравнивал хозяйство народов, населявших долины рек Хуанхэ и Янцзы в эпоху неолита, анализировал историю земледелия в Корее.

В сентябре 1990 г. было образовано Японское Общество по изучению археологии Китая (*Нихон тю:гоку ко:ко гаккай*). Центральный комитет Общества действует в Университете Кюсю и в Государственном музее префектуры Ямагути Хаги-Урагами. По всей стране действует несколько отделений общества, регулярно организовываются конференции, собрания, семинары. Общество выпускает собственный журнал и регулярно издает сборники статей и монографии своих участников. При этом статьи японских ученых, посвященные проблемам археологии Китая, регулярно появляются в таких научных журналах, как «Вестник археологии» («Ко:когаку дзасси»), «Изучение археологии» («Ко:когаку кэнкю:»), журнале Института истории Университета Киото Восточный вестник («То:хо: гакухо:»).

На современном этапе изучения археологии Китая японскими специалистами можно выделить следующие особенности. Во-первых, это тесное взаимодействие с китайскими исследователями. На регулярную основу положено сотрудничество в проведении раскопок; проводятся стажировки для студентов, специализирующихся на археологии в японских вузах; переводятся работы китайских ученых и выпускаются обзорные работы, указывающие на основные достижения их работы. Отдельные китайские ученые, владеющие японским языком, издают результаты своих исследований на японском языке и приглашаются для работы в японских университетах. Среди них можно упомянуть следующих исследователей: Хуан Сяофэнь (погребальный обряд в Древнем Китае и его изменения в эпоху Хань, изучение каменных барельефов IV–VI вв., древнейшие связи народов Китая, Монголии, Кореи и Японии); Ван Сяоцин (развитие технологий гончарного дела в Китае в эпоху неолита, керамика культуры Яншао, локализация и периодизация культуры Яншао, появление земледелия в Китае) и др.

Во-вторых, значительно увеличилось количество научных центров, занимающихся проблемами археологии Китая. Наряду с признанными лидерами в этом направлении, университетами Токио и Киото, крупные ученые основали собственные археологические школы в других вузах (Университет Комадзава, Университет Отэмаэ, Университет Кюсю и др.). Развивают активную деятельность и сотрудники музеев (Национальный этнографический музей, Музей Сэньоку и многие другие). Заинтересованность в изучении материковой истории проявляют такие учреждения, как Институт сохранения культурного наследия (г. Нара) и Отдел по сохранению и изучению культурного наследия Департамента культуры Японии.

В-третьих, несмотря на то, что практически любой вопрос, касающийся археологии Китая, так или иначе задевался в работах японских ученых, большинство исследований проводится в весьма узком тематическом кругу. Среди основных тем можно назвать изучение связей народов Китая, Монголии, Кореи и Японии в древнейший период, что во многом обусловлено интересом к происхождению собственно японской культуры. Такие специалисты по японской археологии, как Суэнага Масао, Сугоя

Фуминори, Маэдоно Митио в своих работах часто используют данные китайской археологии для сравнения и сопоставления. Внимание японских специалистов также направлено на изучение происхождения и развития земледелия, военного дела, керамики, на изучение древнейших ритуалов и культов, в том числе ритуальных бронзовых сосудов, ритуального бронзового оружия и нефритовых изделий, на исследование верований древних китайцев на основе изучения погребального обряда, обряда жертвоприношения, в более позднее время – изображений на каменных барельефах, на стенах гробниц, на бронзовых изделиях.

Продолжают функционировать крупные школы китайской археологии. В Университете Токио работает Исикава Такэхико. В своих работах он уделял особое внимание погребальному обряду в Китае, исследовал гробницы эпохи сражающихся царств и Хань, региональные особенности гробниц и ритуалов захоронений. Он занимался также исследованием путей проникновения технологии изготовления бронзовых изделий из Китая в Корею. Мацумару Митио – почетный профессор Университета Токио, крупный исследователь археологии и истории эпохи Шан-Инь. В частности, он изучает гадательные кости и происхождение письменности в Китае, иньские бронзовые изделия, их типологию, производство бронзы и его связь с государственной системой Шан, государственное устройство и законодательство Инь, его трансформацию в периоды Чуньцю и сражающихся царств. Исследователь выпустил также ряд весьма ценных работ по реконструкции системы ценностей и мировоззрения древних китайцев. Като работал в Институте археологии Университета Токио, затем в Университете Кокугакуин, изучал микролитические культуры Восточной Азии, рассматривал связи палеолитических культур Японии, Китая, Монголии и Восточной Сибири. На данный момент занимается историей древней и средневековой Монголии, работает в Монгольском государственном институте археологии.

В Университете Киото деятельность Хаяси Минао продолжает Имаи Коки. Он исследует бронзовое оружие эпохи Шан, проводит реконструкцию военных сражений в эпоху Шан, исследует погребальный обряд в эпоху Шан. Асахара Тацуро (Университет Киото) изучал культуру Шан (Эрлиган) и ее влияние на культуру государства Чжоу, исследовал календарь и летоисчисление в Древнем Китае, бронзовые колокола эпохи Чжоу, музыкальную теорию и музыкальные инструменты до эпохи Цинь, систему личных имен китайцев до образования крупных империй (Цинь-Хань). Коминами Итиро (Университет Киото) исследовал происхождение иероглифики и ее трансформацию в эпохи Цинь-Хань, изучал религиозные представления в эпоху Чжоу по бронзовым сосудам, мифологию древних китайцев и происхождение идеи мандата неба, погребальный обряд в эпоху Хань и изображения вознесшихся на небо святых. Матида Акира (Университет Киото, затем – Институт сохранения культурного наследия, г. Нара) много работал над переводами трактатов и исследований китайских ученых по древнейшей истории китайской медицины. Исследователь изучал

контакты государства Шан с северными народами, оружие эпохи Шан-Инь, вооружение в эпоху Цинь по материалам раскопок гробницы Циньшихуанди, погребальный ритуал в неолитических захоронениях, в эпоху Хань. В настоящее время в основном занимается археологией и древней историей Японии.

Хигути Такаясу начинал свою деятельность в Университете Киото, в настоящее время является директором Института археологии Касихара префектуры Нара и директором музея Сэньоку. Такаясу Х. считается крупным историком буддизма, он изучал его проникновение из Индии в Китай, Корею и Японию; много работ ученый посвятил истории и культуре Индии, Ирана и Афганистана; исследовал феномен Шелкового пути; написал опорную для последующих исследователей работу о происхождении японского этноса. Он является автором ряда обзорных работ по изучению археологии Китая китайскими исследователями, сделал описания коллекций многих китайских музеев на японском языке, проанализировал находки гробницы Циньшихуанди. Он исследовал бронзовые изделия Шан и отраженные в них религиозные представления древних китайцев, участвовал в раскопках нефритовых ритуальных предметов в Мавандуе, изучал ханьские зеркала.

В музее Сэньоку в настоящее время работает Хирокава Мамору. Он изучает бронзовые изделия Шан-Чжоу, их классификацию и родственные связи, древнейшие бронзовые зеркала, распространение бронзы Инь-Чжоу на территории Азии, историографию изучения ранней китайской бронзы (его перу принадлежит много обзорных работ).

В целом нужно отметить, что роль музеев как научных центров по изучению китайской археологии сильно возросла в последнее десятилетие. Имамура Ёсико (ранее Университет Кюсю, ученица Миямото Кадзуо, на данный момент – Государственный музей префектуры Ямагути Хаги-Урагами) изучает различные аспекты истории Китая эпохи неолита: структуру неолитического общества по археологическим данным, погребальный обряд, керамику, музыкальные инструменты, пищевую культуру неолита. Отдельного внимания заслуживают работы исследовательницы по антропоморфным и зооморфным изображениям эпохи неолита и по типологии и родственным связям глиняных фигурок в неолитических культурах Восточной Азии. Уэно Ёсифуми (Национальный музей истории и этнографии) занимается изучением изображений в гробницах эпохи Хань, изучением ханьских зеркал – технологической эволюцией их изготовления, а также рассмотрением распространения ханьских зеркал на территории Восточной Азии и исследованием границ культурного влияния Китая в эпоху Хань. Моримото Кадзуо (Государственный музей префектуры Тиба) – археолог-этнограф, занимается проблемами появления сельского хозяйства в Китае (при этом выделяет три региона зарождения земледелия). Он исследует земледелие в Китае во взаимосвязи с природными условиями в эпоху позднего палеолита – раннего неолита. Кадзияма Масару (Музей г. Нагоя) изучал неолитические

захоронения в южном Китае, сельское хозяйство в Китае в эпоху неолита, исследовал типы полей. В рамках сравнительных исследований по культурной антропологии он проводил сравнение пищевой культуры разных стран, в том числе, Китая и Японии. Изучал раковинные кучи, найденные в Юньнани. Также много внимания уделял изучению археологии Японии, особенно периоду Яёй.

Все больше университетов занимаются подготовкой специалистов в области китайской археологии и исследованиями в этой сфере. Кикавада Осаму (Университет Кокугакуин) сконцентрировал свои усилия на археологии Шаньдунского полуострова. Исследователь изучал культуру *юэши* на полуострове и сопоставлял ее с культурой *луншань*, исследовал изменения на территории Шаньдуна в эпоху Ся и Шан (Эрлитоу-Эрлиган), рассматривал становление царств Ци и Лу на данной территории, занимался проблемой локализации царства Лу в эпоху Чжоу, опираясь на археологические данные (бронзовые изделия, глазурованная керамика). Намба Дзюнько (Университет Тэнри, Нара) изучает бронзовые изделия эпохи Шан, на их основе исследовательница дает собственную периодизацию эпохи и выдвигает предположения о возможности поиска еще двух столиц эпохи Шан, основанных императорами Хэ Танцзя и Цзу И на севере пров. Хэнань и юге Хэбэй соответственно. Накамура Синъити (Университет Канадзава) исследует нефритовые изделия как сакральный символ власти в Древнем Китае, занимается изучением структуры государственной власти в Китае, исследованием истории рисосеяния, строительства и появления городов, а также реконструкцией общественной системы неолитических культур на основе археологических данных. Сугимото Кэнзи (Университет Буккё) занимается изучением использования дерева в Китае с неолитических культур до эпохи Хань, изучением появления городов в Китае, внешних контактов династии Хань, в том числе, связей между Китаем и Японией, поисками истоков традиции строительства гробниц правителей, пищевой культурой династии Хань. Кимура Хидэаки (Университет Саппоро) сосредоточил свои интересы на изучении происхождения монголоидной расы, ее разделения и расселения на территории Азии, исследовал влияние последствий ледникового периода на палеолитические культуры Восточной Азии, связи культур Восточной Сибири, Сахалина, японского архипелага, Китая и Монголии. Томия Итару (Университет Нагоя) изучал историю живописи в Древнем Китае, завоевания Циньшихуанди и преобразования империи Цинь, эпиграфические источники эпохи Хань (бамбуковые и деревянные дощечки), государственную систему хранения зерна в эпоху Хань. Особой известностью пользуется работа исследователя о способах смертной казни в Восточной Азии.

При анализе историографии того или иного вопроса в отечественной, китайской и западной традиции не следует забывать о мощной японской археологической школе, научные результаты и достижения которой имеют очень важное значение.

Дисциплинарный модуль 3.

К теме 8

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ
ЭПИГРАФИКА

鉄剣 *ТЭККЭН* ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕЧ

(埼玉稻荷山古墳 *САКИТАМА-ИНАРИЯМА КОФУН*)

木簡 *МОККАН* ДЕРЕВЯННЫЕ ТАБЛИЧКИ

漆紙文書 *УРУСИГАМИ БУНСЁ* ТЕКСТЫ НА ЛАКИРОВАННОЙ
БУМАГЕ

МИФОЛОГО-ЛЕТОПИСНЫЕ СВОДЫ

«КОДЗИКИ», или «ЗАПИСКИ О ДЕЯНИЯХ ДРЕВНОСТИ»

古事記 (712 г.) – 3 свитка

*Чиновник Ооно Ясумаро составил текст со слов Хиэда-но Арэ, принадлежавшего «цеху» сказителей *катарибэ* 語り部

* Повествование обрывается правлением императрицы Суйко в 628 г.

«НИХОН СЁКИ», или «АННАЛЫ ЯПОНИИ»

日本書紀 (720 г.) – 30 свитков

*Повествование доводится до 697 г., когда государыня Дзито: отрекается от престола

К теме 9

Шесть национальных хроник 六国史 *Риккокуси*

1. «НИХОН СЁКИ», или «АННАЛЫ ЯПОНИИ»

(сокр. 日本紀 «НИХОНГИ»)

日本書紀 (720 г.) – 30 свитков

*Повествование доводится до 697 г., когда государыня Дзито: отрекается от престола

2. «СЁКУ НИХОНГИ», или «ПРОДОЛЖЕНИЕ АННАЛОВ ЯПОНИИ»

続日本紀 (797 г.) – 40 свитков

* Повествование охватывает период 697-791 гг. и заканчивается на середине правления Камму

3. «НИХОН КО:КИ», или «ПОЗДНИЕ АННАЛЫ ЯПОНИИ»

(сокр. 後紀 «КО:КИ»)

日本後紀 (840 г.) – 40 свитков

Сохранились частично только 10 свитков

*Повествование охватывает период 792-833 гг.

4. «СЁКУ НИХОН КО:КИ», или «ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЗДНИХ АННАЛОВ ЯПОНИИ» (сокр. 続後紀 «СЁКУ КО:КИ»)

続日本後紀 (869 г.) – 20 свитков

* Повествование охватывает период 833-850 гг., 18 лет правления императора Ниммё: 仁明

5. «НИХОН МОНТОКУ ТЭННО: ДЗИЦУРОКУ», или «ИСТИННЫЕ ЗАПИСИ ОБ ИМПЕРАТОРЕ МОНТОКУ»

日本文徳天皇実録 (871-879 гг.) – 10 свитков

* Повествование охватывает период 850-858 гг.

6. «НИХОН САНДАЙ ДЗИЦУРОКУ», или «ИСТИННЫЕ ЗАПИСИ О ТРЕХ ИМПЕРАТОРАХ ЯПОНИИ»

日本三代実録 (901 г.) – 50 свитков

* Повествование охватывает период 858-887 гг.

Император Сэйва 清和

Император Ё:дзэй 陽成

Император Ко:ко: 光孝

К теме 10

ЭПОХА НАРА 奈良時代 (710–794)

律令国家 РИЦУРЁ: КОККА (ГОСУДАРСТВО ЗАКОНОВ)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ СВОДЫ

大宝律令 ТАЙХО: РИЦУРЁ: (701-702 гг.)

養老律令 Ё:РО: РИЦУРЁ (составлен в 718 г., введен в действие в 757 г.)

律 *Рицу* (кит. *люй*) – уголовный кодекс

令 *рё:* (кит. *лин*) – гражданский кодекс

僧尼令 *Со:нирё:* «Законы о монахах и монахинях»

КОММЕНТАРИИ К ЗАКОНАМ

令の義解 *Рё:-но гигэ* (833 г.) «Толкование законов *рё:*»

Первоначально 10 свитков из 30 разделов

Сохранилось 28 разделов и фрагменты свитков 22 и 24

Составлен комиссией под руководством правого министра

令の集解 *Рё:-но сю:гэ* (877-886 гг. или 920 г.) «Собрание комментариев к законам *рё:*»

Первоначально 50 свитков из 30 разделов
Сохранилось 35 свитков (23 раздела)
Сборник составлен по частной инициативе

ДОПОЛНЕНИЯ К ЗАКОНАМ

格 *Кяку* Нормативные акты
式 *Сики* Служебные инструкции

類從三代格 *Руйдзю: сандай кяку* «Классифицированный сборник нормативных установлений трех периодов»

Составлен в начале X в. на базе трех ранних сборников *кяку*:

弘仁格«Ко:нинкяку» (820 г.),

貞觀格«Дзё:ганкяку» (869 г.) и

延喜格«Энгикяку» (907 г.)

Первоначально состоял из 30 свитков. Сохранилось 15 свитков

Кроме актов и указов содержит документы, касающиеся синто и буддизма, а также распоряжения о назначении и снятии чиновников, о взимании податей и пр.

延喜式 *Энгисики* «Внутриведомственные инструкции периода *энги*»

Составлен в 905-927 гг., введен в действие в 967 г.

Состоит из 50 свитков и содержит 3300 статей; текст сохранился полностью

К теме 11

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПЕРИОДА НАРА

戸籍 *КОСЭКИ* 計帳 *КЭЙТЁ:* АКТОВЫЙ МАТЕРИАЛ

正倉院文書目録 *СЁ:СО:ИН БУНСЁ МОКУРОКУ*

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ХРАНИЛИЩА СЁ:СО:ИН

(В ХРАМЕ 東大寺 ТО:ДАЙДЗИ В НАРА)

聖武天皇 СЁ:МУ ТЭННО: (ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ 724-749; ГОДЫ ЖИЗНИ 701-756)

光明皇后 КО:МЁ: КО:ГО: (701-760)

写経所 *СЯКЁ:ДЗЁ* УПРАВЛЕНИЕ ПО ПЕРЕПИСКЕ СУТР

風土記 ФУДОКИ «ОПИСАНИЯ ЗЕМЕЛЬ И ОБЫЧАЕВ» по указу 713 г.
Сохранилось 5 фудоки

Только одно полностью – описание пров. Идзумо (юго-запад побережья Хонсю – восточная часть преф. Симанэ)

С лакунами – описание пров. Хитати (сев.-вост. побережье Хонсю – сев.-вост. преф. Ибараги) и Харима (центр Хонсю – юго-запад преф. Хёго)

С большими утратами – описания провинций севера Кюсю:

Бунго (современная преф. Оита) и Хидзэн (преф. Сага, Нагасаки)

新選姓氏録 *СИНСЭН СЁ:ДЗИРОКУ* 815 г. 31 СВИТОК
«ВНОВЬ СОСТАВЛЕННЫЕ СПИСКИ РОДОВ» Включают

сведения о происхождении 1182 родов

皇別 *КО:БЭЦУ* (335) ПОТОМКИ ИМПЕРАТОРОВ

神別 *СИНБЭЦУ* (404) ПОТОМКИ НЕБЕСНЫХ И ЗЕМНЫХ БОЖЕСТВ

諸蕃 *СЁБАН* (326) ПОТОМКИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ КИТАЯ И КОРЕИ

Для 117 родов тип родства не установлен

日本靈異記 *НИХОН РЁ:ИКИ*

(日本国現報善惡靈異記 *НИХОНКОКУ ГЭМПО: ДЗЭНЪАКУ РЁ:ИКИ*)
«ЗАПИСИ О ЧУДЕСАХ ДИВНЫХ ВОЗДАЯНИЯ ПРИЖИЗНЕННОГО ЗА
ДОБРЫЕ И ЗЛЫЕ ДЕЛА, СЛУЧИВШИЕСЯ В СТРАНЕ ЯПОНИИ»

ЖАНР – 仏教説話文学 *БУККЁ: СЭЦУВА БУНГАКУ*

«БУДДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА УСТНЫХ РАССКАЗОВ»

万葉集 *МАНЪЁ:СЮ:* ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ VIII В.

万葉仮名 *МАНЪЁ:ГАНА* ЗНАКИ «МАНЪЁ:СЮ:»

СПОСОБ ПИСЬМА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КИТАЙСКИХ
ИЕРОГЛИФОВ В КАЧЕСТВЕ ФОНЕТИКОВ

Входит 4516 сочинений, созданных с нач. в. VII по сер. VIII в.

短歌 *Танка* «короткие песни» 5 строф=31 слог: 5-7-5-7-7

旋頭歌 *Сэдо:ка* «песня с повтор. началом» 6 строф=38 слогов: 5-7-7-5-7-

7

長歌 *Нагаута* «длинные песни» длина песни не ограничена: 5-7

懷風藻 *КАЙФУ:СО:* «Милые ветры поэзии», 751 г. Первая яп. антология
стихов на китайском языке

漢詩 *Канси* «китайские стихи»

Актовый материал *косэки* и *кэйтё*

Актовый материал – термин многозначный.

- 1) Документы, предоставляющие какие-либо права и служащие доказательством наличия таких прав;
- 2) Деловые и служебные записи, несущие информацию о каком-либо событии, процессе, положении дел, состоянии имущества и пр. Это в широком смысле все тексты, выполняющие функции документов; комплекс разнородных документов. В узком смысле это документы, устанавливающие правоотношения между контрагентами сделки, между автором и адресатом.

Что касается актовых материалов как исторического источника и методов его изучения, то в основе анализа лежат историко-юридические, историко-географические, историко-политические, историко-экономические методы. Характеристика акта основывается на его происхождении. Следует установить, создан ли данный акт в канцелярии (какой?), каким способом удостоверен текст, какие причины привели к появлению изучаемого акта. Поэтому проблемы происхождения весьма сложны и не всегда могут быть решены.

Историко-юридический анализ заключается в сравнении акта с законодательными источниками своего времени, чтобы выяснить, какие нормы и как отразились в изучаемом документе.

Историко-географический анализ: идентифицируются топонимы, упомянутые в акте, сопоставляются с географическими реалиями (этот анализ может дать важную информацию для историко-географических реконструкций – например, уточняет представления о владениях того или иного рода/лица).

Историко-политический анализ: сопоставление сведений из акта со сведениями из других источников (летописей, хроник); воссоздание обстоятельств политической борьбы; конкретизация состава участников происходящих событий.

Историко-экономический анализ: часть реконструкции экономической истории района, где был создан изучаемый акт. В основе – сопоставление норм, отразившихся в документе, с информацией других источников, освещающих экономическую историю данной территории.

Проблема состоит в том, чтобы определить степень достоверности информации, почерпнутой из того или иного акта. До сих пор методика выяснения соответствия реальным событиям, разработана слабо. Верное понимание исторической информации, заключенной в акте, невозможно без ее культурологического истолкования и сопоставления с реалиями.

Обобщение всей полученной информации об условиях появления акта, его содержании и социальных функциях позволяет воссоздать историю актов как сложного исторического явления. История актов как договорных документов – часть истории развития договорных отношений в обществе. Акты отражают становление и эволюцию прав различных социальных групп, их

отношения между собой, между обществом и государством, властными структурами.

1. Публично-правовые акты (договоры, грамоты, указы, списки, справки, паспорта, акты церковных властей, акты на землю, докладные, закладные, доверенности, контракты, договоры, льготные, инструкции по управлению хозяйством);
2. Публично-частные акты (поручительства, акты на землю, денежные акты);
3. Делопроизводственные документы (инструкции, циркуляры, доклады, донесения, протоколы, записки, отчеты, прошения, жалобы, заявления, предложения, мнения, благодарности);
4. Частные письма.

Эта классификация дает наглядное представление о развитии комплекса актовых источников во времени. По мере развития государственного аппарата и усложнения делопроизводственной практики количество выделяемых групп возрастает, акты становятся более разнообразными. Их дифференциация позволяет качественно анализировать происхождение и эволюцию данного вида исторических источников как части исторического процесса в связи с выяснением их социальных функций.

В расширительном понимании актовых источников сюда можно присоединить делопроизводственные, частно-публичные документы и частную переписку.

Подворная перепись каждого дома и семьи: определение степени родства, рода, фамилии, возраста, пола. В Японии велась по примеру Китая с 6 века дворцовой канцелярией. Сразу после реформ Тайка стали проводиться каждые 6 лет по всей стране. В X в. сошли на нет, но после реформы Мэйдзи возобновились.

Из энциклопедии «Британика»

Косэки

Это общие списки, в которые вносилась информация о кровных и некровных родственниках и брачных отношениях каждого гражданина, для того чтобы прояснить степень родства, что было важно с точки зрения закона о наследовании и родственниках.

(1) Составление *косэки*

Что касается принципов составления *косэки*, 6-я статья закона о *косэки* гласит, что за основу составления берется пара супругов, определяющих место приписки, и их дети с той же фамилией. При этом, когда заново составляли *косэки* в отношении людей, не имевших супругов, за основу брали этого человека и детей, носивших с ним одну фамилию. Если человек был одинок и не мог быть приписан в *косэки* отца или матери, вписывали только его. Порядок занесения в *косэки* (14-я статья, 1-й параграф): а) если у

супругов фамилия мужа – вносился муж, если фамилия жены – вносилась жена; б) супруг; в) дети. Если детей несколько – вносить в порядке рождения (2-й параграф). Люди, у которых появились причины быть занесенным в *косэки* после составления списка, вносились в конец *косэки* (та же статья, 3-й параграф).

(2) Заявление *косэки*

Согласно правилам, занесение в *косэки* осуществлялось посредством заявлений (15-й закон о *косэки*). В эти заявления входят «учредительные» заявления, которые отражали действие закона в отношении присвоения общественного положения или его перемены (например, брак, договорное расторжение брака, признание ребенка), а также «отчетные» заявления, в которых сообщалось об определенных обстоятельствах или свершенных юридических действиях (рождение, смерть, судебный развод). Как правило, в *косэки* указывалось место регистрации заявителя, или его местонахождение, и от этого зависело, будет ли заявление подано в письменной форме или устной. Кроме этого, в законе о *косэки* установлены правила подачи заявлений. Дела, связанные с *косэки*, изначально являются привилегией государственной администрации, однако заведуют ими главы городов, селений и деревень (1-й закон о *косэки*).

Из энциклопедии «Mypedia»

Косэки

По этим понималась система, которая заверяла социальный статус каждого представителя населения с точки зрения закона о родственных связях. Установлен законом о *косэки* (1947 г.). Он хранился в населенных пунктах по прописке, составлялся из информации о супругах и их незамужних детях с той же фамилией. Туда вносились такие относящиеся к закону факты, как место прописки, фамилия, дата рождения, родственные связи. *Косэки* являлось лишь общей переписью, и не было задачи в соответствии с различиями в *косэки* изменить действие законов о родственных связях и наследования, но часто возникновение, лишение или перемена социального статуса осуществлялась посредством заявлений *косэки*. Делами по *косэки* заведовал глава населенного пункта, а контроль осуществлял начальник юридического управления или провинциального юридического управления (списки *косэки*). Если посмотреть на историю развития законодательства, в Китае их начали составлять с эпохи Цинь–Хань. В эпоху Суй и Тан они переиздавались каждые три года с добавлением информации об объеме полей и местонахождении, и использовались для счетных книг системы равнополя. В Японии их стали вести в непосредственных владениях императорского двора до реформ Тайка, после реформ *косэки* берет курс на расширение по всей стране. Был завершен список 670 года Металлической Лошади, и после списка 690 года Металлического Тигра *косэки* составлялись каждые 6 лет. В IX в. регулярное составление *косэки* стало проблематичным, и в XI в/ они полностью исчезли, разделив участь системы *рицурё*. Они возродились на основе системы

военного феодального владения в качестве переработанных монастырских книг по переписи населения. В 1872 г. после реставрации Мэйдзи было составлено *косэки* года Водяной Обезьяны, а позже был создан закон о *косэки* (1898 г.), наряду с постановлениями о правах народа признавал степень родства, основанием для которой являлась семья. После этого несколько раз он был пересмотрен, и в связи с ревизией послевоенного гражданского права был утвержден ныне действующий закон о *косэки*, и моногамная семья с парой супругов во главе стала семейным стандартом.

Кэйтё:

Из энциклопедии «Британика»

(1) Налоговые реестры Китая эпохи Суй и Тан. Берут начало в государстве Северных династий Западной Вэй. Это важные счетные книги, ставшие основой управления народом посредством системы равнополя и повинностей за аренду. Существовало предписание, что каждой весной сельские староста – представители ста дворов, заставляли глав подведомственных им домов предоставлять письменные сведения о земле и участке, на базе каждой области и провинций высчитывали налоги, которые должны собрать в следующем году, и отсылали их столичному главе финансового государственного учреждения. Среди документов уезда Дуньхуан были найдены сохранившиеся части текста, предположительно относящиеся к Западной Вэй к 13-му г. Датун (547) и напоминающие *кэйтё*:

(2) Японские реестры налоговой повинности, установленной системой *рицурё*. Также называются *дакэйтё*: и *дайкэй*. Вместе с *косэки* являются основными списками системы *рицурё*. Каждый год до 30 июня наместники провинций заставляли глав всех домов предоставить письменные документы с пометками о фамилии, возрасте, внешности жителей дома, несут они повинности или нет, объединяли данные воедино и подсчитывали количество населения внутри страны, число налогоплательщиков, и общее количество налогов. Эти документы назывались *кэйтё*:. С них делали одну копию, один экземпляр оставляли в провинции, а другой передавали в общий свод реестров, и до 30 июля отправляли их в Дайдзёкан (Высший Государственный Совет), где их проверяли. Они хранились в качестве реестров о налоговых сборах в течение 6 лет. Среди документов сокровищницы *Сё:со:ин* имеются отрывки *кейтё*: из *Укё*: (район Киото), провинций *О:ми* и *Ямасиро*. По мере того, как политика *рицурё* стала ослабевать, *кэйтё*: также перестали издавать добросовестно, и с середины X в. их стали изготавливать посредством *косэки* (книг посемейной записи).

Кэйтё:

Из энциклопедии «Mypedia»

Древние реестры подушного налога. По сути, были счетными книгами, в которых суммировались налоги. В Китае их производство было налажено в системе регистрационных книг (*косэки*) Южных и Северных Династий. В эпоху Суй и Тан *кэйтё*: составлялись каждый год на основе письменных

сведений со всех дворов и были документом регистрационных книг (*косэки*), выходявших каждые три года. В Корее и Японии также последовали этому примеру, и в Японии их создание устанавливалось Тайхорицу, но примерно до X в. они велись с перерывами. Уже в императорском указе времен реформ Тайка можно обнаружить *кэйтё*: , однако доподлинно неизвестно, составляли ли их до законов Тайхо:.

Дисциплинарный модуль 4.

К теме 12

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭПОХИ 平安 ХЭЙАН (794-1185 гг.)

歴史物語 *РЭКИСИ МОНОГАТАРИ*
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ

藤原道長 ФУДЗИВАРА МИТИНАГА (966-1027 гг.)

栄華物語 *ЭЙГА МОНОГАТАРИ* «ПОВЕСТЬ О ПРОЦВЕТАНИИ»
世継物語 *ЁЦУГИ МОНОГАТАРИ*
«ПОВЕСТЬ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ»
40 свитков 1028 г. (?)

大鏡 *ОО КАГАМИ* «ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО» кон. XI в. – нач. XII в.
Сохранились 3-й, 6-й, 8-й свитки.

今鏡 *ИМА КАГАМИ* «НЫНЕШНЕЕ ЗЕРЦАЛО» =
小鏡 *КО КАГАМИ* «МАЛОЕ ЗЕРЦАЛО» =
続世継 *СЁКУ ЁЦУГИ* «ПРОДОЛЖЕНИЕ “ЁЦУГИ”»
Создано в конце эпохи Хэйан; описываются события 1025-1170 гг.
10 свитков, 3 раздела

水鏡 *МИДЗУ КАГАМИ* «ВОДНОЕ ЗЕРЦАЛО»
Создано в конце эпохи Хэйан; описываются события за 1510 лет,
от 660 г. до н.э.- 850 г. н.э. 3 свитка, 3 раздела
Автор – Накаяма (Фудзивара) Тадатика (?)

増鏡 *МАСУ КАГАМИ* «ЯСНОЕ ЗЕРЦАЛО»/ «ОБШИРНОЕ ЗЕРЦАЛО»
Написано между 1368-1376 гг. известным поэтом Нидзё Ёсимото
17 или 19 свитков «двух линий»
События 1180-1333 гг.

К теме 13

Исторические источники эпохи Камакура		
蝦夷	<i>ЭМИСИ=ЭДЗО</i>	ВОЕННЫЕ РОДЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ О-ВА ХОНСЮ (VIII-IX ВВ.)
平氏	<i>ХЭЙСИ</i>	РОД ТАЙРА
源氏	<i>ГЭНДЗИ</i>	РОД МИНАМОТО
源平合戦	<i>ГЭМПЭЙ ГАССЭН</i>	МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА ТАЙРА И МИНАМОТО (XI-XII ВВ.)
武士	<i>БУСИ</i>	СОСЛОВИЕ ВОИНОВ
壇ノ浦		
鎌倉幕府	<i>КАМАКУРА БАКУФУ</i>	КАМАКУРСКИЙ СЁГУНАТ (1185-1333)
鎌倉時代	<i>КАМАКУРА ДЗИДАЙ</i>	ПЕРИОД КАМАКУРА
琵琶法師	<i>БИВА ХО:СИ</i>	СКАЗИТЕЛИ-МОНАХИ С ЛЮТНЕЙ

К теме 14

САМУРАЙСКИЙ ЭПОС

軍記物語 *ГУНКИ МОНОГАТАРИ*

保元物語 *ХО:ГЭН МОНОГАТАРИ* «СКАЗАНИЕ О ГОДАХ ХО:ГЭН»
 О МЯТЕЖЕ 1156 г. 3 СВИТКА
 СОЗДАНО НА РУБЕЖЕ XII-XIII ВВ.

平治物語 *ХЭЙДЗИ МОНОГАТАРИ* «СКАЗАНИЕ О ГОДАХ ХЭЙДЗИ»
 О МЯТЕЖЕ 1159-1160 гг. 3 СВИТКА
 СОЗДАНО В НАЧАЛЕ XIII В.

平家物語 *ХЭЙКЭ МОНОГАТАРИ* «СКАЗАНИЕ О ДОМЕ ТАЙРА»
 СОЗДАНО В ПРОМЕЖУТКЕ МЕЖДУ 1219-1243 гг.
 12 СВИТКОВ:

- 1) 1-5 СВИТКИ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ – ТАЙРА-НО КИЁМОРИ
- 2) 6-8 СВИТКИ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ – МИНАМОТО-НО ЁСИНАКА
- 3) 9-12 СВИТКИ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ – МИНАМОТО-НО ЁСИЦУНЭ

ОГРОМНОЕ ЧИСЛО СПИСКОВ:

САМЫЙ РАННИЙ – НАЧ. XII В. – НАПИСАН В СТИЛЕ 漢文 *КАМБУН*

СПИСОК 1242-1300 гг. НАПИСАН В СТИЛЕ 漢文仮名混じり文

КАМБУН КАНА МАДЗИРИ БУН

(СОЧЕТАНИЕ КАТАКАНЫ И ИЕРОГЛИФОВ)

源平盛衰記 *ГЭМПЭЙ ДЗЁ:СУЙКИ* «ЗАПИСИ О РАСЦВЕТЕ И УПАДКЕ МИНАМОТО И ТАЙРА»
 ОТДЕЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ (?)
 48 СВИТКОВ

南北朝時代 *НАМБОКУТЁ: ДЗИДАЙ* «ПЕРИОД ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ ДВОРОВ» (1336-1392 гг.)

官方 *МИЯГАТА* «ПАРТИЯ ПРИНЦЕВ» (ЮЖНЫЙ ДВОР) 吉野
 ЁСИНО

武家方 *БУКЭГАТА* «ПАРТИЯ ВОИНОВ» (СЕВЕРНЫЙ ДВОР) 京都 КИОТО

室町時代 *МУРОМАТИ ДЗИДАЙ* ПЕРИОД МУРОМАТИ (1392-1568 гг.)

太平記 ТАЙХЭЙКИ «ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ МИРЕ»

О СОБЫТИЯХ 1318-1367 гг.

СОЗДАНО В КОНЦЕ XIV В.

40 СВИТКОВ:

1) 1-12 СВИТКИ: ГОДАЙГО – РЕСТАВРАЦИЯ КЭММУ

2) 13-21 СВИТКИ: ВОССТАНИЕ АСИКАГА ТАКАУДЗИ, РАЗДЕЛЕНИЕ ДВОРА И СМЕРТЬ ГОДАЙГО

3) 22-40 СВИТКИ: СЕВЕРНЫЙ ДВОР, СТАНОВЛЕНИЕ СЁГУНАТА АСИКАГА

太平記抜書き ТАЙХЭЙКИ НУКИГАКИ «ВЫБОРКИ ИЗ ПОВЕСТИ О ВЕЛИКОМ МИРЕ»

СОЗДАНО В КОНЦЕ ПЕРИОДА МУРОМАТИ

40 СВИТКОВ

Материалы к «Тайхэйки» («Повесть Великом мире», XIV в.)

Из энциклопедии «Британика»

«Тайхэйки» – военная повесть эпохи Северных и Южных династий. Автор не установлен, однако наиболее важными считаются списки монаха Кодзима (умер в 1374) и Гэньэ (1269-1350). Текст был дополнен с 22 свитков до сорока, и был закончен во второй год Кэнтоку и в четвертый год О:ан (1371 год). Произведение описывает конфликт Северных и Южных династий, воинов и аристократии, протяженностью более чем в 50 лет, и сюжетно подразделяется на три части. Первая часть (1–11 свитки) начинается эпохой Камакура, плохим правлением Ходзё: Такатоки, мятежом императора Годайго против сёгуната, и доходит до гибели рода Ходзё: и Возрождения Кэмму. Вторая часть (12–21 свитки) описывает неудачу Возрождения Кэмму, мятеж Асикага Такаудзи, смерть в бою Кусуноки Масасигэ и Нитты Ёсисада и доходит до кончины императора. Третья часть (23–40 свитки), повествует о противостоянии Северных и Южных династий, неординарных решениях командиров и заканчивается вступлением в должность управителя Хосокавы Ёриюки, помогающего Есимицу. Тайхэйки рассказывалось монахами и преподносилось как «Тайхэйкиёми», и стало родоначальником жанра *ко:дан*. Также оказало большое влияние на литературу последующих периодов.

«Тайхэйки» – памятник жанра *гунки-моногатари*, написанный вероятнее всего в 70-е гг. XIV в. Специфика этого жанра по существу заключались в составе произведений и в той роли, которую они изначально играли для общества. «Тайхэйки» ведет свое повествование от восшествия на престол императора Годайго в последние годы эпохи Камакура, подробно рассказывает о падении Камакурского сёгуната, реставрации Кэмму, установлении сёгуната Муромати, и доходит в повествовании до начального периода правления третьего сёгуна Асикага Ёсимицу. В целом описание охватывает события примерно сорока лет – от 1318 до 1360 года.

Автором «Повести» считается монах Кодзима, о чем есть сведения в дневнике Левого министра при дворе Северной династии (То:ин Кинсада). Несмотря на его указание как на индивидуального автора, неоспоримым

будет считать, что в создании полного текста принимало участие много людей.

Тематика особенна в том смысле, что описывается уже не сражение двух величественных кланов, а борьбу императорского рода с военным правительством. Однако автор не становится исходя из принципов на чью-либо сторону, как мы увидим далее.

Название повести на русский язык переводится как «Повесть о Великом мире». Однако сразу же можно заметить несоответствие между содержанием и заглавием книги, повествующей о периоде междоусобиц и войн. На историю происхождения названия существует несколько точек зрения.

Во-первых, Элен Маккалоу считает, что название произошло от термина «пацификация», или «умиротворение», не раз употребленного в повести в отношении желания императора усмирить сёгунат.

В. Н. Горегляд предполагает, что это может быть связано с табуированием слова «война». Но тогда неясно, почему это слово было множество раз употреблено в самом произведении.

Третье мнение, которое тоже несколько раз высказывалось исследователями, можно свести к тому, что само название здесь символизирует главное желание народа в описываемую эпоху.

Стоит сказать, что «Тайхэйки», как и любое другое произведение жанра *гунки*, изначально было устным сочинением, что предопределило ряд его особенностей. Прежде всего, стоит отметить, что при переходе в письменную форму добавлялись конфуцианские и буддийские вставки преимущественно дидактического характера, произведение приобретало разрозненный, не цельный вид. Именно поэтому, что *гунки* был и устным жанром, в Японии произведения этого жанра не имеют единой установленной редакции. В устах каждого автора повести звучали по-новому, и при переходе в письменный текст сохранилось как раз множество вариантов.

Помимо книжных дидактических вставок важно учесть, что авторы акцентировали внимание на различных вещах, составляли свое мнение и приводили описания, и это также закреплялось в письменных вариантах.

Таким образом, жанр военных повестей является живым, гибким и непрерывно изменяющимся, так как в некоторых случаях отдельные куски можно было изъять или же наоборот добавить, как в письменном, так и в устном варианте.

Что касается особенностей этого источника, можно привести несколько примеров, отражающих многосоставность текста. За главный элемент текста, отражающий конфуцианскую идеологию, без сомнения, можно принять вступление. Здесь представлена китайская концепция Небесного мандата, гласящая, что недобродетельный правитель теряет власть, которая далее переходит к правителю добродетельному. Здесь говорится о том, что следование императором «Небесным Законам» (а вассалами «Земного Пути») – ключ к спокойствию в государстве. Более того, здесь выражен

исторический закон, о том, что император, лишившийся добродетели, и вассалы, сошедшие с пути, приводят государство к гибели.

Эта концепция была характерна для Китая, но не для Японии, где нить императорской династии никогда не прерывалась. Благоприятную обстановку для ее внедрения создало образование военного правительства.

Однако в самом произведении нельзя точно выделить позицию автора по отношению к власти сёгуна. Здесь он неизменно следует вышеупомянутой концепции Мандата Неба, и поэтому в произведении нельзя встретить безосновательные порицания сёгуна и хвалы императору, если там же не сказано об их злодеяниях или же добродетелях.

Вообще характерной особенностью «Повести о Великом мире», что указывает на развитие жанра военной повести, является базирование её на ряде классических китайских произведений и трактатов. Среди китайских классических произведений в качестве основы «Тайхэйки» выступают «Исторические записки» Сыма Цяня.

Существует также и буддийские книжные вставки, на которые, однако уже не делается такого упора, как в более ранних произведениях. В тексте, например, можно встретить упоминание Чистой земли, или рая будды Амитабхи.

«Если мы когда-то возвратимся в мир людей, то снова продолжим наш уговор стать супругами; если же родимся в Чистой земле, то непременно станем ждать того, чтобы поделить пополам место на чашечке одного лотоса...». Так пытался утешать свою жену Токи Ёрикадзу (чиновник Распорядительного ведомства), состоящий в сговоре на стороне императора и напуганный тем, что заговор могут раскрыть.

Многогранность содержания «Повести о великом мире» получает различные оценки. Элен Маккаллоу, исследовательница памятника на Западе, говорит о низкой литературной значимости произведения, так как 2/3 его состоит из описания битв, почти не связанных друг с другом. При этом здесь она упоминает, что произведение пользовалось огромной популярностью у населения и до сих пор высоко ценится литераторами.

Причина в различии мнений как раз состоит в особенности развития жанра *гунки*. Для людей, которые были современниками возникновения «Повести о Велико мире», повесть была действительно захватывающей, так как главной тенденцией в развитии жанра было пробуждение интереса общества. Сказители добавляли и убирали элементы текста, с целью привлечь население, и весь жанр менялся согласно этой тенденции. Сейчас, когда развитие жанра остановлено, и текст меняется в рамках отдельных изданий, стремления к привлечению внимания уже нет. Именно поэтому содержание могло измениться так, что большую часть повести стали составлять описания битв. Таким образом, любое произведение жанра *гунки* нужно изучать с учетом истории формирования текста памятника, и его движения по мере возникновения новых редакций. *Гунки-моногатари* укреплялись в литературе со временем, и характерным является то, что сегодняшний образ начал формироваться спустя несколько столетий после

создания. Изначально внимание слушателей привлекали истории, где описывалось, как мимолетны были взлеты и падения отдельных лиц. Только со временем *гунки-моногатари* стали восприниматься как описание примерного поведения воина. Важным также является оценка произведения с точки зрения адекватного отражения исторической действительности. Существуют различные точки зрения относительно исторической ценности памятника, однако уже сейчас достоверно известно, что факты, связанные, например, с численностью отрядов, преувеличивались. Историческая ценность является действительно достаточно серьезной проблемой, что можно заметить не только на примере «Тайхэйки». В редакциях многих *гунки-моногатари* могут не совпадать и трактовки исторических фактов и даты.

История изучения «Повести о Великом мире» в отечественном востоковедении совсем небольшая. И как важный показатель степени изученности памятника отсутствует его полный перевод. Первые 12 свитков были переведены В. Н. Гореглядом, однако полный перевод был безвозвратно утрачен. Стоит очень важная задача – ввести памятник в научный оборот, расширить область дальнейшего изучения жанра *гунки-моногатари*.

Историко-литературное наследие, сумевшее отразить эпоху «Тайхэйки» – величественное военное повествование *гунки*, описывающее историю (события) примерно сорока лет периода междоусобиц в эпоху Намбокутё. Оно ведет свое повествование от восшествия на престол императора Годайго в последние годы эпохи Камакура, подробно рассказывает о падении Камакурского сёгуната, реставрации Кэмму, установлении сёгуната Муромати, и доходит в повествовании до начального периода правления третьего сёгуна Асикага Ёсимицу. Существует также мнение, что «Тайхэйки», где описана эпоха длительных междоусобиц, представляет собой «наиболее великое литературное наследие эпох Намбокутё и Муромати». Вероятно, с такой оценкой следует согласиться.

Как одну из основных причин, почему «Тайхэйки» оценивают с точки зрения литературы, можно назвать тот факт, что в нём был обрисован портрет нового героя – Кусуноки Масасигэ. Известна история о том, как Масасигэ, который участвовал в плане императора Годайго по свержению правительства *бакуфу*, был окружен Акасака Тияха из страны Кавати (восточная часть префектуры Осака) и, проявив незаурядную сообразительность, заставил страдать армию сёгуната. Далее история развивалась так, как Масасигэ это предсказывал, и это значит, что здесь он сыграл свою роль в пророчестве будущего.

Что касается статуса Масасигэ, выдвигается мнение, что в последние годы он был гокэнином Камакурского сёгуната, однако в общем стоит расценивать его как воина из могущественного клана, который копил мощь, имея опыт в торговой и финансовой сферах, сделав центром своих интересов страну Кавати. В конце периода Камакура этот общественный класс быстро развивался, и у них неоднократно возникали трения с издавна управляющей

элитой – сёгунатом и «храмовой аристократией», за что их часто называли «злодеями». Однако они объединили силы, и император Годайго, умело использовав это могущество, осуществил свержение сёгуна. Можно сказать, что в описании Масасинэ в «Тайхэйки», отображен усовершенствованный образ этих «злодеев». Если поразмыслить о том, что в написанных в то же время «Дзинно: Сё:то:ки» и «Масукагами» образ Масасигэ не был так идеализирован, то можно сказать, что действительность, какой ее видел автор «Тайхэйки», была более достоверной.

С другой стороны, на различные противоречивые факторы относительно «Тайхэйки» указывают слабо понятная логика составления, непоследовательные мысли, избыточные выражения, чрезмерная зависимость от китайских классических произведений и «Хэйкэ-монологари и др. Несмотря на это считается, что «Тайхэйки» все же «наиболее великое литературное наследие эпох Намбокутё и Муромати».

Несомненно, причина этого кроется в том, что «Тайхэйки» сумело описать историю междоусобиц, продолжавшихся примерно сорок лет. По всей видимости, «Тайхэйки» писалось с последних лет периода О:ан (1368–1375) до начальных лет периода Эйва (1375–1379), однако допускают, что до формирования последнего варианта было проведено несколько корректировок. Другими словами, это значит, что «Тайхэйки» писалось в стараниях охватить взглядом современную историю. Авторы серьезно изучали информацию, связанную с развитием истории, но по всей видимости у них не было достаточной свободы для того чтобы полноценно формировать какие-либо концепции.

Однако считается, что причина, по которой автор не потеряв интерес продолжал писать произведение – его дух, полный критичности и сомнений. В содержании, основываясь на традиционной китайской литературе, автор воспекает идеальный образ императора и подчиненных. Такая политическая оценка дается множество раз, но минуя половину произведения, немного меняется в своем качестве и выступает уже в риторической форме. В произведении была выстроена последовательно критика, несмотря на то, что способы ее проявления каждый по-своему отличались. Духовная сила и мотивы автора, полностью соответствующие эпохе, простирающиеся на все 40 разделов, довели великое произведение до конца. Вероятно, можно расценивать такую духовную силу как великое культурное наследие.

Подобно тому, как это обстоит во многих классических произведениях, о времени написания и авторе «Тайхэйки» известно мало. Тем не менее источники, из которых можно почерпнуть информацию об обстоятельствах написания, в незначительном количестве, но существуют, и даже среди них такие произведения, как записи из «Дневника То:ин Кинсада» 7-го года периода О:ан (1374) от 3 мая, и «Нантайхэйки» Имагавари Ёюсюна. В-первых, в «Дневнике То:ин Кинсада» описывается смерть такой фигуры, как «монах Кодзима», который в обществе расценивается как автор «Тайхэйки». Так как биография Монаха Кодзима не исследована, при этом нельзя считать,

что он был автором всего «Тайхэйки». Причиной этому является также то, что обстоятельства создания «Тайхэйки» весьма сложные.

Согласно «Нантайхэйки», сперва более 30 глав «Повести о Великом мире» были преподнесены Асикага Тадаёси монахом Этина из храма Хоссё. Тадаёси заставил это прочесть, но из-за того что там было множество ошибок, распорядился о переиздании. При этом редактирование было остановлено, и переписывание текста было совершено только к Новому времени.

Теория о трех формирующих частях

«Повесть о Великом мире» – внушительное произведение, простирающееся на 40 частей (свитков). Вследствие этого само произведение читают, разделив его на три части в соответствии с развитием сюжета. Это называют «Теорией о трех формирующих частях «Повести о Великом мире». Сначала – первая часть – с первого по одиннадцатый свиток, она описывает события с восшествия на престол императора Годайго до гибели Камакурского сегуната. Вторая часть – с двенадцатого свитка – описывает развитие конфликта между императором Годайго и Асикага Такасудзи с начала реставрации Кэмму. По поводу окончания есть различные мнения – выдвигаются мнения, что эта часть продолжается до 20 свитка, где упоминается смерть Нитты Ёситады в бою, до 21 свитка и рассказа о кончине императора Годайго. На следующую далее третью часть выпадает прерывистое описание борьбы за могущество внутри клана Асикага.

Согласно упомянутому ранее «Нантайхэйки», само «Тайхэйки» родилось по поручению Асикага Тадаёси в лучшие дни его правления. Считается возможным, что рассказ о раздоре Тадаёси и Моронао и потери должности Тадаёси, который в современном «Тайхэйки» начинается с 25 свитка, в начальном варианте описывался до 24. В 24 свитке внесен рассказ, как для того, чтобы молиться об упокоении души императора Годайго, был создан храм Тэнрюдзи. Так не содержится ли здесь истины, обобщающей всю историю войн до этого. Если так считать, то становится легко понять очертания начального «Тайхэйки».

Отражение конфуцианских идей

Вступление «Тайхэйки» важно с точки зрения изучения идей автора. Здесь говорится о том, что следование императором «Небесным Законам» а вассалами «Земного Пути» – ключ к спокойствию в государстве. Более того, здесь выражен исторический закон, о том, что император, лишившийся добродетели, и вассалы, сошедшие с пути, приводят государство к гибели.

Если мы обратим внимание на циклическую смену правителей, то не окажется ли упоминание о гибели потерявшего добродетели правителя главной идейной особенностью введения? Это так называемая «Идея

переворота» в конфуцианской идеологии. С древности в Китае повторялась смена династий, и новая династия, считая, что воля неба сама перешла к ним от прошлой династии, пропагандировали собственную легитимность. Это само по себе было противоестественно для Японии, где линия наследования императорами не прерывалась. Однако из-за смуты годов Дзё:кю: Камакурский сегунат сослал императора Готоба на острова Оки, и после императора Госага императорская династия раскололась на ветви Дайкакудзи и Дзимё:ин, обе ветви боролись на престол, и также существовала концепция о поисках поддержки среди придворных аристократов и воинского сословия.

Под правителем, утеревшим добродетели, так четко и не указанные во введении, несомненно, подразумевается Годайго. Во вступлении к первому свитку правление Годайго восхваляют, однако в конечном итоге Годайго, который желал свергнуть сегунат и старался управлять страной силой оружия, не расценивается как император, который придерживается Небесных Добродетелей. Гибель Годайго predetermined уже во вступлении.

Кстати говоря, можно считать, что автор старался скрыть эту «Идею революции» во введении. (Можно обратить внимание на скрупулёзность автора, который скрыл во введении «идею переворота»). Нет сомнений, что для клана Асикага, прогнавшего Годайго в Ёсино и учредившего свою политическую власть, это была подходящая теория с точки зрения узаконивания собственной власти. В момент, который также стоит принять здесь во внимание, это эпизод, где Такаудзи машет Годайго знаменем восставших, сказано, что Такаудзи был обманут фальшивым императорским указом и поднял войско. Можно сказать, что осуществились худшие опасения Такаудзи, сдерживающие измену до последнего.

Цитаты из древности

При описании запутанной истории эпохи Намбокутё: в «Тайхэйки» используются различные способы повествования. Прежде всего за основу брались китайские предания и японские повествования *моногатари*, и посредством цитат передавались события, происходящие на глазах. Считают, что в особенности в эту эпоху использование цитат из китайской литературы было способом повествования, имевшим наибольшую силу убеждения. В случае с «Тайхэйки» такими цитатами являлись многочисленные вставки из «Ши цзин», и даже если бы «Ши цзин» не было в качестве авторитетного источника, в «Тайхэйки» содержится также много китайских легенд в японском изложении, происходящих от «Ши цзин». Например, в 4 свитке Кодзима Таканори складывает такой стих об иве на месте ссылки Годайго в Оки: «Небеса, не делайте напрасными старания Ко:сэна», и клянется освободить его, но это эпизод, в котором проглядывается история, о том, как вассал Фань Ли разгромил царство У, и развеял обиду правителя Юэ Ко:сэна, который проиграл в борьбе с У и был схвачен. В «Ши цзин» этот эпизод на этом кончился, но в 4-м свитке «Тайхэйки» для того чтобы развить мысль о деяниях прошлого, далее делают подробным рассказ о войне царств У и Юэ.

В качестве японских преданий выступают вставки из «Хэйхэ-моногатари». Эпизод во втором свитке, описывающий путь Хи-но-Тосимото, сопровождаемого в Камакуру, основан на рассказе о путешествии Тайра-но-Сигэхара в десятом свитке «Хэйкэ-моногатари». Описание в 12-м свитке битвы Ооватари для четкого разъяснения в тексте основано на 4-м рассказе о битве Хаси из четвертого свитка Хэйкэ-моногатари. Подобно тому, как существовала традиция заимствований из стихов-оригиналов в поэзии *вака*, в *моногатари* также существовали приемы, основанные на известных сценах из предшествующих преданий.

Лешии *тэнгу* и мстительные духи

В качестве особо проявляющегося литературного замысла в «Тайхэйки», можно привести связь сюжетов о леших и мстительных духах с развитием истории в целом. В 5-м свитке описано, как в банкетном зале Такатоки Хо:дзи появляется леший, и этот эпизод знаменует собой неприятные происшествия в государстве, идущие от харма Тэннодзи. С этим связано событие 6-го свитка, где Кусуноки Масасигэ зачитывает «Записки о будущем Сётоку Тайси» из храма Тэннодзи. В 25-м свитке говорится о том, что люди южных царств под предводительством принца Мориёси обратились в леших и организовали сговор по уничтожению сегуната. *Тэнгу* уцепились за влиятельных людей в сегунате, и стараясь настроить их против друг друга и устранить, разработали хитрый план по захвату власти. Через некоторое время противоречия между Асикага Тадаёси и Ко:-но Морнонао обострились, и началась смута годов Канно:.

Тэнгу – характерные для Японии представители демонологического мира, считалось, что они передвигаются на людях, полных «самодовольства», о котором говорит буддизм, и более того, заставляют метаться души этих людей. В «Хэйкэ-моногатари» также есть части, где действия людей, совершенные из-за корыстолюбия, называли «деяниями злого духа», однако в «Тайхэйки» на основе этих мотивов уже делали заключения, и рассказы о *тэнгу* выстраивали в повествования.

В 26-м свитке монах-отшельник Ункэй слушает предсказания будущего от *тэнгу* с горы Атаго. *Тэнгу*, дойдя в своих рассказах до эпохи Камакура, разъясняют причины растстройства политики и намекают на возможность беспорядков в будущем.

Именно *тэнгу* отчетливо видели прошлое и будущее, и указали на то, что основа беспорядков в мире – в высокомерии и корыстолюбии. В 33-м свитке Нитта Ёсиоки, убитый руками Хатаямы До:сэй, после этого становится мстительным духом и навлекает проклятье на До:сэя. В 34-м свитке читавший ночью молитвы в усыпальнице Годайго в Ёсино Сё:хокумэн видит сон, как Годайго, Хино Сукэтомо становятся мстительными духами и обсуждают план обращения мира в смуту. Следующие повести разворачивались по примерно такому же плану, и властные даймё: один за другим теряли свои должности. Такой стиль развертывания повествования,

когда осью становятся *тэнгу* и мстительные духи, в «Тайхэйки» заметно проявляется в третьей части. Можно с уверенностью сказать, что это одна из манер рассказа, которым располагает автор, чтобы с силой убеждения рассказывать о течении смутной истории.

<p>ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭПОХИ 平安 ХЭЙАН (794-1185 гг.)</p> <p>Основные характеристики эпохи Господство аристократической культуры; создание национальной письменности; полит. могущество Фудзивара; формирование военного сословия (蝦夷 <i>эмиси</i>, кланы Тайра и Минамото); возвышение дома Тайра</p>	<p>ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭПОХИ 鎌倉 КАМАКУРА (1185-1333)</p> <p>Основные характеристики эпохи Упадок государственной власти; установление господства воинов-самураев; военная ставка <i>бакуфу</i> Минамото-но Ёритомо; войны между Тайра и Минамото 源平合戦 <i>ГЭМПЭЙ ГАССЭН</i>; попытки монгольского вторжения</p>
<p>Ведущий ист. жанр 歴史物語 <i>РЭКИСИ МОНОГАТАРИ</i></p>	<p>Ведущий ист. жанр 軍記物語 <i>ГУНКИ МОНОГАТАРИ</i></p>
<p>Основные произведения, время создания</p> <p>榮華物語 <i>ЭЙГА МОНОГАТАРИ</i> «ПОВЕСТЬ О ПРОЦВЕТАНИИ» 世継物語 <i>ЁЦУГИ МОНОГАТАРИ</i> «ПОВЕСТЬ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ» 40 свитков 1028 г. (?)</p> <p>大鏡 <i>ОО КАГАМИ</i> «ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО» кон. XI в. – нач. XII в. Сохранились 3-й, 6-й, 8-й свитки.</p> <p>今鏡 <i>ИМА КАГАМИ</i> «НЫНЕШНЕЕ ЗЕРЦАЛО» = 小鏡 <i>КО КАГАМИ</i> «МАЛОЕ ЗЕРЦАЛО» = 続世継 <i>СЁКУ ЁЦУГИ</i> «ПРОДОЛЖЕНИЕ “ЁЦУГИ”» Создано в конце эпохи Хэйан; описываются события 1025-1170 гг. 10 свитков, 3 раздела</p> <p>水鏡 <i>МИДЗУ КАГАМИ</i> «ВОДНОЕ ЗЕРЦАЛО» Создано в конце эпохи Хэйан; описываются события за 1510 лет, от 660 г. до н.э. - 850 г. н.э. 3 свитка, 3 раздела Автор – Накаяма (Фудзивара) Тадатика (?)</p>	<p>Основные произведения, время создания</p> <p>保元物語 <i>ХО:ГЭН МОНОГАТАРИ</i> «СКАЗАНИЕ О ГОДАХ ХО:ГЭН» О МЯТЕЖЕ 1156 г. 3 СВИТКА СОЗДАНО НА РУБЕЖЕ XII-XIII ВВ.</p> <p>平治物語 <i>ХЭЙДЗИ МОНОГАТАРИ</i> «СКАЗАНИЕ О ГОДАХ ХЭЙДЗИ» О МЯТЕЖЕ 1159-1160 гг. 3 СВИТКА СОЗДАНО В НАЧАЛЕ XIII В.</p> <p>平家物語 <i>ХЭЙКЭ МОНОГАТАРИ</i> «СКАЗАНИЕ О ДОМЕ ТАЙРА» СОЗДАНО В ПРОМЕЖУТКЕ МЕЖДУ 1219-1243 гг. 12 СВИТКОВ: 1) 1-5 СВИТКИ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ – ТАЙРА-НО КИЁМОРИ 2) 6-8 СВИТКИ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ – МИНАМОТО-НО ЁСИНАКА 3) 9-12 СВИТКИ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ – МИНАМОТО-НО ЁСИЦУНЭ</p> <p>ОГРОМНОЕ ЧИСЛО СПИСКОВ: САМЫЙ РАННИЙ – НАЧ. XII В. – НАПИСАН В СТИЛЕ 漢文 <i>КАМБУН</i> СПИСОК 1242-1300 гг. НАПИСАН В СТИЛЕ 漢文仮名混じり文 <i>КАМБУН КАНА МАДЗИРИ БУН</i> (СОЧЕТАНИЕ КАТАКАНЫ И</p>

<p>増鏡 <i>МАСУ КАГАМИ</i> «ЯСНОЕ ЗЕРЦАЛО»/ «ОБШИРНОЕ ЗЕРЦАЛО» Написано между 1368-1376 гг. известным поэтом Нидзё Ёсимото 17 или 19 свитков «двух линий» События 1180-1333 гг.</p>	<p>ИЕРОГЛИФОВ) 源平盛衰記 <i>ГЭМПЭЙ ДЗЁ:СУЙКИ</i> «ЗАПИСИ О РАСЦВЕТЕ И УПАДКЕ МИНАМОТО И ТАЙРА» ОТДЕЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ (?)48 СВИТКОВ</p>
<p>Основные особенности и идеи повествования</p> <ul style="list-style-type: none"> • 藤原道長 ФУДЗИВАРА МИТИНАГА (966-1027 гг.) - герой первых трех • Использование хираганы в отличие от РИККОКУСИ • Соединение принципов офиц. историй на камбуне и лит. традиции моногатари (хроник и дневниково-мемуарной литературы) • Влияние кит. историограф. традиции • Изображение частной жизни ист. личностей, а не хронология событий 	<p>Основные особенности и идеи повествования</p> <ul style="list-style-type: none"> • ТАЙРА КИЁМОРИ - герой Хэйдзи- и Хэйкэ моногатари • Два источника происхождения жанра (народ. рассказчики <i>катарибэ</i> и традиция буддийских проповедей) • Столкновение долга и чувства (гражданской смуты) • Единство героических и дидактических аспектов • Влияние кит. историограф. традиции (ссылки на прецедент кит. истории) • Сочетание сухого хроник. и нравоучительного буддийского повествования • Идея кармы, греховности выступления против монаршей власти, мотив перехода фортуны от Тайра к Минамото
<p>Характеристика повествования как исторического источника</p> <ul style="list-style-type: none"> • Отсутствие авторской концепции истории (разномасштабные факты, нарушение хронологии, отсутствие логической связи) • Фактические ошибки • Обильное цитирование ранних источников • Эмоциональность высказываний 	<p>Характеристика повествования как исторического источника</p> <ul style="list-style-type: none"> • В основе – реальный ист. факт • Ярко выраженная авторская позиция • Эмоциональная интерпретация рассказчиков • Фактические ошибки (формульная техника уст. повествования) • Обильное цитирование ранних источников

Дисциплинарный модуль 5.

К теме 15

ФИЛОСОФСКИЕ И ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ПЕРИОДОВ КАМАКУРА И МУРОМАТИ

愚管抄 *ГУКАНСЁ:* «МОИ ЛИЧНЫЕ ВЫБОРКИ»/ «ЗАМЕТКИ ГЛУПЦА»
(ОКОЛО 1220 г.)

АВТОР – 慈円 ДЗИЭН (1155-1225 гг.)

7 СВИТКОВ

百王 *БАЙ ВАН/ХЯКУО:* КОНЦЕПЦИЯ «СТА МОНАРХОВ»

道理 *ДО:РИ* ПРИНЦИП-ПРИЧИННОСТЬ-ЗАКОН

正法 *СЁ:БО:* «СОВЕРШЕННЫЙ ЗАКОН»

像法 *ДЗО:БО:* « ПОДОБИЕ ЗАКОНУ»

末法 *МАППО:* «КОНЕЦ ЗАКОНА»

漢字混じり片仮名書き *КАНДЗИ МАДЗИРИ КАТАКАНА ГАКИ*
ГЕТЕРОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО, ГДЕ *КАТАКАНА* ЧЕРЕДУЕТСЯ С
ИЕРОГЛИФАМИ

神皇正統記 *ДЗИННО: СЁ:ТО:КИ* «ИСТОРИЯ ПРАВИЛЬНОЙ
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ БОЖЕСТВЕННЫХ МОНАРХОВ» (1339; 1343)
北畠親房 *КИТАБАТАКЭ ТИКАФУСА* (1293-1354 гг.)
正理 (кит. *чжэн ли*; яп. *сэйри*) идея «истинного принципа»

К теме «становление российской японистики», начало XX в.

ПЕТРОГРАД В ЖИЗНИ ЯПОНИСТА СЕРГЕЯ ЕЛИСЕЕВА

Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975) принадлежит к замечательной плеяде молодых российских японистов, которые пришли работать на факультет восточных языков Санкт-Петербургского Императорского университета в середине 1910-х гг. Среди них были такие имена как М. Н. Рамминг, Е. Д. Поливанов, Н. А. Невский, Н. И. Конрад, Ор. В. Плетнер, О. О. Розенберг. Все они, безусловно, были очень талантливы, все хотели работать на благо России, но жизни всех этих людей были сломаны трагическими событиями в стране.

Сергей Елисеев происходил из уважаемой не только в Санкт-Петербурге, но и во всей России семьи успешных предпринимателей Елисеевых, известных благотворителей и владельцев знаменитых «елисеевских» магазинов в обеих столицах. Торговый дом «Братья Елисеевы» за долголетнюю полезную деятельность был награжден Государственным гербом. Отец Сергея, купец 1-й гильдии Григорий Григорьевич Елисеев за заслуги перед Отечеством был возведен в дворянское достоинство вместе со всем нисходящим потомством. Русский дворянин Сергей Григорьевич Елисеев волею судеб стал основоположником дальневосточных исследований в США, широко известным в Европе (прежде всего, во Франции) и мире японоведом.

Родной город не занял в жизни Сергея Григорьевича Елисеева значительного места. За свою долгую 86-летнюю жизнь Сергей Григорьевич

прожил в Петербурге (Петрограде) 24 года – 18 до отъезда на учебу в Японию (перед этим год в Берлине) и 6 лет по возвращении. Здесь он всерьез увлекся Японией, изучение которой определило весь его жизненный путь. В Петербурге он встретил свою единственную спутницу, разделившую с ним все тяготы и счастье его жизни. В Петрограде он потерял мать, не вынесшую позора одиночества при живом муже, и, наконец, здесь родились оба его сына.

Летом 1914 г. Сергей Елисеев – первый в мире европеец, получивший высшее специальное (филологическое) образование в университете Токио, возвратился на родину. Успешно выдержав магистерские испытания, он получил место приват-доцента на факультете восточных языков Императорского Петроградского университета. С 9 декабря 1915 г. на кафедре японской словесности он начал преподавание по программе, состоящей из двух предметов – разговорный язык (грамматика и тексты) и литература периода Хэйан (794–1185). Затем он объявлял все новые и новые курсы: «Введение в изучение японской литературы», «Чтение современных литературных текстов (романы Нацумэ Сосэки «Врата» и «Сансиро»)», «Грамматика письменного японского языка», а также семинарские занятия по истории японской литературы и по произведению «Макура-но сёси» [Бабинцев, 1968. С. 134]. В 1919 г. он читал спецкурс: «История японской эстетики» [Архив ИИМК. Ф.2. Оп. 3. Ед. хр. 203. Дело С.Г. Елисеева. Л. 2]. Научные интересы Елисеева лежали, прежде всего, в области японской литературы и искусства. Однако его полностью подготовленная диссертационная работа о поэте Басё, чье творчество он изучал со студенческой скамьи, была навсегда утрачена летом 1917 г. в революционной российской сумятице. Раздел «Японская литература» в сборнике «Литература Востока» (1920) –единственный опубликованный на родине (но уже после его отъезда) научный труд С. Г. Елисеева

Не только прекрасное владение японским языком, но и всестороннее знание самой страны объясняют то обстоятельство, что вскоре по приезде в

Россию Елисеев был приглашен на службу переводчиком в Четвертое политическое отделение Министерства иностранных дел и в Российскую экспертную палату. С течением времени он занимал все новые и новые места по своей специальности. С 1917 г. Сергей Григорьевич служил в Азиатском музее, будучи в 1918 г. заведующим архивом. На этой должности ему пришлось заниматься разборкой и описанием фондов П. И. Лерха и А. Л. Куна.

Но основная его профессиональная деятельность – исследование дальневосточного искусства – была связана с изучением петроградских собраний китайских и японских художественных предметов и подготовкой их описания. Он работал в области изучения китайской и японской живописи и японской керамики, с которой познакомился непосредственно на японских заводах. В Институте истории искусств (Зубовский институт), где С. Г. Елисеев работал с 1917 г., он вел ряд курсов по истории китайской и японской живописи, а в 1919 г. после реформирования учреждения был избран профессором. В конце 1919 г. Сергей Елисеев подписал договор с акционерным обществом «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон» об издании книги «История дальневосточного искусства» (АВ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 298), но его отъезд из России помешал этому осуществиться.

С августа 1918 г. С. Г. Елисеев служил ассистентом и секретарем в Отделе Восточных древностей Археологической комиссии, в августе 1919 г. преобразованной в Академию истории материальной культуры (АИМК). Осенью 1919 г. он добился приобретения Академией коллекции японского искусства Н.В. Щегловой и занимался ее изучением. Им была написана статья «Описание собрания эфесов японских мечей собрания Н. Щегловой», и только типографские трудности помешали ее опубликованию [Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 203. Л. 3]. Сергей Григорьевич также состоял членом Восточного отдела Археологического общества, членом Географического общества, а также такой редкой ассоциации, как Общество окончивших университеты в Японии.

Такая занятость была, прежде всего, обусловлена необходимостью обеспечивать семью, но она также свидетельствует и о востребованности молодого востоковеда в то тяжелое для России время.

С. Г. Елисеев более 60 лет (1907–1914 и 1920–1975 гг.) прожил на чужбине. Однако мы не располагаем какими-либо дневниковыми записями тех периодов его жизни. Существуют лишь письма, более или менее пространные, относящиеся к разным городам, странам и отправленные разным адресатам. Но их невозможно собрать воедино, да и неизвестно, сколько их было. Тем большую ценность для биографа представляют любые письменные свидетельства, в частности, дневники Сергея Григорьевича, записанные в Петрограде в первые годы советской власти, и письма дневникового характера (с его собственными более поздними комментариями), написанные уже за границей (в Финляндии сразу после бегства из России), но о событиях тех же лет². К ним следует добавить две записные книжки, очевидно, также от 1919–20 гг. [АВ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 307] и ряд других архивных документов.

Дневник состоит из 32-х листков небольшого формата из отрывного календаря (1–27 января и 18–21 марта 1919 г.) Записи за 28 мая – 4 июня того же года (в тюрьме) сделаны на обороте листка бумаги с доверенностью на получение денег для В.М. Алексева. Текст написан так мелко, что разобрать его без помощи лупы невозможно.

Дневники способствуют восстановлению событий жизни С. Г. Елисеева, проясняют детали взаимоотношений в его большой семье, указывают на его родственные связи. Для биографа С. Г. Елисеева (и всей семьи Елисеевых) это имеет большое значение. Одних только современников там упоминается около 70 человек, с 45-ю из них Елисеев встречался или был близко знаком.

У Сергея Григорьевича было два круга знакомых: представители буржуазии и купечества и деятели науки и искусства. Особенно ценны

возвращенные нам имена людей, в то время блестящих петербургских ученых и организаторов науки, юристов и общественных деятелей, но теперь мало кому известных. Среди них в первую очередь хочется вспомнить Сергея Сергеевича Лукьянова – филолога-классика, ученого секретаря Академии истории материальной культуры; Владимира Николаевича Ракинта – историка искусств, профессора и ученого секретаря Института истории искусств; Бориса Германовича Кнатца – присяжного поверенного, активного участника Февральской революции, близкого друга Сергея и помощника в ведении дел семьи Елисеевых. Вскоре после описываемых событий все они окажутся за границей – кто в Париже, кто в Берлине. В. Н. Ракинт упокоится в Зальцбурге, Б. Г. Кнатц на кладбище Тие-Паризьен, а С. С. Лукьянов, вернувшийся в 1927 г. в СССР, через несколько лет будет арестован и погибнет в лагере.

Судя по дневникам, практически со всеми востоковедами, тогдашними и будущими корифеями науки, чьи имена теперь мы произносим с трепетом, Сергей Григорьевич встречался едва ли не каждый день. В Азиатском музее он служил под руководством академика С. Ф. Ольденбурга, работал бок о бок с А. А. Фрейманом, Б. Я. Владимирцовым, П. В. Ернштедтом, В. М. Алексеевым, Ф. А. Розенбергом, Н. М. Дьяконовой (Алексеевой).

В университете коллегами Елисеева были декан факультета восточных языков Н. Я. Марр, А. Н. Самойлович, О. О. Розенберг, в Археологической комиссии – И. А. Орбели (член Совета). В Зимнем дворце С. Г. Елисеев встречает ассириолога В. К. Шилейко – члена находившейся там Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Дневники Елисеева – прекрасный исторический источник, рассказ очевидца событий в России первых лет советской власти. Небольшие по объему, дневники очень насыщены событиями. В них упоминается об операциях гражданской войны, разгар которой пришелся как раз на 1919 г., об окончании мировой войны, созыве Парижской мирной конференции, социалистической революции в Берлине с убийством К. Либкнехта и

Р. Люксембург, о мирных инициативах союзнических стран в отношении всех русских правительств (речь идет о предполагавшейся конференции на Принцевых островах) и др.

Безусловно, Сергей Григорьевич выражал точку зрения своего класса, а также партии кадетов, членом которой он состоял. Но его трудно упрекнуть в предвзятости. В основном, интерпретация событий совпадает с описанием большевистской газеты «Северная коммуна», которую он читал, кажется, наиболее часто. Однако подчас он основывается на слухах, порой нелепых. Например, о падении Ямбурга (Кингисепп) в конце января 1919 г. и скором вступлении в Петроград союзных войск. На самом же деле Ямбург и Псков были взяты войсками белогвардейцев и белофиннов под командованием генерала Н.Н. Юденича лишь в мае, и вот тогда Петроград оказался под серьезной угрозой. Слухи о скором освобождении Петрограда союзниками муссируются в дневнике в течение всего января, это постоянная тема разговоров Елисеева, его знакомых и незнакомых (например, телефонистки) – настолько оно было долгожданным для многих слоев населения.

Сам же С. Г. Елисеев, безусловно, не принявший большевистский порядок, самым мучительным считал не голод, а нестабильность и неустроенность жизни: «...сегодня декрет о чрезвычайном положении, завтра какая-нибудь регистрация, ...то покража дров или изволь идти чистить улицы» [АВ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 31]. Сергею Григорьевичу приходилось дежурить по ночам у ворот, по-видимому, выполняя распоряжение Комитета домовой бедноты. Социальный состав жильцов дома, очевидно, сильно изменился: в доме осталось только три человека с высшим образованием: сам Сергей Григорьевич, инженер-механик Борисов и доктор Шустер.

Не поддержал С. Г. Елисеев и реформы высшей школы, затеянные большевиками, – в частности, слияние трех факультетов университета (восточного, историко-филологического и юридического) в один факультет общественных наук (ФОН). Таким образом, «восточники» оказались

рассеяны по разным отделениям факультета. По выражению Елисеева, большевики вносят разруху в научное и ученое дело, а их реформы только разрушают старое.

Ценнейшие сведения предоставляют нам записи об экономическом положении в России. О страшном голоде в Петрограде во время гражданской войны известно не очень широко. Голод начался уже осенью 1918 г. (от голода 8 ноября 1918 г. умер тесть С. Г. Елисеева инженер Петр Павлович Эйхе), а к началу 1919 г. достиг своего апогея³. 5 января в лавке, куда ходила прислуга Елисеевых, «ничего не дают, только под вечер выдали овес» [АВ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 5]. Запись от 9 января гласит: «в виде временной меры в столовых стали давать только одно блюдо. Кормят одной водой. Конины нет, дают суп из клюквы». Как пишет Сергей Григорьевич, «голод нам предстоит пережить основательный, и едва ли многие из нас выживут... с продовольствием катастрофически, потому что даже мешочники не хотят продавать за деньги, выменивают хлеб на папиросы и т.п.». По-видимому, вскоре торговля была разрешена, что немного улучшило продовольственное положение. «Сейчас <17 января – С. М.> не так голодно, потому что появились мешочники, но цены высокие – 25 руб. фунт мяса, 75 руб. фунт масла».

Часто чай с кусочком черного хлеба (если вообще был хлеб, а не лепешки из молотого овса) заменял Сергею Григорьевичу завтрак и ужин. Чтобы не особенно нуждаться и прокормить детей, Елисеевым нужны были немалые деньги. Их постоянно не хватало. Жалованье С. Г. Елисеева в университете составляло 480 рублей за полмесяца. В Азиатском музее и в Археологической комиссии – 660 и 530 рублей соответственно (вероятно, тоже за полмесяца). Еще некая сумма причиталась ему в Институте истории искусств. Однако жалованье часто задерживали, приходилось продавать вещи. Так, за 700 руб. Сергей Григорьевич продает костюм и за 400 руб. сдает на комиссию пальто покойного тестя. Ему приходится брать деньги в

долг. К концу 1919 г. положение несколько улучшилось – созданная большевиками «Комиссия по улучшению быта ученых» постановила выдавать ученым паек и «довольно хороший. Это была огромная поддержка». Однако холодная зима, отсутствие отопления в учреждениях и жилых домах, а также трудности с заготовкой дров вновь сделали жизнь семьи почти невыносимой.

Такие тяжелые условия жизни в конце декабря 1918 г. привели Сергея Григорьевича к тяжелому сердечному заболеванию, которое он сумел победить только благодаря своей молодости. В воскресенье 26 января (13 января по старому стилю) 1919 г. Елисееву исполнилось 30 лет. Поздравить его пришли И. А. Орбели, Н. М. Дьяконова, младший брат Александр. Частыми его гостями были также В. М. Алексеев, С. С. Лукьянов, биолог П. Ю. Шмидт и др.

Из всей большой семьи Елисеевых Сергей общался только с братом Сашей, сестрой Мариэттой, тетей со стороны матери Софьей Андреевной Опатович и двумя кузинами. Брат Николай был уже за границей, скорее всего, в Германии. Старший брат Григорий, врач, вероятно, находился в действующей армии. Однако неизвестно, где был младший из братьев Елисеевых, Петр, и почему они с Сергеем не встречались. На свадьбе Александра Елисеева осенью 1919 г. присутствовали только Сергей с семьей и С. А. Опатович.

В Петрограде Сергей Григорьевич и его семья проживали на Большом проспекте Петроградской стороны в доме № 82. Их квартира № 17 находилась на шестом (мансардном) этаже. По возвращении из Японии в Петроград летом 1914 г. Сергей Елисеев поселился на Песочной набережной в доме № 24а. 22 октября (или ноября) того же года состоялось его венчание с Верой Петровной Эйхе. По-видимому, молодая семья продолжала жить по этому адресу еще некоторое время, и точно неизвестно, когда Елисеевы переехали на Большой проспект⁴. Дом, облицованный серым гранитом,

декорированный эркерами и лепными барельефами, принадлежал А.А. Никольскому и был построен по проекту архитектора А.Ф. Барановского в стиле модерн [Никитенко, Привалов, 2009. С. 265]. Это последний петроградский (петербургский) адрес Сергея Григорьевича. Из этого дома Елисеевы уехали в эмиграцию в сентябре 1920 г.

Неизвестно, почему Сергей и Вера Елисеевы остались в России, в то время как старшая сестра Веры с мужем уехала во Францию еще в июне 1918 г. Самая вероятная причина – рождение младшего сына Вадима (18 мая). Некоторое время, вплоть до начала 1919 г., Сергей Григорьевич еще надеялся на вмешательство союзников и освобождение Петрограда от большевиков, воспринимая тогдашнюю ситуацию как преходящую. Елисеевы предполагали уехать в Швецию, куда их пригласили русские друзья, находившиеся в Стокгольме, но уехать ненадолго, до лучших времен. Коллеги поддержали его решение, понимая, что Сергей как сын купца-миллионера подвергался наибольшей опасности. В первой половине 1919 г. ученому удалось получить командировку от Азиатского музея в Швецию, Германию, Англию и Францию для закупки книг, «в которых Музей настоятельно нуждается» [АВ. Ф. 152. Оп. 1 а. Ед. хр. 64. Л. 33]. Но командировка была приостановлена в Комиссариате народного просвещения в связи с осложнившимся положением дел на фронте.

В аналогичную командировку попыталась отправить Елисеева с семьей в конце 1919 – начале 1920 гг. Академия истории материальной культуры [АВ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 291–296]. Однако контекст ее уже совершенно иной. 28 мая Сергей Григорьевич был арестован и помещен в Военную тюрьму около Финляндского вокзала как заложник за своего отца. Только благодаря хлопотам коллег – известных ученых – в тот раз ему удалось избежать самого страшного. Ясно было, что в покое власти вряд ли его оставят. Однако и новая командировка не была утверждена в инстанциях. В Комиссариате иностранных дел С. Г. Елисееву отказали в выезде за границу, т.к. он обязан был преподавать на курсах востоковедения, организованных в

Москве при Академии Главного штаба. Когда стало ясно, что легально из страны не выбраться, Сергей Григорьевич стал искать обходные пути. В марте 1920 г. семья Елисеевых сделала попытку уйти из Петрограда в Финляндию по льду Финского залива, но помешала случайность. Только в ночь на 23 сентября финны-контрабандисты переправили их на лодке в Финляндию. Началась новая жизнь, ставшая их судьбой.

Из Финляндии Елисеевы вскоре перебрались в Стокгольм, затем в Париж. Став французскими гражданами, они обрели во Франции свою вторую родину. За научные заслуги перед Францией С. Г. Елисеев был награжден Орденом Почетного легиона. После почти 25 лет преподавания в Гарвардском университете в США (1932–1957 гг.) Сергей Григорьевич вернулся в Париж и прожил там последние 20 лет жизни. Упокоился он вместе с супругой на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Сергею Григорьевичу никогда более не было суждено побывать в России. В Советском Союзе он был почти забыт. Теперь в Россию вернулось его имя – имя выдающегося русского востоковеда, обретшего мировую славу.

Список сокращений

АВ – Архив востоковедов Института восточных рукописей
Российской Академии наук

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ЛО ИВ АН СССР – Ленинградское отделение Института
востоковедения Академии наук СССР ЦГИА СПб

Рецензент (ы) _____

Программа _____ одобрена _____ на _____ заседании

(Наименование уполномоченного органа вуза (УМК, НМС, Ученый совет)

от _____ года.

